

T 52 (251)
M 136
955854

А.И.МАЗИН

**Традиционные
верования
и обряды
эвенков-
орочонов**

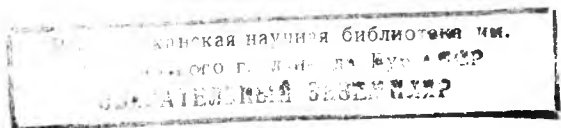
T52 (251)
M 136

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

А. И. МАЗИН

ТРАДИЦИОННЫЕ
ВЕРОВАНИЯ
И ОБРЯДЫ
ЭВЕНКОВ-
ОРОЧОНОВ
(конец XIX—начало XX в.)

Ответственный редактор
чл.-кор. АН СССР А. П. Деревянко

953854

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Новосибирск · 1984

М а з и н А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX—начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 1984.

В работе на большом фактическом материале рассмотрены представления эвенков-орочонов об окружающем мире, вселенной, душе, духах-покровителях, идолах-оберегах, отношении к промысловым животным, человеку, болезням, рождению и т. д., описаны различные обряды. Дано подробное описание шаманской атрибутики, обрядов и камланий. Книга рассчитана на этнографов, археологов, историков.

Р е ц е н з е н т ы:

*С. А. Арутюнов, Ф. Ф. Болонев,
А. М. Сагалаев, А. А. Сидоренко, А. В. Тиваненко*

ВВЕДЕНИЕ

Исследование традиционных верований и представлений малых народов Сибири, еще недавно находившихся на стадии первобытно-общинного строя, представляет задачу огромной важности. В настоящее время архаичные, традиционные представления о мире довольно быстро сменяются современными. Успехи в хозяйственном развитии малых народов Сибири, в том числе эвенков-орочонов, достижения в области культуры, просвещения, здравоохранения ведут к вытеснению традиционного уклада жизни и религиозных верований. Изучение религиозных систем, выявление архаических корней еще бытующих ныне традиционных верований показывает особенности развития форм общественного сознания на разных этапах, а также пути исторического развития этих народов.

Эвенки-орочоны, малоизученная этническая группа эвенков, имели специфические особенности в языке, хозяйстве, социальном строе, материальной и духовной культуре, в том числе в религиозных воззрениях ¹.

Г. М. Василевич относил к орочонам группы эвенков, кочевавших по отрогам Станового и Яблонового хребтов, разговаривающих на сибилантно-спирантном диалекте и имевших орочонский тип оленеводства. Этот тип оленеводства по сравнению с эвенкийским характеризовался наличием более многочисленного стада; оленей использовали как средство передвижения, под вьюк и верховую езду; кочевки зависели от потребности оленей в корме; кочевали вместе с оленями, во время кочевок и на охоте ездили на них. Г. М. Василевич пришел также к выводу, что орочонский тип оленеводства появился гораздо раньше, чем эвенкийский. Эти особенности хозяйства обусловили специфические особенности их календаря и хозяйственного цикла года ². Описывая амурских орочонов, А. А. Орлов отмечал, что орочонами называются оленные тунгусы, проживающие за Витимом, по Олёкме, Тугниру, Нюкже, Ольдою и Амуру ³. К концу XIX — началу XX в. эвенки-орочоны расселялись по левобережным притокам среднего течения р. Витим, в верховьях Олёкмы и Алдана, среднем течении Май (правый приток Алдана) и по левобережным притокам верхнего Амура ⁴.

К моменту нашего обследования территория, занимаемая эвенками-орочонами, значительно сократилась. Проживая в юго-восточ-

ной Якутии, они смешались с якутами, русскими и другими национальностями. По данным С. И. Николаева, на 1959 г. в Алданском районе языком своей национальности из 1520 эвенков владели 222 чел., в Усть-Майском из 1327 эвенков — всего 36 чел.⁵

Целью настоящей работы является описание системы традиционных верований, представлений о мире и обрядов в том виде, в котором она сложилась к концу XIX — началу XX в. у эвенков-орочонов, кочевавших в верхнем и среднем течении Олекмы, в бассейне Нюкжи и по левым притокам верхнего Амура. В задачу автора не входит сравнительный анализ описываемых взглядов и верований, а также четкое выделение их исторических корней, генезиса и временных пластов. Это — задача дальнейших исследований. В работе сделана лишь первая попытка, разумеется не бесспорная, дать общее представление о традиционных верованиях эвенков-орочонов и некоторые сведения о времени и исторических условиях их зарождения.

Говоря о системе религиозных представлений эвенков-орочонов, невозможно обойти вопрос о сочетании шаманских и дошаманских элементов, о роли шаманизма в формировании этой системы, тем более что, как указывается ниже, архаические верования и представления о мире были трансформированы шаманизмом; до нас они дошли уже сильно изменившимися под влиянием шаманских представлений.

Как отмечается рядом исследователей, у народов Сибири и Севера в конце XIX — начале XX в. религиозные представления и верования находились под контролем шаманства. Сами шаманы являлись наиболее ярыми их блюстителями. Это наблюдается у ненцев, селькупов, нганасан, кетов, нивхов, эскимосов, долган⁶, эвенков⁷ и других народов.

В религиозоведческой и этнографической литературе шаманизму посвящено большое количество работ. Но до настоящего времени их авторы не пришли к единому заключению относительно природы и социальных корней шаманизма. В задачу нашей работы не входит анализ всех имеющихся точек зрения, мы остановимся лишь на основных положениях. С. А. Токарев, Н. А. Алексеев, И. С. Гурвич и ряд других ученых считают, что шаманизм является одной из форм религий⁸. В свое время этого мнения придерживался и И. С. Вдовип.

С. А. Токарев, отмечая, что шаманизм представляет собой одну из форм религии, отделяет его от бытовавших народных верований. «Эффектные, при всей своей дикости, шаманские камлания, кровавые жертвы, причудливая демонология, — пишет он, — все это невольно притягивало внимание наблюдателей и заслоняло от них тем менее заметные формы религиозных верований, которые существовали рядом с шаманством, почти не смешиваясь с ним»⁹.

И. А. Кривелев, правильно определив в качестве основного компонента религии религиозные верования и представления, при этом ошибочно считал основой шаманства веру в демонов, а сам шаманизм — религиозно-общественным явлением или культовой стороной полидемонизма¹⁰.

Интересна точка зрения по поводу шаманизма и религиозных верований И. С. Вдовина. Анализируя шаманство народов Севера и Сибири, он, с одной стороны, соглашается, что шаманы (в частности, у бурят, тувинцев и якутов) «наряду с колдовскими узурпировали отправление почти всех общинных и семейных культов»¹¹, с другой — приходит к заключению, что «при изучении шаманизма народов Сибири и Севера следует отличать то, что относится к религии, от того, что относится собственно к шаманству или колдовству. Нельзя смешивать эти генетически и функционально разные явления. Все валить в одну кучу значит запутывать существо дела, смешивать несовместимые по социальной природе и социальному назначению явления общественной жизни народов»¹².

Исследуя материалы по религиозным представлениям и верованиям эвенков-орочонов, мы пришли к выводу, что идеи, высказанные И. С. Вдовиным, правомерны только относительно ранних ступеней развития религиозных верований и шаманизма. Шаманизм — это одна из форм первобытных религий, возникающих в определенных условиях социально-экономического развития на последней ступени разложения первобытно-общинного строя, когда шаманство впитывает в себя все предшествующие религиозные верования, представления и совокупность религиозно-магических действий народа, дополняет и развивает их и создает свои представления о мире и окружающей среде, усложняет и оттачивает культ, приспосабливает и узаконивает бытующие нормы поведения. На этой базе формируется общественный институт со специфическими эмоциональными переживаниями, связанными с верованиями и культом.

Как отмечала Е. В. Ревуненкова, «шаманизм — это особая система мировоззрения, включающая в себя элементы рационального, иррационального и художественно-образного познания мира, выражающаяся в представлении о возможности реального общения между тремя космическими зонами вселенной, которое осуществляется особым лицом путем специального ритуала, и удовлетворяющая самые разнообразные потребности данного коллектива людей (социально-психологические, эмоциональные, эстетические и другие)»¹³.

Шаманизм как одна из форм религии явление позднее. По этому вопросу С. И. Вайнштейн справедливо отметил, что «на ранних ступенях развития человеческого общества формирующийся шаманизм, сосуществуя с другими формами первобытных верований, не имея «специализированных» служителей, играл второстепенную роль в общественном сознании, мог оставаться незамеченным посторонними наблюдателями»¹⁴. С гипотезой о позднем формировании у народов Сибири развитого шаманизма выступал и С. П. Толстов, но он ошибочно считал, что шаманизм возник не на собственной основе в силу сложившихся социально-экономических условий, а под влиянием буддизма¹⁵.

В специальной литературе достаточно широко освещены религия и религиозные представления эвенков Прибайкалья и Забайкалья¹⁶.

Традиционные верования и представления о мире эвенков-орочонов рассматриваемой территории практически не освещены. О них

имеются лишь отдельные сведения у Р. К. Маака¹⁷, Г. Е. Грум-Гржимайло¹⁸, Г. Н. Госсовского¹⁹ и в общей характеристике религиозных представлений эвенков у Г. М. Василевич²⁰.

Данная работа основана на полевых материалах, собранных автором и взятых из фондов Амурского областного музея краеведения г. Благовещенска, районного музея краеведения г. Зеи Амурской области и районного музея г. Белогорска Амурской области.

Необходимо отметить, что шаманизм в том виде, в котором он бытовал в дореволюционной России и в первые годы Советской власти, почти исчез. О нем могут рассказать лишь представители старшего поколения. Молодежь и даже лица среднего возраста в большинстве своем уже плохо помнят традиционные верования, обряды и обычаи своих предков, а некоторые вообще не имеют о них ни малейшего представления. Шаманские ритуалы, заклинания, песнопения также известны очень небольшому кругу людей. Охотничьи и оленеводческие обряды и праздники знают многие. Некоторые охотники и оленеводы пожилого возраста совершают их и в настоящее время. В поле зрения современных исследователей попадают также предметы и обстановка, предназначенные для обрядов, шаманские атрибуты. Живы еще и кое-кто из бывших шаманов. Все это в целом, наряду с привлечением отдельных материалов из фольклора, этнографии и археологии, дает возможность воссоздать и описать традиционные верования, представления и обряды эвенков-орочонов.

Большую помощь автору во время сбора полевых материалов оказали информаторы К. В. Григорьев из рода Каптугар, 1908 г. рожд. (место рождения — р. Большой Ольдой, левый приток Амура); Н. И. Антонов из рода Чакагир, 1902 г. рожд. (р. Амуткачи, левый приток Амура); И. Н. Иванов из рода Пуягир, 1919 г. рожд. (р. Джалинда, левый приток Амура); Ф. Г. Боярковская из рода Хэбгимнгу, 1911 г. рожд. (р. Амуткачи, левый приток Амура); Е. П. Илютки из рода Ингалахинкур, 1906 г. рожд. (р. Нюкжа); Ф. А. Непсердинов из рода Бугачар, 1915 г. рожд. (р. Олёкма); Н. А. Яковлев из рода Буллёт, 1924 г. рожд. (р. Зея); И. Н. Габышев из рода Метакан, 1932 г. рожд. (р. Олёкма); С. Ф. Николаев из рода Дангой, 1912 г. рожд. (р. Олёкма); Ф. С. Яковлев из рода Буллёт, 1906 г. рожд. (р. Зея); Е. Н. Яковлева из рода Буллёт, 1918 г. рожд. (р. Зея); К. Г. Ростолова из рода Ниноган, 1915 г. рожд. (р. Гилюй); Г. Я. Сологон из рода Мочен, 1919 г. рожд. (р. Большой Ольдой); Т. Я. Илюткина из рода Ингалахинкур, 1912 г. рожд. (р. Большой Ольдой) и ряд других эвенков.

В исследовании фондовых материалов автору помогал лаборант ИИФиФ СО АН СССР В. Калитенков.

Помещенный в работе иллюстративный материал выполнен: рис. 2, табл. 4 — И. Климовой; рис. 1 — Б. Абрамовым, рис. 46 — К. В. Григорьевым; рис. 3—5, 7—11, 27, 41, 44—45, табл. 3, 4 выполнены тушью по карандашным рисункам или фотографиям автора В. Калитенковым; табл. 15, 17—19, 27 — В. Калитенковым; рис. 6, 11, 14, 15, 19, 28, 32—38, табл. 1, 2, 5, компоновка и оформление рисунков и таблиц сделаны автором.

Глава I

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЭВЕНКОВ-ОРОЧОНОВ ОБ ОКРУЖАЮЩЕМ МИРЕ

Эвенки-орочоны полагали, что вселенная состоит из трех миров: верхнего (*угу буга*), среднего (*дулин буга*), нижнего (*хэргу буга*). Верхний мир располагался там, где восходит солнце, нижний — где заходит. Считалось, что верхний и нижний миры простым людям недоступны — в них могли попасть только шаманы, причем наиболее сильные, которые и формировали у простых эвенков представления об этих мирах. Вход в верхний мир был через Полярную звезду (*Санарин*), в нижний мир можно было попасть через расщелины и пещеры на земной поверхности. В теплое время года из расщелин и пещер веет прохладой, зимой — теплом; эвенки считали, что это выходит воздух из нижнего мира, и, чтобы не накликать на себя беды, обходили эти места. Верхний и нижний миры делились на три яруса каждый. Определенное представление о вселенной передает ритуальный шаманский столбик — *сэргэ*, метровой длины, отесанный из лиственницы с тремя выступами. Куполообразный верхний выступ изображает верхний мир, дисковидный средний — землю и округлый, с небольшим уплощением, — нижний мир (рис. 1).

1. ВЕРХНИЙ МИР

По представлениям эвенков-орочонов, в верхнем ярусе верхнего мира располагались солнце, луна, звезды (рис. 2). Солнце (*сигун*) имело образ женщины, и называли его *энекан сигун* (бабушка-солнце). От солнца зависела смена времен года. Считалось, что зимой оно сидит в своей юрте и копит тепло, а весной отпускает это тепло на волю, от этого начинает таять снег, вскрываются реки, наступают теплые дни. Смена дня и но-

Рис. 1. Ритуальный шаманский столбик *сэргэ*, изображающий вселенную.

Рис. 2. Представления эвенков о верхнем мире. Рисунок И. Климовой со слов К. В. Григорьева.

Рис. 3. Мани, преследующий лося, похитившего солнце. Майская писаница.

чи интересно объясняется в легенде, рассказанной автору в 1976 г. Н. И. Антоновым.

«Это было давным-давно, когда земля еще не разрослась и была совсем маленькой, но на ней уже появилась растительность, жили животные и люди. В то время не было ночи, солнце светило круглые сутки. Однажды в осенний день лось-буга (лось-самец во время гона) схватил солнце и побежал в сторону неба. Лосиха-матка (*энныи*), ходившая с лосем, побежала за ним. На земле наступила ночь. Люди пришли в замешательство. Они не знали, что делать. В то время среди эвенков жил знаменитый охотник и силач Мани. Он единственный из эвенков не растерялся. Взял лук, позвал двух охотничьих собак и побежал вдогонку за лосями. В это время лоси удалились и бежали по небу. Собаки Мани быстро нагнали и остановили их. Лось, видя, что от собак вдвоем не уйти, передал солнце лосихе, а сам стал отвлекать собак. Самка, улучив момент, резко повернулась и побежала в сторону севера к небесной дыре, чтобы скрыться от преследователей. Подоспевший Мани застрелил лося, но солнца у него не оказалось. Догадавшись, что лось передал солнце лосихе, он стал искать ее глазами по небу и увидел, что она уже близко от небесной дыры и может скрыться. Тогда он стал стрелять в нее из своего богатырского лука. Первая стрела легла в двух промерах ее туловища спереди, вторая — в одном, третья точно угодила в цель. Как только Мани отобрал солнце и вернул его людям, все участники космической охоты превратились в звезды. С тех пор происходит смена дня и ночи и космическая охота повторяется. Каждый вечер лоси выкрадывают солнце, в свою очередь, Мани гонится за ними и к утру возвращает людям солнце».

Легенды о похищении лосем солнца были в свое время записаны также А. Ф. Анисимовым и М. Ошаровым у эвенков Подкаменной Тунгуски¹. Персонажи этой легенды встречены нами и на наскальных рисунках по р. Мая. На них нарисованы два лося, самец и сам-

ка, преследуемые человеком с луком. У самки под брюхом — антропоморфное изображение солнца (рис. 3)².

По преданию, связанные с описанной выше легендой четыре звезды, образующие ковш созвездия Большой Медведицы, являются следами лося-самца. Три звезды ручки ковша, три звезды пятой величины около них и наиболее близкая от созвездия Гончих Псов звезда — следы собак Мани, остановивших лосей. Сам Мани — пять звезд, расположенных ниже днища ковша, входящих в созвездие Большой Медведицы. Ковш созвездия Малой Медведицы — это следы лосихи, пытавшейся уйти от преследователей. Первая и вторая звезды ручки ковша — стрелы Мани. Третья звезда ручки ковша (Полярная звезда) — отверстие, или дыра (санарин), через которое лосиха пыталась скрыться.

С созвездием Большой Медведицы у эвенков-орочонов связан другой вариант легенды, который был рассказан автору в 1980 г. К. В. Григорьевым.

«Однажды в осенний охотничий день собрались у костра эвенк, юкагир и чукча. При разговоре заспорили, кто из них лучший охотник. Чтобы доказать на деле, они в тайге отыскиали лося и погнались за ним. Предварительно договорились: кто первый из них догонит и убьет зверя, тот и лучший охотник. Зверь попался сильный, долго водил их по тайге, но, выдохшись, побежал по небу. Охотники продолжали его преследовать: первым бежал эвенк, вторым — юкагир, третьим — чукча. Как только все они вбежали на небо, так сразу превратились в звезды. Ковш созвездия Большой Медведицы, состоящий из четырех звезд, — это лось, первая звезда ручки ковша — эвенк, вторая — юкагир, третья — чукча. А звезда из созвездия Гончих Псов, расположенная около последней звезды ручки ковша, — это собака эвенка, которая участвовала в охоте на лося, но отстала от охотников».

Среди звезд и планет эвенки — прирожденные охотники и оленеводы — особо выделяли Полярную звезду, Большую и Малую Медведицы, Млечный Путь, которые считали следами космической охоты Мани и его собак. Девять звезд, расположенных правее и чуть выше ковша Большой Медведицы, назывались девятью невинными девушками, а девять звезд, которые находятся правее и чуть ниже ковша, — девятью невинными юношами.

Внимание эвенков привлекала очень яркая звезда, которая после солнечного заката появлялась на небе с западной стороны. Утром, перед восходом солнца, она появлялась вновь, но уже на востоке. Эту звезду эвенки называют *Чалбон* (Венера). С этой планетой связаны шаманские обряды верхнеамурских эвенков. Они считают, что эта звезда является прародиной людей, на ней помещены неродившиеся души (*оми*) всех людей, в том числе шаманов. Путь на Чалбон открыт только сильным шаманам. Из их рассказов и сложились представления о звезде Чалбон у простых эвенков.

Считается, что расстояние до звезды Чалбон *27 тагу* (высокие молодые лиственницы с голыми стволами и ветками на вершине; используются во время камлания, когда они служат «остановками»

для отдыха души шамана и духов-помощников). Это самый длинный шаманский путь. Вся территория звезды Чалбон разделена на родовые участки, на которых растут только сухие лиственницы (*мугдыкен*), многие из них со сломанными вершинами. Все они увешаны птичьими гнездами, где помещаются души оми. Души оми простых людей выглядят, как птенцы синички (*чипиче-чиче*). Души шаманов находятся в дуплах лиственниц. Шаманские души выглядят по-иному, чаще всего имея вид птенцов перелетных птиц (орлов, лебедей, гагар, куликов и т. д.). Кормятся все эти нерожденные души людей нерожденными душами животных и птиц, которые им посылает *энекан буга* — хозяйка вселенной и рода человеческого. Заботу по выкармливанию нерожденных душ оми берут на себя *хэян* — живые души умерших предков.

К. В. Григорьев рассказывал, что в молодые годы он серьезно заболел и должен был стать шаманом, так как этого якобы требовали души предков. Чтобы избежать такой участи, он обратился к шаману из рода Донмаль А. Н. Дмитриеву с просьбой вылечить его. Выехали они в тайгу, поставили палатку, изготовили четыре *ментая* (деревянные идола с антропоморфными головками, без рук и ног), одного орла, одну гагару, двух чирков и 27 тагу. От палатки с места *малу* (место на противоположной от выхода стороне палатки) в направлении на звезду Чалбон поставили сначала изображения птиц, а потом тагу; внутри палатки, по углам, — четыре ментая. Вечером началось камлание, которое продолжалось два дня. Первый день шаман, по его словам, летал на звезду Чалбон для разведки, чтобы узнать, где расположена родовая территория неродившихся душ рода Каптугар (К. В. Григорьев из этого рода), а на второй день — для «выкрадывания» души К. В. Григорьева, чтобы тот не стал шаманом. После камлания А. Н. Дмитриев рассказывал, что увидел эту душу в образе птенца орла на самой высокой лиственнице — *мугдыкен*, в дупле у самой вершины. Там стоял сильный такой шум и крик. Все лиственницы были увешаны гнездами птиц, гнезда находились и в дуплах. Так как он очень торопился, больше ничего не успел рассмотреть. Схватив душу, за которой он летал, быстро отправился назад. Когда появились зеленые деревья и шаман был почти рядом с землей, ему встретилась берлога с огромнейшим медведем, он сильно напугался и выпустил душу. А. Н. Дмитриев долго сожалел об этом и боялся, как бы эту душу не похитил медведь.

Луну (*бега*) эвенки-орочоны представляют в образе зеркала *энекан буга* — хозяйки вселенной и рода человеческого. В полнолуние, при ясной погоде, на луне видны темные пятна. Эвенки считают, что они похожи на изображение стоящей старушки с мешочком (*чеппули*). По этому облику шаман ориентируется и отыскивает *энекан буга*, когда «летит» к ней со своими просьбами.

Во втором ярусе верхнего мира, по представлениям эвенков, жизнь такая же, как на земле. Он разделен на родовые территории — стойбища, поселки и временные стоянки (эвенки-орочоны называют их таборами). Есть в этом ярусе болота, реки и тайга. Только живут здесь не реальные звери, птицы, растительность, а живые души

умерших или погибших предков. Вместо настоящих людей здесь также обитают живые души умерших предков. Душа живого человека называется *хэян*, после его смерти в теле поселяется новая душа — *мугды*, а душа хэян вылетает из тела и делится на две души: оми, которая улетает на родовую территорию неродившихся душ, и хэян, которая поселяется на родовой территории живых душ умерших предков. Живут эти души такой же жизнью, как и на земле, охотятся, занимаются рыбной ловлей, оленеводством.

На третьем ярусе верхнего мира, или первом от земли, живет энекан буга. Эвенки представляют ее как очень старую сторбленную женщину с добрым лицом, в длинном платье из ровдуги. Волосы зачесаны назад (возможно, на голове капюшон). В левой руке она держит чепцули, полный шерстинок — душ разных животных, в правой — шерстинку, чтобы подарить ее кому-нибудь из людей (см. рис. 2)³.

С. М. Широкогоров, а позже А. Ф. Анисимов отмечали, что у эвенков высшим божеством, хозяйкой тайги, зверей и рода человеческого, является *энекэ бугады*, которая обитает в святищах родового культа — скалах *бугады*. Энекэ бугады ассоциируется с образом зверя — лося или дикого оленя. В более позднее время она представлялась антропоморфным существом.

У эвенков-ороченов первоначальное представление об энекан буга, по всей вероятности, также было связано с лосем или оленем (и в настоящее время лося и оленя во время гона они называют *буга* — божественный), но с развитием шаманизма энекан буга приобрела антропоморфный облик.

По рассказам, энекан буга постоянно обходит свои владения и наблюдает за охраной устоев вселенной. Особенно любит она посещать скалы с рисунками. Эвенки поклоняются этим наскальным рисункам и приносят им жертвы (полагая, что этим они задабривают энекан буга и ее помощников), чтобы духи были милостивы, содействовали охоте и разведению домашних оленей.

Наиболее почитаемая помощница энекан буга — *энекан того* (бабушка-огонь). Эвенки представляли ее в образе очень старой сторбленной женщины, за плечами у которой мешочек с углями (рис. 4).

По верованиям эвенков, огонь обладал сверхъестественной силой изгонять злых духов. При помощи огня они очищали от злых духов юрты, при длительной неудаче в охоте — охотничье снаряжение, перед камланиями — шаманское снаряжение. Во время эпидемий в очаге меняли огонь, добывая его путем сверления. Невеста приобщалась к роду мужа после того, как «угощала» огонь жиром. Эвенки часто обращались к огню с мелкими просьбами: послать зверя, благополучие и здоровье семье, здоровье оленьему стаду и т. д. При этом они приносили ему жертвы, бросали первый лакомый кусочек еды.

Постоянным местом обитания энекан того был очаг. В связи с этим у эвенков сложилось доброжелательное отношение к огню, появились всевозможные запреты:

Не бросай в огонь острые предметы, наколется дух — хозяйка огня.
Не руби дров около огня, ударишь бабушку и в дороге не будет гореть огонь.

Не клади нож острием к огню, поранишь бабушку — обидится.

Не проливай рядом с огнем кровь боровой птицы, вымажешь бабушку — обидится.

Не бросай в огонь лапы боровой птицы, кости животных, кости рыбы: так не угощают бабушку-огонь, она обидится и накажет.

Не бросай в огонь свежий тальник, будет щипать бабушке глаза — обидится.

Не сжигай смолистые шишки и березовые наплывы. Если сожжешь, то ты сам или твой олень, будучи ранеными, сгорите от жара.

Не плюй в огонь, если плюнешь — вымажешь бабушку, она накажет: появятся на губах и языке язвы.

Нельзя класть в огонь одно или два полена, можно только три, иначе бабушка обидится и покинет очаг.

Почтание огня у эвенков складывалось тысячелетиями, оно тесно связано со всеми обрядами культа духов-охранителей. Всюду, где фигурируют эти духи, поклоняются и духу огня: когда совершали обряды кормления духов-охранителей, кормили и дух огня; когда чествовали защитников и кормильцев семьи по случаю удачной охоты, прежде всего угощали дух огня и т. д. В представлениях и обрядах, связанных с культом огня, он выступает, с одной стороны, как хозяин и глава семьи или рода, а с другой — как хранитель душ членов этой семьи или рода.

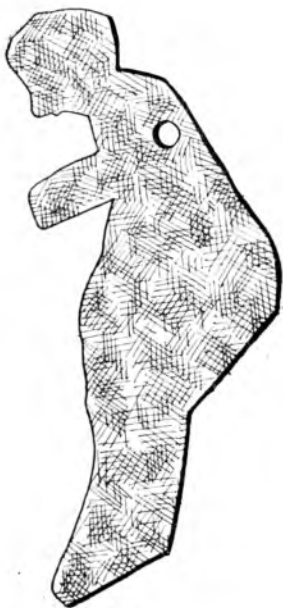

Рис. 4. Энекан того (бабушка-огонь). Подвеска на шаманском костюме И. И. Яковлева из рода Буллёт.

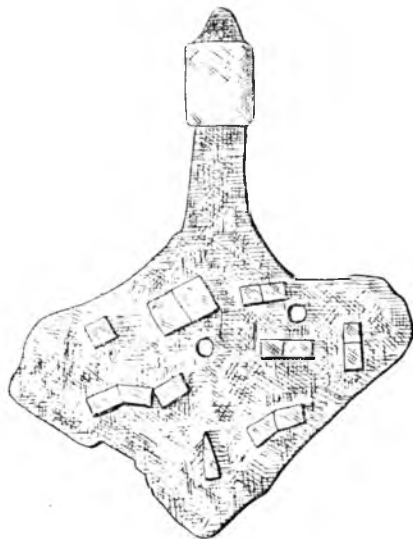

Рис. 5. Птица агды. Подвеска на шаманском костюме И. И. Яковлева из рода Буллёт.

Рис. 6. Зооантропоморфная фигурка *агды*. Подвеска на шаманском костюме А. И. Ростолова из рода Ниноган.

Гром и молнию эвенки называли одним словом *агды* (гроза). О внешнем облике *агды* были разноречивые представления. Зейские эвенки считали, что это — железная птица, похожая на орла, с огненными глазами. При ее полете происходит гром, а от сверкания глаз — молния (рис. 5).

Рис. 7. Изображение агды на писанце в верховьях Зен.

Нюкжинские и амурские эвенки представляли агды в образе многоликого пляшущего существа с медвежьей головой, человеческим телом и крыльями орла. Трехпалость его рук, как считают верхнеамурские эвенки, свидетельствует о его принадлежности и властвовании в трех мирах: верхнем, среднем и нижнем. В правой руке он держит огненный шар—шаровую молнию. На крыльях у него каменные кинжалы, из головы торчат огненные кинжалы (рис. 6). Верхнезейские эвенки в раннем средневековье, по всей вероятности, представляли агды в антропоморфном облике в виде пляшущего человека с трехпалыми, расставленными в стороны руками и торчащими из головы огненными кинжалами (рис. 7)⁴. Многие шаманы верили в то, что агды является их духом-помощником и они могут при надобности в любое время наслать его на противника. Если птица агды была духом-помощником шамана, то чтобы агды без его ведома не буянил, он закрывал у его изображения глаза металлической пластинкой.

Одним из влиятельных помощников энекан буга на земле считался *сэвэки* — добрый дух, постоянно заботящийся о человеке. Он помогал сохранять здоровым оленье стадо, выискивал в тайге и посылал охотнику зверя, оберегал людей от болезней и всякого рода неприятностей. О его внешнем облике бытовали разноречивые мнения: одни говорили, что это очень старая женщина, другие представляли сэвэки в облике старика, третьи — в образе лося или лосихи, наконец, существовало предположение, что это молодая, на редкость красивая эвенкийская девушка.

Так, И. Н. Иванов рассказывал автору, что однажды к одному охотнику из рода Колтоски во время охоты в палатку пришла молодая красивая девушка и попросилась к нему. Охотник догадался, что это сэвэки, и разрешил ей остаться. С ней он прожил весь охотничий сезон. Не допускал резких движений, громкого стука, так как она была очень пугливой. Охота у него в эту зиму выдалась богатой. Он добыл много соболей и другого зверя. Когда вернулся с охоты, то его начали спрашивать, как он смог добыть столько дичи. Тогда

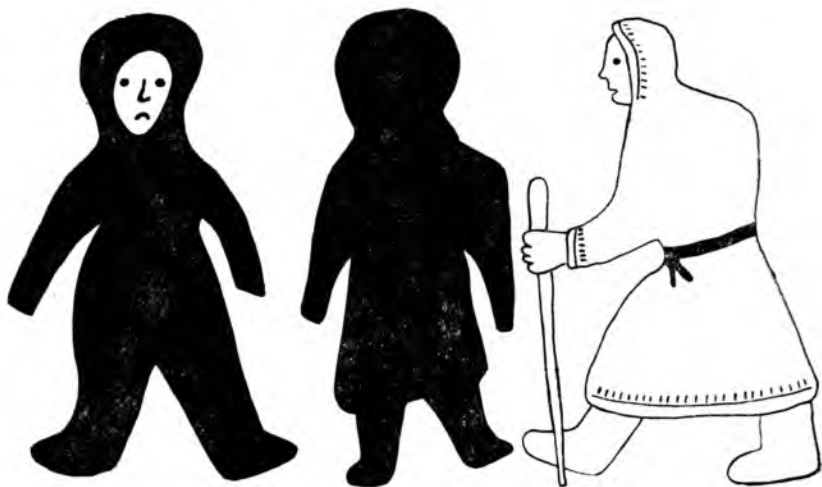

Рис. 8. Покровитель растительного и животного мира—сэвэки. Изображения на *наму*.

он и рассказал обо всем, что случилось с ним в тайге. После этого его покинула охотничья удача, и вскоре он умер. Все было бы хорошо, если бы он смог свою удачу на охоте и сожителство с сэвэки держать в строгой тайне. Тогда его жизнь была бы счастливой, а промыслы — удачными.

Г. М. Василевич в 1947 г. записала бытовавшее у верхнеамурских эвенков предание, в котором повествуется о том, что хозяином зверей и растительности является молодая красивая девушка⁵.

Представление о внешнем облике сэвэки можно получить из рисунков на ритуальных ковриках — *наму*. Здесь у сэвэки антропоморфный облик, но пол определить трудно (рис. 8).

2. НИЖНИЙ МИР

Эвенки-орочоны считают, что в первом ярусе нижнего мира (дальнем от земли) расположена земля умерших предков (*буни*). Там такая же жизнь, как и на земле. Умершие сородичи живут родами и племенами, подобно жителям земли. У них такие же жилища, занимаются они охотой, рыбной ловлей, ставят в тайге ловушки на зверя и птицу, одеваются в одежды, подобные эвенкийским. Во главе жителей земли буни стоят старики и старухи. У них свои шаманы и шаманки, они проводят такие же камлания, как на земле. Отличие жителей нижнего мира заключается только в том, что они питаются не земной пищей, а одними кузнечиками, и тела их холодные, без дыхания и биения сердца.

В земле буни никто из земных жителей не был. Представление эвенков о ней сложилось из рассказов шаманов, которым о своей

жизни «рассказывали» сами души предков во время камланий, когда шаман попадает в нижний мир для сопровождения душ умерших и во время лечения больных. При этих камланиях шаман подходит к границе земли буни и видит своих предков. Во время встреч души умерших сородичей приглашают шаманов к себе жить, рассказывают, какая у них хорошая жизнь, что кузнечики, которыми они питаются, гораздо вкуснее мяса. Эвенки считают, что души предков всегда пляшут, руки у них приподняты и расставлены в стороны. Подобные рисунки с пляшущими человечками встречаются на писаницах Олёкмы, Лены и Ангары.

Вторым ярусом нижнего мира является река *тунето* (букв. обломки). Через реку тунето не могут переправиться ни жители земли буни, ни жители третьего яруса нижнего мира. Это доступно одним шаманам. Река тунето вся в сплошных завалах, водоворотах и порогах. Рассказывают, были случаи, когда души более слабых шаманов погибали в реке тунето во время камланий.

Третий ярус нижнего мира (наиболее близкий к земле) — владения *харги*. Это самый злой дух. Он постоянно приносит людям горе. Если бы не добрые духи — энекан буга и ее помощники, он давно бы умертвил всех людей и полезных животных.

По внешнему облику харги напоминает обычного эвенка, только он в несколько раз выше и массивнее. Вместо правой кисти у него страшная человеческая голова с оскаленными зубами, на левой руке огромный коготь. Некоторые считают, что вместо ног у него култышки, правая чуть ниже колена, левая до колена. Голова у него совершенно лысая, а туловище заросло шерстью.

Информаторы Ф. А. Непсердинов и Е. П. Илюткин утверждали, что харги вообще одноногий. Единственная его нога прямая, как палка, и расположена по центру туловища. Харги ловит эвенкийских девушек и этой ногой насилует их, от чего рождаются дети-уроды, которые вскоре умирают. Подобные представления были зарегистрированы Н. А. Виташевским у нижнеолекминских якутов⁶.

Об уродстве харги интересное предание в 1980 г. рассказала автору Ф. Г. Боярковская.

«Это было давным-давно, когда на земле не было еще наших душек и прадедушек. В то время харги ходил по всему миру, что хотел, то и делал. Задался он целью известить всех эвенков. Но энекан буга препятствовала его злодеяниям. Тогда он решил сначала справиться с ней. Взял, расколол дерево, вбил в него гвозди и поставил на тропе, по которой постоянно ходила энекан буга. Предварительно все замаскировал. Буга заметила проделки харги и перенесла колоду с гвоздями на его же собственную тропу. Когда харги пошел по этой тропе, то поцал ногами на колоду с гвоздями и сильно поранил себе ноги. После этого ноги у него распухли и начали гнить. Долго он болел, но остался в живых. Зато ноги у него сгнили: одна стала чуть ниже колена, другая — до колена. После этого харги на землю попасть не может, а посылает своих помощников».

Наиболее близкий помощник харги — его правая рука с человеческой головой вместо кисти (*бальбука*). Харги может высунуть ее

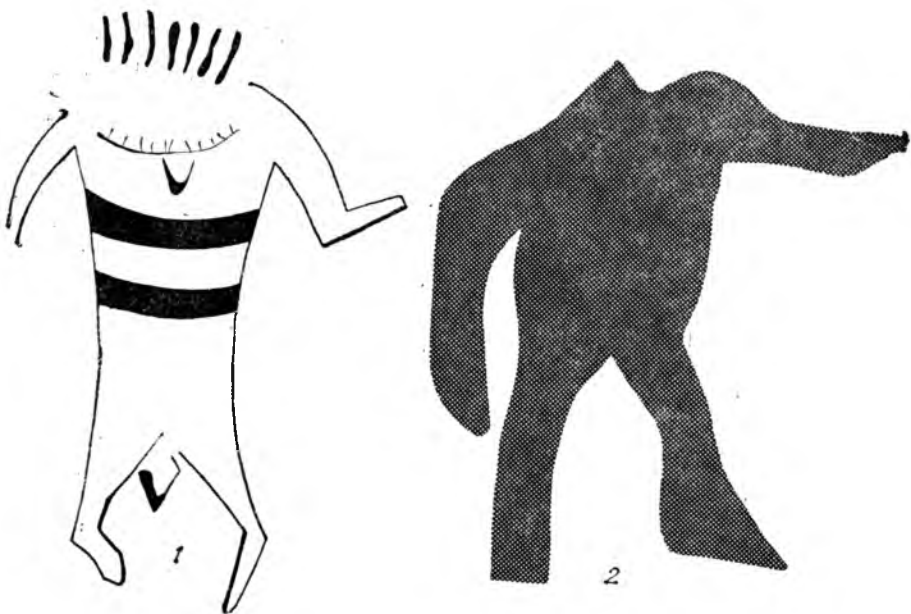

Рис. 9. Изображения злого духа *кандыках*.
1 — на шишкинской писанице; 2 — выполненное на пергаменте Н. И. Антоновым.

из земли в любом месте. Человек пугается, а харги хватает его когтем левой руки и выпивает из него кровь. Человек после этого долго болеет и, если ему не поможет шаман, в конце концов умирает. Если человек не пугался, то харги не мог его тронуть.

По некоторым рассказам эвенков, харги мог придавать своему помощнику бальбука любой образ. К. В. Григорьев рассказывал автору, что однажды на охоте, во время гона, он спал у костра. Вдруг он проснулся от чьего-то тяжелого взгляда и открыл глаза. Перед ним стоял огромный изюбрь. Он схватил винтовку, выстрелил. Изюбрь не сдвинулся с места. Он выстрелил второй раз. Смотрит — никого нет. К. В. Григорьев считает, что это харги пугал его своим бальбука.

• Другой помощник харги — *кандыках*. Его представляют в виде антропоморфного существа без головы. На ногах и руках у него нет кистей, левая рука короткая, правая длинная. Вместо головы на туловище огромная пасть (рис. 9).

Эвенки полагают, что *кандыках* величайший обжора. Правой рукой он открывает пасть, а левой забрасывает туда огромные куски мяса. Он постоянно хочет есть. Чтобы досадить людям, харги иногда во время охотничьего сезона напускает своего помощника *кандыках* на охотников. Охотники стреляют в зверя, но тот даже мертвый уходит от них. Это проделки *кандыках*, который потом ловит и глотает зверя. Если на земле орудует *кандыках*, то людям грозит голодная смерть.

Рис. 10. Изображение злого духа нижнего мира — харги, насилующего девушку. Рисунок на писанице по р. Онон.

С ним может справиться только энекан буга с помощью агды. Когда кандыках появляется на земле, то буга приглашает агды и просит его бросать в рот кандыках раскаленные кинжалы. При этом кандыках обжигает желудок и надолго уходит в нижний мир лечиться.

Образы представителей нижнего мира — харги и его помощников бальбука и кандыках, судя по наскальным рисункам, зародились не менее трех тысячелетий назад.

Они присутствуют на писаницах эпохи бронзы и раннего железного века в бассейнах Лены, Алдана и Верхнего Приамурья.

Особенно ярко образ харги и его помощника бальбука изображен на писанице по р. Большой Онон, притоку р. Большой Джелтулак, впадающей в Гилюй. Зооантропоморфная огромная фигура с длинными изогнутыми рогами и округлой головой единственной своей ногой наступила на лежащего человечка. На конце его правой руки округлое утолщение — это бальбука. Подобные изображения, но выполненные в более схематичной манере, можно найти и на других писаницах (рис. 10)⁷.

Третий ярус нижнего мира заселен не только злыми духами, есть там и благожелательные духи — охранители спокойствия на земле и помощники шаманов при хождении в нижний мир: лягушка (*баха*), мамонт (*сэли*) и змея (*кулин*).

3. СРЕДНИЙ МИР — ЗЕМЛЯ

О происхождении земли у эвенков-орочонон существует два представления. Одни считают, что появлением земли они обязаны лягушке (*баха*), другие предпочитают отдадут гадаре (*укал*).

Н. И. Антонов рассказал автору следующую легенду.

«Когда-то были вода и небо. В воде жили змея и лягушка. На небе светили солнце, луна, звезда Чалбон, там обитала энекан буга со своими небесными помощниками. Змея была уже старой, часто уставала и очень мерзла в воде. Однажды она попросила свою помощни-

Рис. 11. Мамонт — *сэли* и змея — *кули* во время борьбы. Рисунок на писанице по р. Арби.

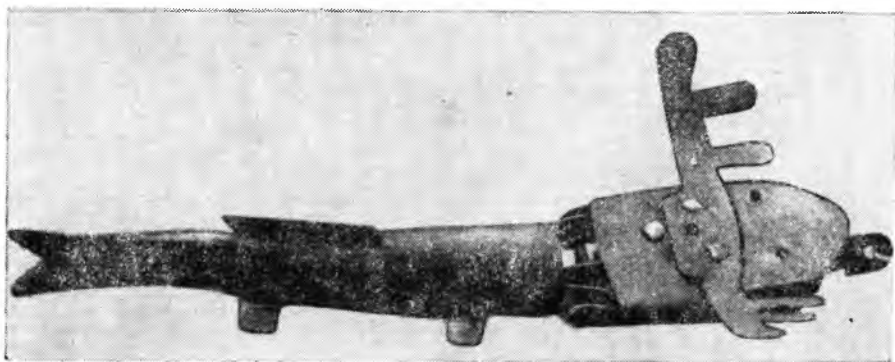

Рис. 12. Скульптура мамонта *сэли*. Подвеска на шаманском costume А. И. Росолова из рода Ниноган.

цу-лягушку достать земли и укрепить ее на воде, чтобы змея могла отдыхать и греться на солнце. Лягушка нырнула и достала землю. Когда она начала ее укреплять, то земля стала тонуть. В это время подплыла змея. Лягушка испугалась, что змея будет ругать ее за беспомощность, перевернулась и стала лапами поддерживать землю. Так и осталась до настоящего времени».

О происхождении гор, рек, озер Н. И. Антонов говорил, что когда появилась земля, то энекан буга поселила там мамонта *сэли*. Змея это не понравилось, и она начала изгонять мамонта с земли. Они дрались до тех пор, пока не провалились под землю. После этого они помирились и стали духами-охранителями в нижнем мире (рис. 11). Кучи земли, которые они наворотили во время драки, превратились в горы, а углубления — в реки и озера. Подобные легенды рассказали автору информаторы В. Н. Абрамов из рода Гэкыгыр (1950 г. рожд., пос. Усть-Нюкжа) и М. А. Боярковская из рода Хэбгимгу (1920 г. рожд.).

Многие звенки считают, что землю сотворила гагара. Произошло это так. Вначале была вода. Жили тогда два брата — харги и сэвэки. Сэвэки был добрым и жилверху, а злой харги — внизу. Помощниками у сэвэки были гоголь и гагара. Гагара нырнула и достала землю. Постепенно земля разрослась и приняла современный

облик. Относительно сотворения гор, озер и рек эвенки-орочоны единодушно полагают, что это — деятельность мамонта и змеи.

Предания о сотворении земли лягушкой или гагарой, мамонтом или змеей отмечены этнографами и у других групп эвенков⁸.

Творцы земли — лягушка, мамонт и змея — считаются ближайшими духами-помощниками нижнего мира в шаманской мифологии верхнеамурских эвенков. Они занимают наиболее почетные места в шаманской атрибутике, считаются духами-покровителями шамана. При этом необходимо подчеркнуть, что лягушка, мамонт и змея связаны лишь с шаманской космогонией, их изображения встречены сейчас у эвенков только среди шаманских регалий.

Остановимся теперь на мамонте. Это чудовище вобрало в себя совершенно фантастические элементы, обязанные своим происхождением не практическим наблюдениям, а религиозным воззрениям, унаследованным из глубокой древности. Это находит свое подтверждение в наскальных рисунках рубежа нашей эры в Верхнем Приамурье, изображающих борьбу мамонта со змеей при образовании гор, озер и рек на земле. На Арбинской писанице представлено гигантское животное, борющееся со змеей. Животное с эллипсоидной головой, квадратным туловищем, четырьмя высокими ногами ухватило пастью извивающегося змея (см. рис. 11)⁹.

Характерной особенностью изображения мамонта у верхнеамурских эвенков является его представление в разных обликах, много-

Рис. 13. Скульптура мамонта *сэли* из обряда *сэвэкан*. Изготовил И. Н. Иванов.

ликость. Так, на подвеске шаманского костюма наиболее сильного шамана начала XX в. С. А. Григорьева из рода Каптугар мамонт изображен в образе налима с небольшими ножками и лосиными рогами (рис. 12).

Иногда мамонт изображается в облике лося. При проведении весеннего обряда *сэвэкан* информатор Н. А. Николаев из рода Донгой изготовил мамонта в образе стилизованного лося (рис. 13). В декорации обряда он стоял у входа в шаманскую юрту как земной страж шаманских духов и участников обряда.

Относительно возникновения растительного мира эвенки считали, что это произошло само собой: появилась земля, ее пригрело солнце и начали расти разные деревья, кустарники, трава и т. д. О процессе появления человека и животных Ф. Г. Боярковская рассказывала, что когда возникли земля и растительный мир, на земле жили два брата — харги и сэвэки. Они изготавливали из глины и железа разных животных. Из глины делали мышки, а из железа — сердце. Кровью, чтобы оживить их, служила красная охра, разведенная в воде. Сэвэки делал полезных для человека животных, харги — вредных. Помощником у сэвэки была собака, разговаривавшая на человеческом языке. Она должна была охранять изваяния людей от харги, который стремился испортить их. Однажды в отсутствие сэвэки пришел харги. Собака впустила его и рассказала, где находятся скульптуры людей. Харги испортил изваяния, вселил в них разные болезни. Сэвэки за это наказал собаку, лишив ее дара человеческой речи. «С этих пор, — сказал он, — ты будешь только лаять, станешь помощником в охоте и сторожем». Так появились на земле люди. Сэвэки же с харги после этого случая поругались. Харги ушел жить в нижний мир, а сэвэки остался жить на земле.

Близкие по содержанию предания имеются и у других групп эвенков¹⁰.

Эвенки-орочоны средний мир — землю — представляют плоской. На востоке от земли, где восходит солнце, расположен верхний мир, на западе, где оно заходит, — нижний. Сама земля выглядит как меховой коврик (*кумалан*). С одной стороны над ней расположено солнце, с другой — луна, между ними — звезды. Обитателей верхнего мира простым людям с земли не видно. Нижний мир также с земли не разглядишь. Вся земля разделена на родоплеменные территории.

Наглядное представление о родовой территории эвенков дают ритуальные шаманские коврики наму. Подробнее об использовании наму в обрядах см. гл. II, раздел 4. Слово наму в диалекте верхнеамурских эвенков обозначает «родовая территория». Существует два вида наму: оленные и охотничьи. Оба этих вида использовали при большом весеннем обряде сэвэкан, при мелких обрядах благодарения сэвэки за удачную охоту, при просьбах послать охотничью удачу и благополучие рода, здоровое стадо, детей и т. д. Эти коврики представляли собой нечто наподобие иконы у христиан. Наму окуривали дымом, делали помазание кровью, приносили небольшие жертвы, бросая в огонь кусочки жира. Хранили наму втайне от посторонних

глаз в ритуальной шкатулке *муручун* со святынями семьи или рода. Наму изготавливались по заказу шамана, и не для всех семей, а только для тех, у которых появлялась в этом потребность: не водились олени, долгое время была неудачной охота, появлялись болезни. Изготовление наму приурочивалось к обряду сэвэкан. Во время этого обряда в наму вводили священную силу *мусун*. Раньше наму были родовым достоянием, но с разложением первобытно-общинного строя некоторые родовые святыни перешли к семье.

Многие эвенки, в том числе К. В. Григорьев, Н. И. Антонов, Н. И. Иванов, Ф. Г. Боярковская и другие, утверждают, что в древности наму рисовали не на ковриках, а на священных скалах, где чаще всего живет сэвэки, куда часто приходит энекан буга. По их представлениям, наскальные рисунки (*онён*) не что иное, как изображение их родовой территории. Многие из эвенков старшего поколения убеждены в том, что наскальные рисунки никто из людей не рисовал, это дело рук сэвэки. Но появление на родовых территориях посторонних людей и осквернение наскальных рисунков взглядами заставило перенести изображения на замшевые или пергаментные коврики.

Изображения на наму отражают круг представлений эвенков об окружающем мире. Рассмотрим эти изображения подробнее.

Наму № 1 (табл. 1). Изготовлен И. Н. Ивановым, проживающим в пос. Первомайском Амурской области. Наму размером 80×85 см, из ровдуги. С внешней стороны по всему прямоугольнику подшита полоса окрашенной в красный цвет бахромы шириной 5 см. Внутри по кругу изображены олени, сверху и снизу по одному ряду, по бокам по два ряда. У них неокрашенными контурами выполнены глаза. Очертание ног показывает, что олени в движении. По внешнему виду можно узнать животных разного возраста: от рогатых взрослых быков и маток до комолых оленят. Животные нарисованы бордовой и красной краской, их тридцать шесть. Внутри круга из животных сверху расположены солнце, созвездие Большой Медведицы и луна. Внизу слева сэвэки, справа хозяин оленей. Оба изображены в профиль и как бы движутся влево.

Оленей можно подразделить на пять групп. К первой группе относятся взрослые самцы и самки. Они расположены в следующем порядке (счет с правой стороны верхнего ряда, справа налево): 1, 2, 6, 7, 11, 15, 19, 20, 24, 25, 29, 35-й (13 животных).

Второй тип — это комолые рабочие быки, которые скинули прошлогодние рога и к весне еще не успели обзавестись новыми. Они расположены в следующем порядке: 3, 13, 17, 21, 26, 30, 33-й (всего семь животных).

Третий тип — это маленькие оленята. Расположены следующим образом: 4, 10, 12, 18, 23, 34-й (шесть животных).

К четвертому типу относятся небольшие животные с клинообразными головами и рогами в форме месяца. Нанесены в следующем порядке: 8, 14, 22, 27, 32-й (всего их пять).

Пятая группа представлена небольшими фигурками оленей с непропорционально вытянутыми туловищами. Они представлены в

следующей последовательности: 5, 9, 16, 28, 36-й (всего пять животных).

Солнце изображено кругом с семью пучками лучей. Каждый пучок лучей нанесен тремя линиями. Созвездие Большой Медведицы представлено семью пятнами с отходящими лучами, луна нанесена в виде серпообразной фигуры.

Сэвэки передан в образе сгорбленного старичка или старушки с посохом в руках. Одет он в доху с капюшоном, в поясе перетянутую ремнем. Край капюшона, концы рукавов и полы дохи орнаментированы прямой линией с вертикальными фасетками. Ноги, по всей вероятности, в унтах. Четко отображены черты лица: нос, слегка приоткрытый рот и округлый глаз, подбородок чуть выдается вперед (см. рис. 8).

Хозяин оленей стоит очень прямо. Одет в легкую куртку, шапку и меховые унты. Сверху унты орнаментированы вертикальными полосами. Пояс куртки перетянут ремнем. В правой руке держит посох, в левой — аркан. Четко определены черты лица: нос, подбородок и округлый глаз.

Наму № 2 (табл. 2). Изготовлен Ф. Г. Боярковской. Размер 30×45 см, сделан из ровдуги. По самому краю и внутри нанесены красной охрой два прямоугольных контура. Внутри второго контура в правом верхнем углу изображено солнце с 12 отходящими лучами и 3 окружностями внутри. С внешней стороны второй окружности нанесены три небольших мазка. В левом верхнем углу расположена луна. Слева направо движется табу́н из 11 оленей. Шествие возглавляет белый олень сэвэ́к (олекминские эвенки его называют *амгун*), за ним все остальные олени. По внешнему виду животных можно узнать старых быков и маток, двух- и одно годовалых подростков. Выполнены они бордовой, красной и желтоватой краской. Почти у всех оленей выделены глаза. Расставленные ноги указывают на движение.

Оленей сопровождает хозяин. Фигурка изображена в профиль и в то же время как бы слегка развернута. На нем куртка и головной убор. Руки и ноги расставлены в стороны. В левой руке он держит посох, в правой — аркан. Четко выделены черты лица: нос, рот, глаз. Подбородок выступает вперед. Намечена шея. Лицо и шея не окрашены. Остальная часть рисунка по контуру сплошь залита краской.

Впереди стада оленей изображен стоящий с расставленными в стороны руками и ногами сэвэ́ки. На нем одежда наподобие комбинезона, не закрыто только лицо, на котором отмечены глаза, нос и рот.

Наму № 3 (табл. 3). Относится к числу охотничьих. Наму этого типа изготовлялись для тех эвенков, которые не содержали оленей, а занимались только охотой и рыбным промыслом. Таких эвенков в Верхнем Приамурье было немного. Изготовлен Н. И. Антоновым из пергамента. Размер 55×95 см. С отступлением на 3 см от края по всему периметру прямоугольника нанесена сплошная красочная полоса. Внутри него девять звезд, солнце, луна, родовый знак (*тамга*) рода

Чакагир, два медведя, два лебедя, два изюбря, пять оленей, три лося, две гагары, два орла, два дерева с сидящими на них кукушкой и дятлом, еще два дерева и сэвэки с расставленными в стороны ногами и опущенными руками. Голова округлая. Одет в кухлянку до колен.

Вся композиция исполнена сплошной заливкой по контуру. Животные и птицы, кроме гагар, расположены строго в профиль. Если на оленных наму наряду с хранителем оленей сэвэки изображался простой человек — владелец оленей, то на охотничьем наму человек не представлен.

Как можно судить по описанным выше изображениям, землю эвенки представляли в упрощенном виде: тайга, в тайге водятся различные животные, птицы, эвенки пасут стада своих оленей. Хранителем человеческого рода и хозяином растительного и животного мира является сэвэки, который, как и люди, живет на земле.

4. ДУША, ВМЕСТИЛИЩЕ ДУШИ С И НКЕН И СЕМЕЙНЫЕ ОХРАНИТЕЛИ-ИДОЛЫ

Согласно бытовавшему у эвенков мнению, человек обладал на протяжении своей жизни не одной, а несколькими душами. При рождении у него была душа оми, которая выглядела в виде синички. Но когда ребенок подрастал, начинал ходить и разговаривать, его душа оми перерастала в душу хэян. С этой душой человек жил всю свою жизнь. Внешне хэян была копией человека, которому принадлежала, и помещалась в его груди; в исключительных случаях она могла находиться и около человека, а во время сна удалялась на далекие расстояния. Наблюдая, что во сне человек может видеть себя на местах прежних кочевок, во время охоты, рыбалки и т. д., эвенки объясняли это тем, что душа в это время покидает тело. Считалось, что нельзя будить спящего человека, а то душа не успеет возвратиться. Эвенки полагали, что в солнечную погоду хэян выходила греться и находилась рядом с человеком, следуя за ним повсюду. По этой причине запрещалось наступать на тень, ставить на нее какие-либо предметы. Отражения человека в воде или в зеркале считали тоже душой хэян.

Когда человек умирал, хэян улетала и раздваивалась на души оми и хэян. Обе они поселялись на своих родовых территориях: оми на звезде Чалбон, а хэян на втором ярусе верхнего мира. Умерший же человек вместо души хэян приобретал душу *мугды*, которая находилась в теле человека до тех пор, пока полностью не разлагались сухожилия на суставах. После этого мугды отделяется от умершего тела и летит в нижний мир в землю бунн. Прилетев во второй ярус нижнего мира к реке тунето, она не может сама переправиться через нее: для этого нужен шаман.

Для сопровождения мугды проводится специальный шаманский обряд — сопровождение души мугды в землю бунн. Во время обряда шаман «приходит» в нижний мир, разыскивает душу умершего человека и на плоту или специальной ладье переправляет ее в землю бунн.

Так как во втором и третьем ярусах нижнего мира могут путешествовать также и души спящих живых людей, то душу умершего человека шаман узнает по определенным признакам. Душа мугды, во-первых, должна быть похожа на умершего человека, во-вторых, руки у нее не продеты в рукава. При сопровождении мугды в землю буни шаман строго следит, чтобы она не прихватила с собой душу живого человека. Считается, что это можно узнать по поведению мугды: если она стоит прямо и не делает посторонних движений, то у нее нет души живого человека. Если же она корчится и что-то прячет под мышкой, то она захватила душу живого человека. В этих случаях шаман начинает просить мугды, чтобы она вернула ее. Если просьбы не помогли, то шаман оставлял мугды у реки тунето, а сам возвращался на землю, чтобы принести ей жертву. Чаще всего в жертву приносили оленя или вешали на могилу различные новые, но обязательно испорченные вещи. После жертвоприношения обряд начинался сначала, и если мугды отпускала душу живого человека, то шаман перевозил ее в землю буни, где ее встречали души умерших предков.

При сопровождении души мугды в мир буни шаману мешает харги, который не хочет отдавать душу умершего человека, пытается оставить ее у себя в рабстве. Он пугает шамана своим помощником бальбука, пытается ухватить его своим когтем. Но духи-помощники шамана не подпускают его. Здесь ведущую роль играет мамонт, который прикрывает шамана своим телом и отгоняет харги огромными рогами. Если же шаман не сопровождал мугды в нижний мир, то она попадает к харги. Он держит ее в кипящей смоле, всячески издевается над ней, она служит у него на побегушках.

Вселение души оми в утробу женщины происходило по благосклонному отношению к семье или роду энекан буга или по просьбе, которая исходила от шамана.

По представлениям эвенков-орочонов, животные имеют одну душу. Она, как и душа живого человека, называется хэян и является точной копией животного, которому принадлежит. Простым людям она не видна. Шаманы же видят ее, даже могут определить, кому из животных она принадлежит. Если животное убивают в соответствии с определенными правилами, то его душа улетает в тайгу на второй ярус верхнего мира и живет там до тех пор, пока энекан буга в виде шерстинки не подарит ее вновь людям. Если же с убитым зверем обращаются не так, как положено, то душа попадает в нижний мир к харги и мстит тем людям, которые плохо с ней обошлись.

Птицы и рыбы имеют такие же души, как и животные, и делают такой же кругооборот.

Насекомые и растительность служат для равновесия в природе. Они тоже имеют души хэян. Чтобы эти души не погибли в зимнее время, энекан буга забирает их к себе на второй ярус верхнего мира, а летом водворяет их на место.

Души растений расположены в корнях, а у птиц, рыб и животных — в разных частях тела. У пушных зверей души в кончиках носа, у парнокопытных животных в нижних челюстях, в мелких копытцах, в кончиках ушей, в жировиках, находящихся под кожей

(*бобэи*), у медведя в лапах, когтях и клыках, у хищных птиц в лапах, у боровой птицы в зобу. Кроме того, если у пушных зверей шкура имела необычный окрас или какие-нибудь пятна, то считалось, что душа у него расположена в самой шкуре.

Части тела животных, птиц, рыб и т. д., которые, по мнению эвенков, являлись местами душ, называли синкен. Это слово в диалекте верхнеамурских эвенков означает промысловую удачу, а также те части тел промысловых животных, птиц, рыб, которые якобы приносят промысловую удачу. Эвенки собирали такие части тел промысловых животных, в которых, по их представлениям, находилась душа, и надевали их на жильную нитку, делали амулет. При этом с убитыми животными и птицей обращались по особым, веками выработанным правилам. Считалось, что если к убитому относиться с почтением, по всем правилам, и хранить часть его тела с бывшим местами души, то улетевшая в верхний мир душа будет относиться к охотнику сочувственно и помогать в охотничьем промысле. По этой причине охотники очень бережно относились к синкен, постоянно «кормили», бросая в огонь мелкие кусочки жира, окуривали и прятали от постороннего взгляда, от порчи. Хранили его в специальной ритуальной шкатулке муручун вместе со священными фетишами семьи. Во время кочевок эти шкатулки возили на специальном священном олене.

Так как охотничье счастье было изменчиво, а неудачи на промысле слишком болезненно отзывались на малоустойчивом в экономическом отношении кочевом охотничье-промысловом хозяйстве и обрекали эвенков на тяжелые лишения, синкен, наделенный в воображении человека сверхъестественными свойствами, становился своего рода ответчиком перед охотником за его неудачи. Его в этом случае или «наказывали», или заменяли новым. Если раньше какой-либо синкен был очень хорош, т. е. промышлявшему с помощью этого амулета охотнику всегда сопутствовала удача, то с ним расставались не сразу. Синкен «стыдили» за неудачи, «уговаривали» не лениться и лучше гнать зверя на выстрел охотника. Если это не действовало и охотнику по-прежнему не было удачи в промысле, синкен переставали кормить, лишали украшений и, наконец, секли. Если и это не действовало, охотник оставлял потерявший к нему расположение синкен и обзаводился новым.

К этому следует добавить, что, судя по этнографической литературе, сходные верования были свойственны не только эвенкам, но и очень широкому кругу народов и, следовательно, соответствовали определенному этапу в развитии первобытной религии¹¹.

Синкен в представлениях верхнеамурских эвенков выступает в качестве неотделимого амулета идола *сэвэкичан* (олекминские эвенки его называют *бараляк*), который является хранителем семьи, ее хозяйства и сопутствует удаче в промысле. Изготавливался он в антропоморфном облике. Это безрукий и безногий человечек с четко выделенными чертами лица, одетый в чисто эвенкийскую одежду из ровдуги. Головной убор напоминает шаманскую шапку с крестообразным верхом. Сэвэкичан подразделялись на мужские, которые,

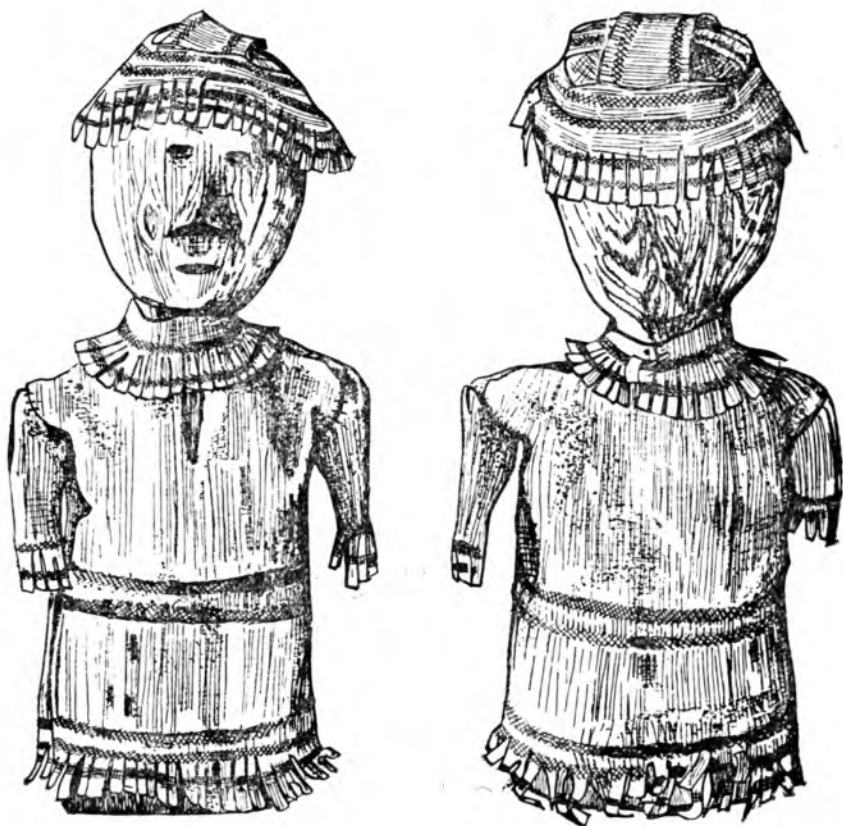

Рис. 14. Мужской амулет *сэвэкичан*, сопутствующий в удачном промысле и содержании здорового оленьего поголовья. Изготовили Н. И. Антонов и Ф. Г. Боярковская.

по мнению эвенков, помогали в промысле и содержании здорового оленьего стада, и женские, помогающие во всех женских хозяйственных делах (рис. 14—15).

В ходе большого эвенкийского весеннего праздника *сэвэкан* энекан буга через шамана вселяет в *сэвэкичан*, *наму* и *сэвэж* (священный олень, хранитель семьи и оленьего стада) (рис. 16) священную силу от самого *сэвэки*, после чего они становятся священными.

Одним из покровителей семьи от злых духов нижнего мира, недоброжелательных чужих шаманов и всевозможных болезней является идол *мугдыгра*. По представлению верхнеамурских эвенков, он был вместилищем души мугды умершего предка. По внешнему облику мугдыгра похож на безрукого человека. У него четко определены шея, голова и черты лица. Ноги с выделенными коленными суставами и ступнями слегка расставлены (рис. 17).

С середины XIX в. среди эвенков-орочононов стали вводить христианство. Оно не получило широкого распространения, но из него

Рис. 15. Женский амулет *сэвэкичан*, помогающий в хозяйстве. Изготовили Н. И. Антонов и Ф. Г. Боярковская.

эвенками были заимствованы некоторые элементы. Так, в эвенкийские верования были введены иконы. В проникновении христианства в Верхнее Приамурье, шедшего через Якутию, большую роль играли оякученные эвенки, бывшие проводниками у русских. По этой причине верхнемурусские эвенки православную икону именовали якутским словом *танара*. Но некоторые эвенки перенесли на икону название своего идола сэвэкичан и в весеннем обряде сэвэкан вселяли в нее священную силу. Многие эвенки, особенно жившие в отдаленных местах, православную икону вообще не воспринимали в качестве священного предмета и считали ее зловредным духом, посланником двуглавого орла — неблагожелательного шамана. Для усмирения ее вредных действий некоторые шаманы изготавливали специальных двуглавых птиц — *бамул* (букв. громовая стрела), которые, по их мнению, были способны отвлечь злые намерения иконы (рис. 18). Но даже те эвенки, которые восприняли икону, не почитали ее так, как своих духов-покровителей.

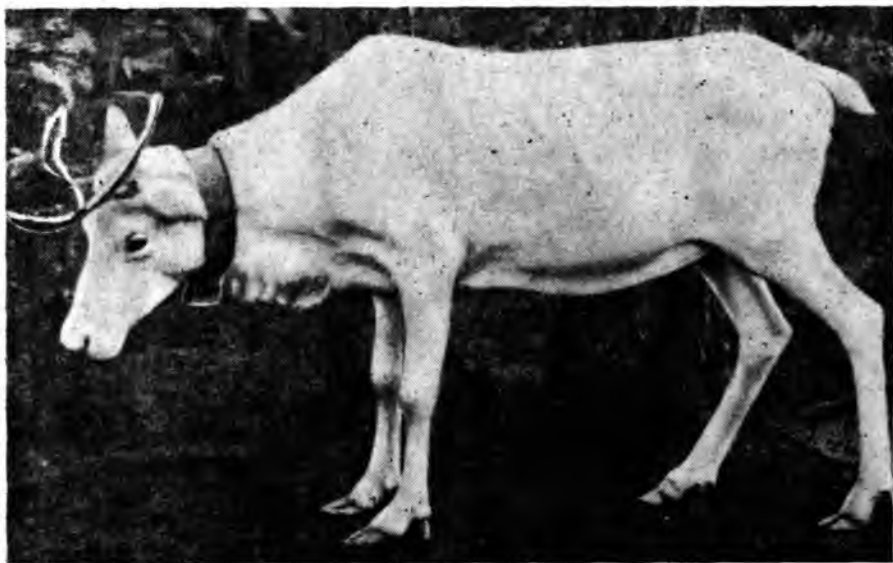

Рис. 16. Священный олень *сэвэк*. Фото автора.

Почитаемыми охранителями, своего рода оберегами-талисманами эвенкийской семьи были идолы *ментая*. Они исполнялись во множестве вариантов, сводившихся к одному типу. Это столбик из лиственницы со стилизованной антропоморфной головкой на конце. В некоторых случаях небольшими надрезами ножа намечались шея, глаза и рот. Руки и ноги не исполнялись. Фигурку идола втыкали заостренным концом в землю у входа в жилище или вешали над входом, клали в детскую колыбель и т. д. В большинстве случаев головку ментая окрашивали красной охрой или мазали кровью домашнего животного. Идол ментая в религиозных верованиях и обрядах верхнеамурских эвенков играл очень большую роль. Он противостоял злым подземным духам, недоброжелательным шаманам и их духам, был охранителем семьи, святынь рода и посредником между сэвэкичан, сэвэки и энекан буга. Использовали его и для охраны во время шаманских камланий, и при изготовлении святынь семьи и рода (рис. 19).

Медвежья лапа с когтями также считалась оберегом, и, чтобы в жилище не попали злые духи, ее вешали над входом.

Одним из идолов, охраняющих от дурного глаза и недоброжелательных враждебных духов, был *чичипкан* (букв. лазейка). Чичипкан изготовлялся двумя способами. При первом варианте брали бревно лиственницы или сосны длиной 3 м, диаметром 15—20 см, на одном конце вырезали человеческое лицо. В метре от «лица» бревно перетягивали прутьями или ровдужным ремнем, с другой стороны его раскалывали надвое и расщепленные концы разводили на 70—80 см. Чтобы они не сходились, между ними ставили распорку. Таким обра-

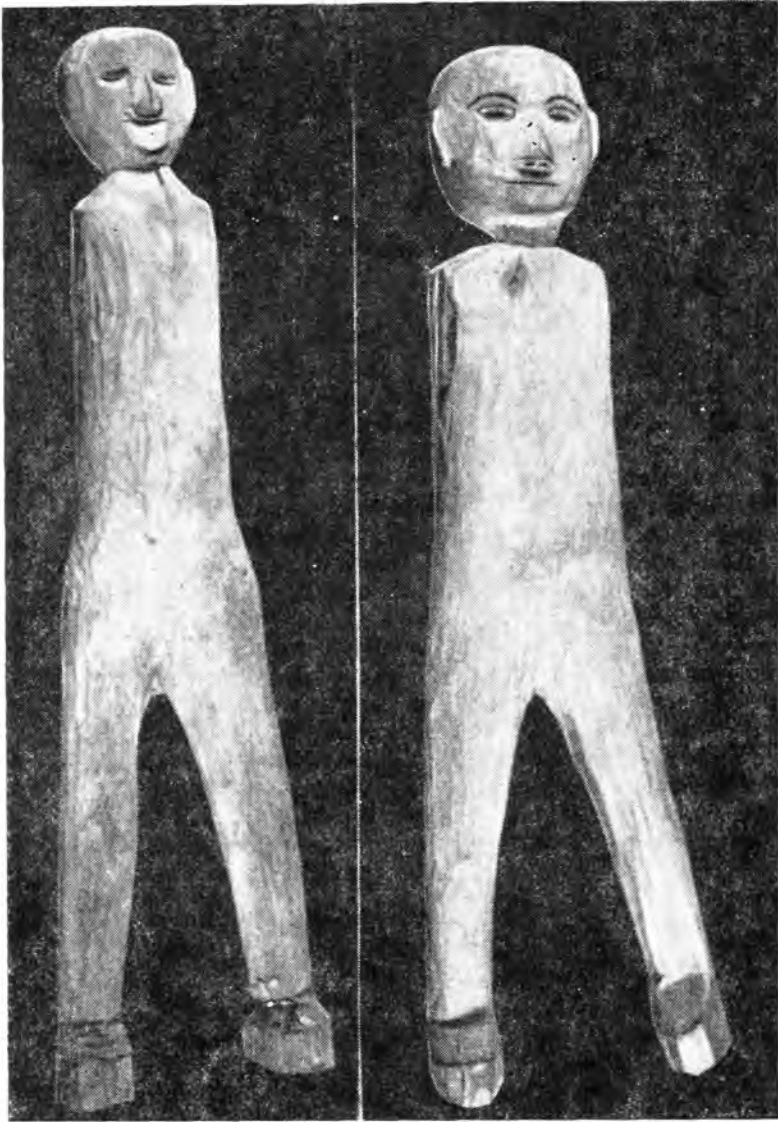

Рис. 17. Мудыгра — вместилище души муды умершего предка. Фото В. Мыльникова.

зом получалось подобие ног. Второй вариант очень прост, он получил у эвенков наиболее широкое распространение. Срубали две трехметровые молодые лиственницы, ставили одну комлем вверх, другую комлем вниз. Их связывали сверху и внизу. Получался лаз, через ко-

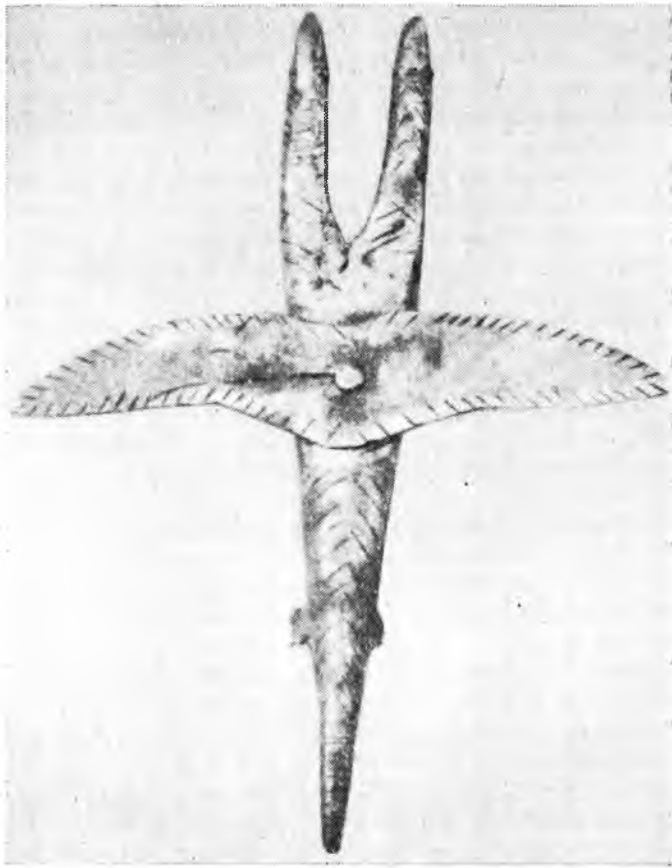

Рис. 18. Бамул — защитник от злых намерений православной иконы *танара*. Подвеска на шаманском costume А. И. Ростолова из рода Ниноган. Фото автора.

торый проходят охотники при обряде. Для охраны чичипкан обычно использовали ментая (рис. 20).

Все святыни семьи хранили в специально изготовленных священных шкатулках (муручун) (рис. 21) с округлым дном. Изготавливались они путем обтяжки деревянных стенок кожей со лба парнокопитного животного с добавлением сверху ровдужной полосы. Стенки и верх шкатулок покрывались орнаментом. Для прокладки орнамента использовали подшейный клочок лося или оленя. Подшейный клочок (муяллэ) лося и оленя считался священным и широко применялся в орнаментации священных изделий.

Чтобы не накликать враждебных духов на семью, у эвенков существовал ряд запретов и поверий. Нельзя было женщинам проходить в юрте или в палатке через место малу. Женщинам запрещалось обходить вокруг чума, показывать волосы и называть по име-

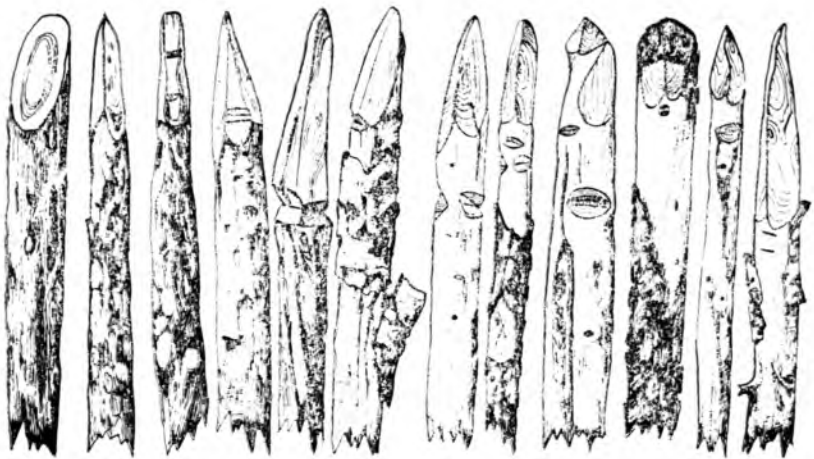

Рис. 19. *Ментая* — оберег семьи и святынь рода. Образцы из жертвенников верхнеамурских писаниц.

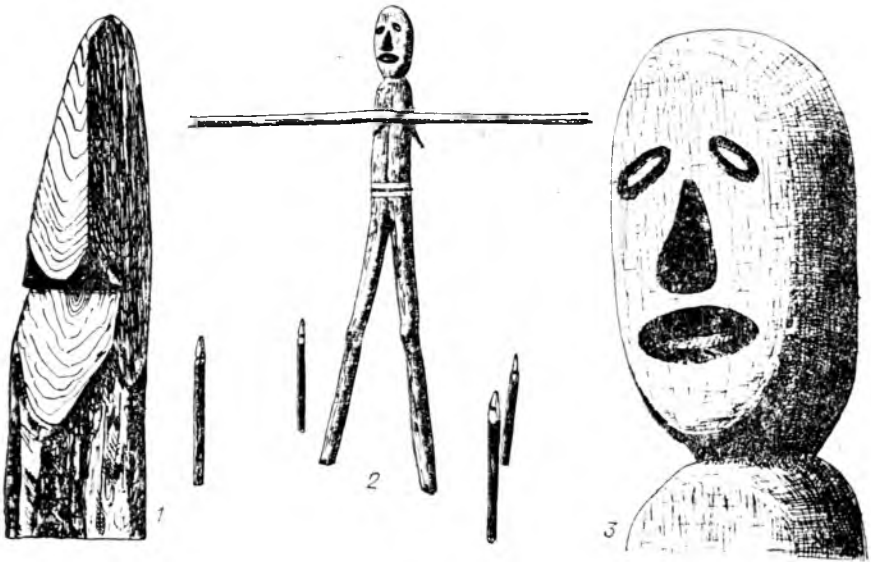
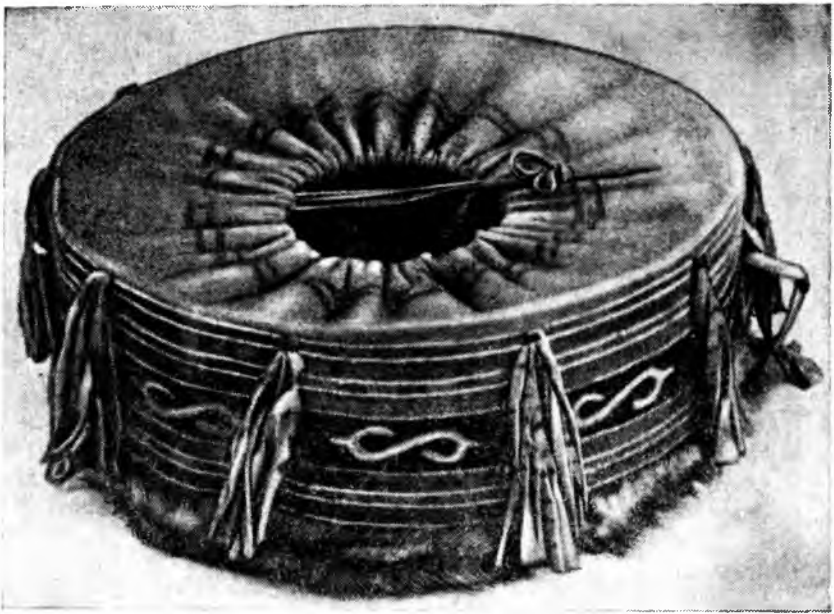

Рис. 20. Изображения, предназначенные для проведения обряда *синкелаун*. 1 — головка *ментая*; 2 — *чичипкам* в окружении четырех *ментая*; 3 — голова идола *чичипкам*. Изготовили И. Н. Иванов и К. В. Григорьев.

ни старшего брата мужа, его отца. Нельзя держать ночью дверь открытой. Если с человеком случилось какое-либо несчастье, он должен был изменить свое имя, чтобы враждебные духи пришли в замешательство и покинули его.

*Рис. 21. Муручун — шкатулка для хранения святынь семьи и рода.
Фото автора.*

В этом разделе рассматривались семейные охранители, которыми непосредственно располагала та или иная семья. О родовых охранителях, которые концентрируются вокруг шамана, речь пойдет ниже (см. гл. II).

5. ПРОМЫСЛОВЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Видное место в системе традиционных верований эвенков-орочонов занимали верования и обряды, связанные с промысловой деятельностью, цель которых — обеспечить успех в охоте и рыболовстве. И это понятно, так как промысловая деятельность, с одной стороны, была для эвенков основным источником существования. С другой стороны, ее особенности дают богатые возможности для развития религиозных представлений, ибо успех в ней в большей степени, чем в любой другой отрасли хозяйства, казался человеку не зависящим от его воли.

Промысловые верования выражались в многочисленных правилах, приметах, запретах и обрядах. Многие из них у эвенков-орочонов, как и у других народов, обнаруживают чисто практические, материальные корни. В их основе лежат наблюдения над жизнью животных, природой, своеобразная промысловая этика и т. д. Многие промысловые верования связаны с уподоблением животных человеку в силу их «родства». Отсюда признание за животными понима-

ния человеческого языка, сходного образа жизни и восприятия окружающего мира. Другие обрядовые действия связаны с представлением о возрождении добытых промысловых животных, в основе которого лежало стремление человека обеспечить себя и впредь пищей. Это древнее представление сохранилось в отношении к крупным животным, мясо которых шло в пищу (лось, олень, медведь), а также к наиболее ценным пушным зверям.

Культовые отношения к лосю и оленю у народов Сибири и Дальнего Востока формировались тысячелетиями. Это было обусловлено не только могучей силой этих животных, но и тем, что они играли важную роль в повседневной жизни северных охотников: давали людям мясо, теплую шкуру для одежды, кость. Поэтому эти животные издавна стали предметом культа, закономерно ставшего одной из наиболее ярких и выразительных форм древнейшего культа зверя.

Начиная с раннего неолита и кончая средневековьем, древние художники с большим мастерством отражали культ лося и оленя на скальных плоскостях. Этот культ распространился на обширные территории Сибири и Дальнего Востока, пронизывал духовную жизнь и мировоззрение первобытного человека и представлял ценнейшие материалы по психологии первобытных охотников (рис. 22—24). Особое отношение к лосю и оленю нашло свое отражение в языке. Оно проявляется, в частности, в существовании богатой и разветвленной терминологии, относящейся к этим животным. Для лося у эвенков-ороченов бытовали следующие обозначения: бык — *моты, колнок, бэюн*; бык зимой и весной — *люкучен*; бык летом — *анан*; бык во время гона — *буга, мак*; бык двух лет — *мандакса*; бык-трехлетка — *аланчан*; матка — *эннын*; матка без телка — *умичда*; матка с телком — *нынан*. Дикий олень: бык — *сакжой, моготу, бэюн*; бык зимой и весной — *ненчан*; бык летом — *иркилица, иркин*; бык осенью — *сэру, сэрулача, буга*; телок с рождения до одного года — *мэннан*; бык двух лет — *сэкэрэз*; матка — *говочён*. Названия частей тела у лося и оленя одинаковы: голова — *дыл*, морда — *олокто*, зубы — *иктэ*, глаза — *эга*, ноздри — *окто*, подшейный клок — *муяллэ*, спина — *сокдона*, грудь — *тыгэн*, лопатки — *иаки*, ребра — *аптэля*, ноги — *алча*, копыто — *кукчан*, брюшина — *тэпака*, живот — *ур*, кожа с лап — *ога*, волос — *энэкта*, костный мозг — *уман*, крестец, тазовая кость, бедро — *сэвэки*, плечевая кость — *мирэ*, голень — *нюни*, гортань — *капка*, легкие — *эпта*, сердце — *нэван*, печень — *акин*, почки — *богокто*, кишки — *сулукта*.

Мясо убитых животных, как правило, съедалось семьями, кочевавшими совместно. Часть мяса, кроме того, дарили родственникам, жившим неподалеку. Из крови, ливера, желудка и кишечника приготавливали традиционные национальные блюда. Мозг из трубчатых костей ног и коленные сухожилия употребляли в пищу в сыром виде.

Шкуры шли на изготовление постелей, дох, одеял, а в выделанном виде (ровдуга) — для покрышек для чумов, а также на одежду — платья, штаны, унты и т. д.; шкурки с ног и головы использовались на унты, выючные сумки, коврики, лыжи. Подшейный волос шел на подкладку швов и для вышивки, шерсть — для набивки по-

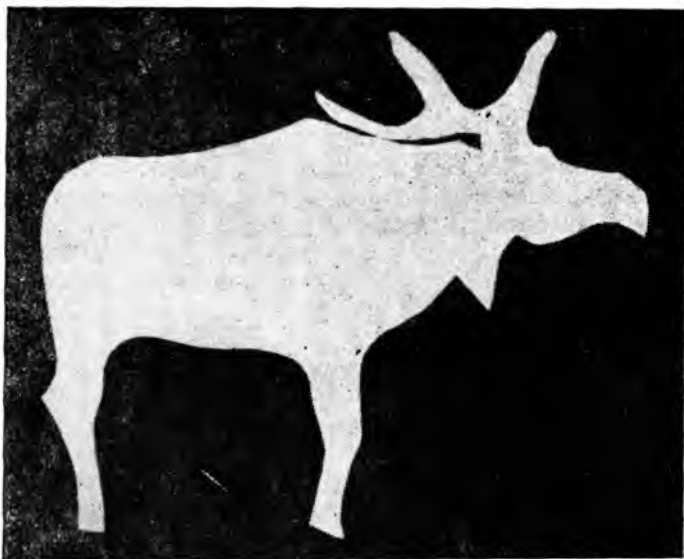

Рис. 22. Лось моты. Изображение, вырезанное из пергамента
Н. П. Антоновым. Фото В. Мыльникова.

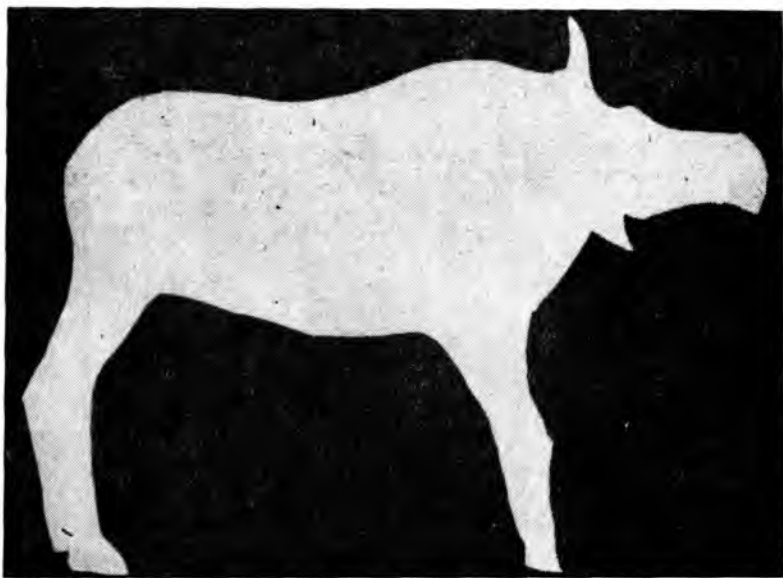

Рис. 23. Лось энны. Изображение, вырезанное из пергамента
Н. П. Антоновым. Фото В. Мыльникова.

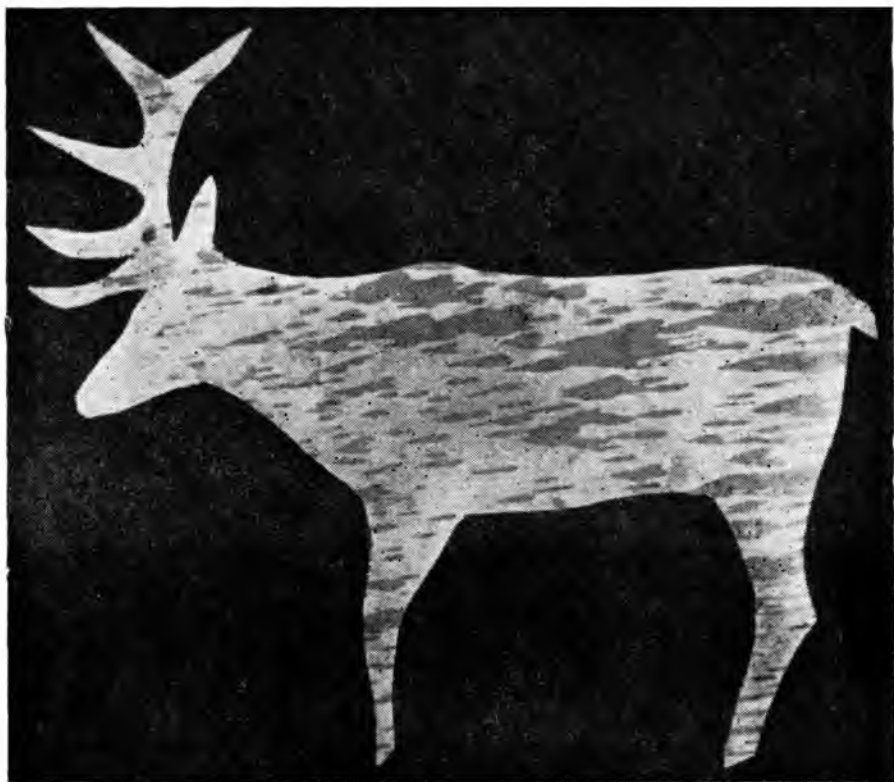

Рис. 24. Дикий олень. Изображение, вырезанное из бересты К. В. Григорьевым.
Фото В. Мыльникова.

душек седел, рога — на ручки ножей, слесарный инструмент, луки для седел. Спинные сухожилия шли на нитки.

Разделка туши убитого лося или оленя происходила в определенном порядке и с соблюдением особого ритуала. Убитое животное переворачивали на спину, подкладывали под него ветки кустарника, а с обеих сторон валежник или чурки. Обдирать шкуру начинали с лап. Лапы (камус) вкруговую подрезали на 15—20 см выше коленного сустава и вдоль от разреза до копыт. Затем брали руками шкуру (за нижнюю часть разреза) и стягивали до копыта. Вокруг копыта шкуру подрезали и шкуру с лап откладывали. Затем делали продольный разрез кожи на животе от хвоста до головы и четыре поперечных напротив ног. Продольный разрез начинали делать приговаривая: «Какой крупный лось-самец (или олень-самец)!». Кончая надрез около головы, приговаривали: «Жирный лось (или олень)».

Обдрав шкуру, распарывали живот, вынимали желудок, кишки, печень, почки, затем удаляли грудину, сердце. Голову удаляли вмес-

те с гортанью и легкими и привозили домой для проведения ритуала. Кровь выливали в промытый желудок и завязывали его. После описанной процедуры тушу расчленили по суставам и раскладывали, чтобы мясо остыло. Тушу разделяли только ножом и старались ни в коем случае не повредить кости и не пролить кровь. Перед уходом место, где обрабатывали зверя, закладывали ветками и, чтобы враждебные духи не попали на это место и не могли поживиться чем-либо или надругаться над животным, вокруг ставили четыре охранника ментая.

Голову лося или дикого оленя обязательно привозили домой и клали на почетное место малу, на специально расшитый кумалан (коврик), обратив ее мордой к огню. Рядом с ней ставили небольшой столик с идолом сэвэкичан и надетым на него амулетом синкен. Напротив столика вешали наму. В это время обязательно у входа в юрту или палатку ставили идола-охранника ментая. Только после этого начинали сам обряд. Охотник ставил на печь или костер сковороду, раскаливал и бросал в нее жир (жир непременно бросали и в огонь). Когда жир начинал гореть, охотник брал в руки сковороду и дымом окуривал голову лося, наму, сэвэкичан и синкен. При этом он приговаривал, обращаясь к сэвэки или энекан буга: «Пошли еще такого». На этом обряд заканчивался, приступали к разделке и варке мяса.

Для варки голова разделялась следующим образом: от нее отделяли гортань с легкими, затем нижнюю челюсть, из которой вы-

Рис. 25. Лабаз для костей лося и оленя, р. Тунгурча. Фото автора.

резали язык и, в свою очередь, разделяли надвое; каждую половинку делили еще раз. Голову съедали не в одиночку, а все взрослые члены семей, кочевавших вместе. Кости убитого зверя тщательно сохраняли и складывали на специальный лабаз (рис. 25)¹². Подобный ритуал отмечен этнографами и у других народов Сибири и Дальнего Востока¹³.

После того как эвенк добывал лося или оленя, в первую очередь он вынимал глаза и съедал их сырыми, удалив хрусталик. Охотник полагал, что при этом как бы ослепляются и становятся легкой добычей другие звери. Г. Н. Госсовскому в 1926 г. гилжойские эвенки об этом говорили: «Глаза кушал, другой-то сакжой (дикий олень.— А. М.) не будет меня видеть»¹⁴.

Выходя на первую осеннюю охоту и убив зверя, охотники полностью отдавали мясо сородичам и не брали ни одного кусочка. Считалось, что благодаря такому поведению охотника род всегда будет сытым и сохранится охотничья удача. Части тела лося и оленя — подшейный клок, нижнюю челюсть, кончики ушей, маленькие копытца — охотники вешали на ритуальную снизку. Считалось, что эти амулеты синкен принесут охотнику удачу. Охотники их почитали и оберегали.

Частые промысловые неудачи, не зависящие от охотника, с одной стороны, и большое практическое значение лося и дикого оленя — с другой, породили суеверный страх эвенков перед силами природы, который на протяжении веков вылился во всевозможные поверья, обереги, амулеты, обряды и запреты. Эвенки свято верили в них и всегда выполняли.

Нельзя хвастаться, что убьешь лося или оленя, — услышит и не придет на выстрел.

Нельзя хвалиться, когда убьешь лося или оленя, — услышат другие, больше не попадутся.

Нельзя кидать кости лося или оленя в огонь или разбрасывать — обидится душа хэян и сообщит другим, зверь не будет попадаться.

Нельзя отпиливать рога у неосвежеванного лося или оленя — исчезнут другие из этой местности.

Нельзя при сдирании шкуры лося снимать шкуру с головы — обидится и не будет посылать под выстрел других.

Нельзя разрубать тазовую кость лося или оленя — перестанут размножаться.

Нельзя выбрасывать копыта дикого оленя или лося и разбивать их — зверь не будет попадаться.

Не давай собаке есть голову, ноги, копыта дикого оленя, положи на лабаз. Если дашь — зверь перестанет попадаться.

Нельзя мужчине съесть шейный позвонок дикого оленя или лося — будут неудачи на охоте.

Нельзя давать роженице мясо лося или дикого оленя. Если поест, то ты никого не убьешь.

Убив оленя или лося, освежевав голову, покрой селезенкой его глаза, потом съешь их, чтобы другой олень (лось) тебя не увидел.

Убив лося или оленя, дают его свежевать товарищу. Самому охотнику нельзя свежевать. Не выполнишь этот запрет — зверь рассердится.

Вывари жир из костей копытного зверя. Не вываришь — перестанет попадаться.

Убив зверя, принеси жертву со словами: «Подай такого». Не сделаешь — хозяин может обидеться.

Над самым лосем или оленем или над их останками ни в коем случае нельзя было смеяться или надругиваться. Эвенки верили, что их души, а также хозяин зверей и растительности сэвэки и сама энекан буга не прощали этого. В 1969 г. оленевод В. Н. Абрамов, проживающий в пос. Усть-Нюкжа, рассказал автору легенду о существующих традициях по отношению к лосю.

«Давным-давно в одном стойбище жили старик со старухой. У них было два сына. Однажды сыновья пошли на охоту и добыли лося. Разделали его по-эвенкийски, но почему-то их внимание привлекли кишки. Растянули они их, стали смеяться, какие они длинные. Отца в это время не было дома, а мать горестно посмотрела на сыновей, покачала головой и ничего не сказала. Через некоторое время отправился на охоту отец. Он бродил по тайге несколько дней, но не увидел даже рябчика, а он считался лучшим охотником в стойбище. Вернулся домой, пошел к шаману и спросил, почему у него была такая неудачная охота. Шаман сообщил отцу, как его сыновья надсмелялись над лосем, и сказал, что после этого ни один из членов их семьи не добудет зверя и все обречены на голодную смерть».

А вот еще одно предание, рассказанное автору Н. И. Антоновым: «Однажды два охотника из рода Почегор во время осенней охоты набили столько лосей, что не смогли их ободрать и привести в надлежащий порядок. Часть зверей пришлось бросить. Хозяин тайги за это их наказал. Оба они вскоре заболели и умерли».

Как мы выше видели, с образами лося или оленя связаны, по представлениям эвенков, все три мира. С ними ассоциируются солнце, звезды, явления природы. На земле они окружены вниманием и почитанием. В подземном мире являются духом-защитником в образе сэли. Подобным почетом лось и олень пользуются не только у эвенков. У многих народов Сибири и Дальнего Востока лось или олень выступает в образе солнца, вселенной, является божеством и творцом земли, представляется в образах покровителей и т. д.¹⁵

Рассматривая культ оленя у оленеводов сибирской тайги и тундры, Л. Я. Штернберг писал, что «по условиям быта этих народов, олень, являющийся поильцем и кормильцем оленеводов, стоит на первом плане, и весь круг наших народов связывает его культ с высшим солнечным божеством. По верованиям чукчей, солнце принесло людям оленей, хотя, впрочем, только белых. Коряки того же мнения, причем они утверждают, что олень создан из огня. Этим еще более подчеркивается связь его со священным солнцем, с которым он, таким образом, одной физической природы»¹⁶.

В нашем распоряжении есть и прямые свидетельства, указывающие, что первобытные охотники Сибири представляли само солнце в облике гигантского лося, за день пробегающего по всему небосводу и затем к ночи погружающегося в преисподнюю, в бесконечное подземное море. О таком солнечном звере — гигантском лосе — рассказывается и в долганской сказке, которая, несомненно, была создана еще в каменном веке и дожила у людей тундры до нашего времени. Иногда лось связывается не с образом солнца, а с другими светилами и природными явлениями¹⁷. Прямая или косвенная связь

звезд и созвездий с образами лося и оленя у народов Сибири и Дальнего Востока неоднократно отмечалась рядом исследователей¹⁸.

Рассмотрев культовое отношение к лосю и дикому оленю, следует обратить внимание на отношение эвенков-орочонов к домашнему оленю. Трудно переоценить ту роль, которую играло в прошлом оленеводство у аборигенного населения. Оленеводство предоставляло транспортные средства для перекочевок во время охоты и вместе с тем служило запасным источником продовольствия на случай неудачных охот или во время продолжительной болезни основного работника кочевой семьи — охотника-промысловика. Оставшись без оленей, кочевник лишался возможности охотиться. Между тем в конце XIX — начале XX в. пушнина являлась единственным источником денежных доходов.

Довольно развитая терминология, относящаяся к оленям, говорит о древности и хозяйственном значении оленеводства у эвенков-орочонов. Существовали свои названия для оленей, различающихся по полу, возрасту, хозяйственному назначению, экстерьеру, характеру и повадкам.

Половозрастные обозначения домашних оленей: олень обоего пола — *орон*, телок обоего пола — *эныкан*, племенной бык — *сэру*, бык до одного года — *эныкан*, бык до двух лет — *ченучукан*, бык до трех лет — *иктан*, бык до четырех лет — *неоркана*, бык с пяти лет и старше — *мотча*, *мотударан*, бык-кастрат — *гылга*. Матка — *нями*, матка одного года — *сачирикан*, *чачирикан*, матка с восьми лет и старше — *сандака*. Матка, скинувшая или родившая мертвого телка — *умири*, нетель — *вангай*.

По хозяйственному назначению оленя имеют следующие названия: верховой — *учак*, под вьюк — *намовон*, передовой — *бечик*, пристяжной — *алгэна*, несущий люльку — *намонки*, предназначенный для обмена — *догатчаран*, не ходит в упряжке — *амнык*, олень, у которого седло съезжает вперед, — *некто*, седло съезжает назад — *бурики*, плохо идущий в упряжке — *энэлгэ*, *бугуй*, плохо идущий под седлом — *эмник*, плохо несущий вьюк — *эрунэникки*.

Оленей различали по сложенню рогов: ветвисторогий — *сапи-ма*, широкорогогий — *дармама*, рога выдвинуты назад — *милай*, выдвинуты вперед — *гункима*.

Названия отражали и особенности экстерьера: длинноногий — *ченчарин*, коротконогий — *нэктукан*, *наптама*, с приподнятой холкой — *мальчима*, *ниверкэна*, с прогнутой спиной — *чинама*, с длинным туловищем — *гоным*, с коротким туловищем — *урумкан*, узкогрудый — *киччима*.

Все части тела назывались так же, как и у диких парнокопытных животных.

Эвенки-орочоны на домашнего оленя смотрели не только как на средство для передвижения, но и как на транспорт для отправления души мугды в мир буни. Домашнего оленя запрещалось убивать из лука или ружья, его кололи ножом или специальной заостренной палкой. Оленя нельзя было продавать, его дарили или обменивали.

Поверья и обряды эвенков-орочонов, связанные с оленеводством, были направлены на сохранение и увеличение поголовья оленей. Убив домашнего оленя, голову обязательно отдавали соседу, глаза и копыта вешали на дерево, считая, что при этих обстоятельствах душа оленя на следующий год вернется в виде приплода. Ни в коем случае нельзя было разбрасывать волосы из подшейного клока. Нарушение этих поверий грозило потерей оленей или промысловой неудачей.

Считалось хорошим предзнаменованием рождение олененка-урода. Эвенки считали, что это сулит удачный год, большой приплод и здоровое стадо. Такой олененок через два-три дня умирал. Для него делали специальный лабаз и клали его головой в направлении восхода солнца, сверху прикрыв ветками.

Для обеспечения здорового поголовья стада и его размножения во время праздника сэвэкан в специально изготовленное оленье наму и священного оленя сэвэк вводили священную силу мусун. Во время этого обряда шаман летал к энекан буга за оленьими душами в виде шерстинок. Принеся эти души-шерстинки, шаман раздавал их сородичам.

Общим для всех групп эвенков было посвящение или табуирование оленя, после чего тот становился «божьим оленем» — сэвэк. Отношение к нему менялось: на нем нельзя было ездить, в его сумках перевозили только святыни, он доживал до естественной смерти, после чего тушу клали на лабаз головой в направлении восхода солнца. Если сэвэк исчезал, его не искали. Этот олень, как правило, был чисто белого цвета или имел белые пятна. Перед кочевкой и после его окуривали дымом. В караване он шел первым или вторым. В исключительных случаях, если не хватало оленей, на олене сэвэк можно было перевозить продукты или больного человека. Народное поверье гласило: «Сделай оленя табуированным, если не сделаешь, то будут болеть члены семьи и не будут водиться олени». Даже к вьючному седлу сэвэк запрещалось лишний раз подходить, чтобы не накликал на себя беды.

Подобные обряды посвящения, предназначенные для сохранения и размножения поголовья домашних животных, а также для сохранения благополучия рода, отмечены исследователями у многих народов Сибири¹⁹.

При массовых заболеваниях оленей, эпидемиях устраивали обряд чичипкан, который мог проводиться как с шаманом, так и без него. В направлении на восход солнца от входа в юрту устанавливали чичипкан, изготавливали из прутьев или травы небольшое чучело оленя (*бэюн*). Вьючный караван оленей со всем имуществом и обитателями табора проводили через чичипкан. Все это тщательно окуривалось дымом болотного багульника. Старший член семьи или рода (если присутствовал шаман, то сам шаман) шел с чучелом оленя последним. Когда караван оленей и все члены семьи проходили через чичипкан, то человек, несущий чучело оленя, проходя через чичипкан, как бы нечаянно оставлял чучело сзади и внезапно заземлял его между «ног» идола чичипкан, крепко связывал его ноги вместе с чучелом. Затем чичипкан сжигали на костре или уносили

в чашу и прятали. При этом голову чучела оленя обязательно располагали по направлению к закату солнца. Члены семьи или рода с караваном оленей, проходившие через чичипкан, уходили не оглядываясь, а человек, сжегший или спрятавший чичипкан с чучелом оленя, уходил пятясь и стрелял из лука или ружья до тех пор, пока оставалось в поле зрения место обряда.

Как правило, на подобные места эвенки не возвращались, а если они им попадались во время кочевий, то старались обойти. Если олени продолжали гибнуть, обряд повторялся.

Наиболее интересным моментом этого обряда являлось представление эвенков о том, что мор оленей происходит от поселения на этом месте злых духов, посланных самим харги или враждебными шаманами. Эти духи нападают на души оленей и поедают их. Чтобы освободиться от них, изготавливают чучело оленя, садятся около костра и начинают «уговаривать» этих духов вселиться в чучело. При этом злых духов всячески задабривают, «кормят», бросая в огонь кусочки жира, говоря, что в этом олене (т. е. в чучеле оленя) им жить будет лучше. Большое значение в этом действии имеет и сам костер. «Уговаривание» недоброжелательных духов происходит рано утром, и если костер потрескивает, то это означает, что духи согласились вселиться в чучело. Только после этого начинается сам обряд.

Интересный обряд «лечения» оленей автор наблюдал у верхнезейских эвенков, в бассейне Джагармы, левого притока Зеи, недалеко от отрогов хребта Джугдыр. Руководил им Н. А. Яковлев. Для обряда подготовили загон из жердей (размером примерно 500 × × 500 м), изготовили из прутьев чучело оленя-быка в натуральную величину и пятиметровое изображение идола чичипкан. С вечера загнали всех оленей в загон, в воротах поставили чичипкан, предварительно прикрыв проход между его «ног», чтобы олени не могли выйти из загона. Разожгли огромный костер, около костра поставили чучело оленя, после чего началось камлание. Всю ночь и утро Н. А. Яковлев «уговаривал» злых духов — болезни оленей — вселиться в чучело. Для этой цели он привлекал своих духов-помощников и даже самого сэвэки. При этом постоянно в костер подливали жир и бросали кусочки мяса, кормя и задабривая духов болезни, чтобы они вселились в чучело оленя. Наконец, по треску костра Н. А. Яковлев узнавал, что духи болезней вселились в оленя из прутьев. Утром чучело оленя внесли в загон и стали собираться для перекочевки на новое место. Все имущество навьючили на оленей, и началось прохождение через чичипкан. Одна часть людей прошла через чичипкан вместе с караваном, другая — после прогона через чичипкан незавьюченных оленей. При этом всех тщательно окуривали дымом болотного багульника. В загоне остались Н. А. Яковлев и чучело оленя. Он надел на чучело ошейник и поволок его к чичипкан. Пройдя через чичипкан, Н. А. Яковлев резко зажал чучело между «ног» чичипкан и связал ровдужным ремнем. После этого свалил чичипкан с чучелом в костер, а сам, пятясь, ушел, непрерывно стреляя из винтовки.

Но и после этого обряда мор оленей не прекратился. Эвенки объясняли это тем, что, когда оленей прогоняли через чичипкан, несколь-

ко одичавших оленей перепрыгнули через изгородь загона. Поэтому духи болезней покинули чучело оленя, догнали перепрыгнувших через изгородь оленей и вселились в них, а затем начали вновь переходить и на других оленей. Очевидец этого обряда Л. Стрельников говорил, что в ту ночь, когда шло камлание, зарево костра было видно на несколько километров.

Одним из наиболее почитаемых животных у верхнеамурских звенков был медведь. Культовое почитание медведя широко известно у народов Сибири и Дальнего Востока. В наибольшей степени это наблюдалось у народов нижнего Амура, что нашло отражение в устном народном творчестве и в обрядах. У звенков-орочонов предпочтение отдается культу лося или дикого оленя, а медведь отодвинут на второй план. Это видно из наскальных рисунков и археологических раскопок.

По известным нам материалам, культ медведя проявляется у народов Сибири с неолита вплоть до средневековья. Он отражен в наскальных рисунках на Ангаре, Токко, Мае²⁰. В археологических памятниках скульптур медведя гораздо больше. Они найдены в могильнике Самусь у г. Томска, на стоянке у дер. Березовская, в районе дер. Воробьево, у с. Сакачи-Алян, на о-ве Сучу, в поселении Кондон и в других местах²¹. Эти материалы позволяют говорить о том, что культ медведя зародился в глубокой древности и дожил в запретах, берегах, поверьях, преданиях и обрядах до наших дней.

Эвенки-орочоны медведя называли *амикан* (дедушка, старик), *амакачи* (прадедушка), *ама* (отец), *эне* (мать), *энекан* (бабушка), *атыркана* (большая старуха), *ака* (дядя) (рис. 26). Охотились на него круглый год, попутно с добычей других зверей. Особенно была распространена охота на медведя в берлоге. Некоторые эвенки славились как охотники на ходового медведя, не лежащего в берлоге, считались специалистами-медвежатниками. Они охотились с копыем или пальмой.

Охота на ходового медведя мало чем отличалась от промысла парнокопытных животных. Как правило, медведь попадался случайно, специально преследовали в очень редких случаях, только раненого или шатуна. Специальных собак-медвежатниц эвенки не держали. Если медведь начинал преследовать оленье стадо, то на него охотились, делая засаду около задавленного оленя, или ставили специальную ловушку с приманкой. Но по возможности эвенк не упускал случая убить медведя.

Когда медведь застрелен, все очевидцы и участники охоты подходят к нему и эвенк, убивший медведя, говорит: «Кук» или «Не я тебя убил, а убил тот-то или тот-то», указывая на человека другой национальности. Вслед за охотником, застрелившим медведя, подобные слова повторяют все присутствующие. После этого медведя переворачивают на спину, подкладывают под него ветки или мох и начинают обдирать. Охотник, убивший зверя, подходит к нему первый, надрезает ножом шкуру на животе, а затем эту процедуру повторяют все присутствующие, по старшинству. Шкуру может снимать любой участник охоты, но обязательно с одной стороны, чтобы на охоте медведи не могли напасть сразу с двух сторон. Пока сни-

Рис. 26. Медведица. Изображение, вырезанное И. Габышевым.
Фото В. Мыльникова.

мают шкуру, один из участников охоты изготавливает из коры ливенницы плоскостное изображение ворона, мажет кровью ему клюв и надевает на него небольшой кусок мяса. Затем фигурку ворона кладут на ближайший пенек или на небольшой, изготовленный неподалеку лабаз. Этим эвенки хотят показать, что якобы виновником смерти медведя являются не люди, а ворон, о чем говорят несомненные доказательства. Шкуру с медведя снимают полностью, за исключением лап. Вскрыв грудную полость медведя, каждый участник охоты отрезает по маленькому кусочку сердца и съедает его сырым. При свеживании кости отделяют по суставам и стараются даже не подрапывать их. При отделении каждого сустава приговаривают: «Дедушка, осторожно, здесь бревно». Затем мясу дают остыть и делят его между участниками охоты. Охотнику, застрелившему медведя, достаются все четыре лапы ниже коленных суставов, внутренности и внутренний жир, жир с задней части, голова и шкура. Все остальное делится поровну между участниками охоты.

Если медведь убит во время перекочевки, то недалеко находят удобное место и устраивают временную стоянку. Мясо грузят на олень без седел, подложив ветки. После того как соберутся к отъезду, место, где обдирали медведя, тщательно забрасывают ветками и по краям ставят четыре ментая, чтобы враждебные духи не надругались над останками медведя. Вначале в путь трогается караван. Охотник, убивший медведя, остается, затем, пяясь задом, на деревьях делает девять затесов. Восемь из них мажет кровью, затем говорит: «Приду в следующий раз». После этого он поворачивается и догоняет караван.

Когда все приедут на стойбище или разобьют лагерь, охотник, застреливший медведя, начинает готовить обряд *такамин* (букв. обмануть медведя). Для этого берут два котла, в один кладут голову медведя, в другой — весь внутренний жир и мелко нарубленные кусочки сердца, легких, печени и почек. Все это варится до следующего вечера. На следующий вечер в юрту охотника, убившего медведя, собираются все мужчины стойбища или табора; если поблизости есть сородичи, то приглашают и их.

Все участники торжества по старшинству садятся вокруг небольшого столика. Хозяин ставит на столик блюдо с головой медведя и котел с вареными внутренностями. Самый старший из присутствующих берет нож, отрезает кусочек мяса от головы, съедает его, говорит: «Кук! Пошли еще тебе такого». Затем съедает ложку варева из котла, снова говорит: «Куку! Пошли тебе удачи на охоте». Эти действия производятся всеми участниками по кругу. Затем начинается новый круг. И так продолжается до тех пор, пока все мясо не будет съедено. Охотник, застреливший медведя, к трапезе прикасался последним. После первых пожеланий охотнику желали хорошего здоровья, здорового и многочисленного поголовья оленей и т. д. После пиришества пили чай и затем расходились.

В обряде *такамин* медвежью голову кладут на специально приготовленное ритуальное блюдо и едят ритуальной ложкой. Блюдо и ложку, как правило, изготавливали из рогов лося (рис. 27).

Хорошо очищенные от мяса кости и голову укладывают на специально срубленный лабаз в виде домика и сверху прикрывают тяжелыми плахами. Кости кладут на лабаз в беспорядке, голова лежит в том направлении, в котором медведь шел перед тем, как его убили; если же медведь был убит в берлоге, то голову клали по направлению к восходу солнца. У селемджинских и зейских эвенков были

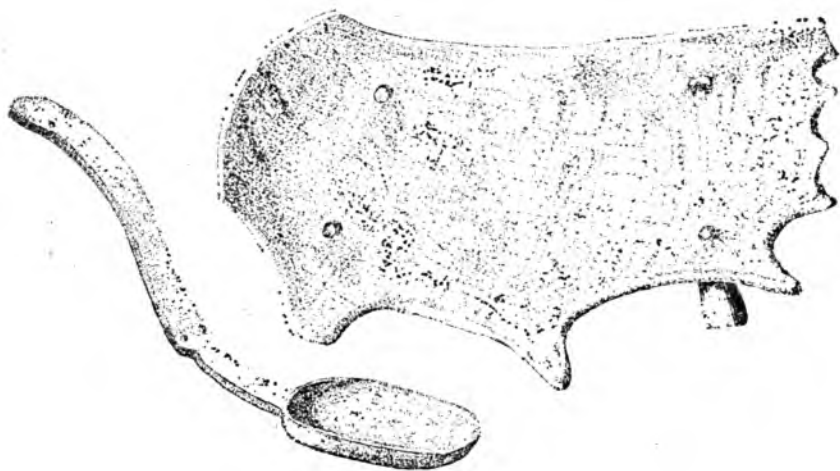

Рис. 27. Блюдо и ложка, изготовленные из рогов лося, для медвежьего обряда *такамин*.

случаи, когда голову хоронили отдельно от костяка. Это случалось тогда, когда срочно нужно было уходить и переход должен был продолжаться несколько дней. Устраивали обряд такамин, голову тщательно заворачивали в прутья, срезали верхушку у небольшой лиственницы, раскалывали ее надвое, в расколе зажимали голову. Ее направление зависело от того, при каких обстоятельствах был убит медведь (см. выше). Перед варкой головы аккуратно вырезали глаза и вешали на лиственницу около чума охотника или прятали в дупле.

■ В мае 1969 г., будучи среди оленеводов в верховьях р. Курунах — притока р. Хани, автор дважды присутствовал на медвежьих охотах. Один раз она производилась на ходового медведя, другой раз — на медведя в берлоге.

Первая охота проходила таким образом. Оленья стада начала преследовать медведица с двумя медвежатами, она давила молодняк. Н. Абрамов и Л. Урканов — оленеводы из пос. Усть-Нюкжа — решили перегнать стадо на другой берег р. Курунах, чтобы избавиться от медведицы. Вместе с нами была собака-лайка. Не доходя до стада, собака быстро убежала вперед и через некоторое время залаяла. Оленеводы вместе с автором осторожно подошли к тому месту, откуда слышался лай, и увидели следующую картину: на небольшой полянке медведица гонится за собакой, а та бегаёт кругами, увертываясь от нее. Н. Абрамов, улучив момент, выстрелил и убил медведицу. Подойдя к медведице, он произнес: «Не я тебя убил — русский». Л. Урканов сказал: «Кук. Это я, ворон». Затем он стал упрекать Абрамова, что тот поступил нехорошо и его слова могут накликать на русского парня беду. Николай ответил, что, поскольку русский все равно в это не верит, ничего не случится, но все-таки при этом сказал: «Кук». Далее действия пошли таким же чередом, как и в вышеописанном эпизоде: обдирание, свежевание, изготовление фигурки ворона, оставление зарубок на деревьях и сам обряд такамин. На следующей медвежьей охоте Н. Абрамов уже не говорил, что медведя якобы убил русский.

Охота на медведя в берлоге происходила несколько иным способом. Найдя берлогу, охотник оповестил об этом мужчин стойбища. Оповещение шло иносказательным способом. Охотник, подпрыгивая, махал руками и говорил: «Кук, Кук, Кук». Мужчины, сразу же догадавшись, что обнаружена берлога, отвечали на сообщение охотника теми же словами. При этом о медведе не было сказано ни слова. На следующий день собрались пять-шесть человек и рано утром ушли на охоту.

Невдалеке от берлоги старший из охотников сказал: «Кук! Дедушка, не пугайся, вставай, это мы, воронята, твои внуки, пришли к тебе в гости». Затем подобные слова произнесли все присутствующие. Далее взяли макушку лиственницы (ветки были направлены внутрь берлоги) и заткнули вход. Вырубили хороший кол, пробили сверху отверстие в берлоге и начали шевелить медведя. Когда проснувшийся медведь высовывал голову из берлоги, старший из охотников стрелял в него. Если же медведь успевал выскочить, то стреляли все без разбора. Убив медведя, тщательно проверяли берлогу,

нет ли там еще медведей. Если были, то отстреливали и тех. В некоторых случаях в одной берлоге скапливалось до четырех особей. Если убитый медведь оставался в берлоге, то за ним посылали самого молодого охотника. Считалось, что так он наберется опыта и смелости для охоты на медведей. В остальном ритуал был такой же, как и при ходовой или засадной охоте. Если же охотник обнаруживал медведя, а поблизости никого не было, то были случаи, когда охотиться на медведя в берлоге выходили только муж и жена.

Культовое почитание медведя у верхнеамурских эвенков породило множество поверий, преданий, запретов и оберегов. Эвенки считают, что медведь когда-то был таким же, как они, человеком. Существуют легенды, повествующие о том, как женщина жила с медведем и у них были дети и т. д. По этому поводу существует ряд поверий и запретов, будто медведь не тронет женщину, если она обнажит перед ним груди, женщине нельзя есть мясо с головы медведя и участвовать в обряде такамин, нельзя есть мозг, почки, печень.

При отстреле медведя нельзя было раскалывать и разбрасывать кости, куски шерсти, ругать медведя, выбрасывать его глаза, хвастаться, что убьешь медведя, есть медвежий бульон, брать ружье у человека, помятого медведем. Считалось, что человек, помятый медведем и оставшийся в живых, долго проживет. Кости и голову медведя обязательно надо было положить на лабаз. Нарушение запретов и оберегов грозило неудачей на охоте, несчастьями, болезнью или даже смертью.

Культовое почитание медведя было широко распространено во всех группах эвенков²², а также у всех народов Сибири и Дальнего Востока²³.

Верхнеамурские эвенки с почитанием относятся к волку, называя его *иргичи* — дальний родственник, кормилец; *эркали* — всемогущий; *кутурук* — носитель счастья; *олитка* — лесовик. Легенды и предания о волке не зафиксированы, но о том, что это животное было тотемом, свидетельствуют его названия. Особенно почитают и боятся волка верхнезейские эвенки. Они считают его убийство большим грехом. По их представлениям, волк является одним из помощников в охотничьем промысле.

В 1964 г. Н. А. Яковлев рассказывал, что однажды он поставил на лису капкан. Попавшаяся в капкан лиса открутила потаск (палка, к которой цепью или веревкой привязан капкан. Она цепляется за неровности почвы и не дает зверю уйти вместе с капканом) и вместе с капканом ушла. В это время след лисы пересек волк, он быстро развернулся, догнал ее, задавил и положил на тропу. Н. Яковлев утверждал, что если бы не волк, то лиса обязательно бы ушла. Многие верхнезейские эвенки утверждают, что волки, если к ним хорошо относиться, при первой же возможности гонят на охотника зверя, а сами незамеченными скрываются. Если волки и давят оленей, то они трогают только больных, заражающих стадо, и делают это для того, чтобы на их останках прикармливался пушной зверь для охотников. У верхнеамурских эвенков по отношению к волку существуют правила: они не берут дичь, зарезанную волком, и не убивают на охоте волка, попавшегося им первым.

Среди пушных зверьков почитались белка (*улюки*) и соболь (*нека, андачи*) — объекты пушного промысла. Поверья и обряды, связанные с пушным промыслом, по всей вероятности, сформировались позднее, в то время, когда на пушнину возник спрос и она стала единственным источником денежных средств у кочевников.

В 1969 г. у олекминских, в 1971 г. у зейских, нюкжинских, тындинских и урканских эвенков автор наблюдал обряд захоронения соболя.

Этот обряд производится ночью в период перекочевок. Сначала соболя обдирают, затем охотник надрезает ему коленные суставы задних и передних ног, хвост проталкивает в надрезы на задних ногах, тушку сворачивает, а кончик хвоста вставляет между зубов. Затем тушку упаковывает в тряпку, на которой зверька обдирали, и сверток завязывают охотничьим ремнем крест-накрест. Утром перед охотой ремень снимают и тушку прячут в такое место, где ее не достанут ни птица, ни хищный зверь. Считается, что благодаря подобному действию душа соболя попадет к энекан буга и на следующий год вернется в новом обличье соболя. К тому же, как полагали эвенки, этим обрядом они приманивают соболя и он смело идет в ловушки или на выстрел.

Как мы уже отмечали, для удачи в пушном промысле эвенки собирали амулеты — соболиные носы, лапки белок, шкурки пушных зверьков с необычным окрасом или какими-либо пятнами. Считалось хорошей приметой проглотить беличьих глаза. Каждую шкурку пушного зверя необходимо было окурить дымом от жира, брошенного в огонь. Ни в коем случае нельзя было жарить кровь пушного зверька на огне, давать пушнину нюхать собаке и дарить шкурки пушного зверя. Считалось, что нарушение этих запретов и поверий приведет к неудачам в охотничьем промысле.

У верхнеамурских эвенков во время перекочевок глухарь был основным источником пополнения запасов свежего мяса. В результате у этих групп эвенков возникли культ глухаря и различные, связанные с ним приметы, поверья и обряды. Вначале убитую птицу ощипывают (головку, крылья и хвост не трогают), затем отрезают голову, крылья, хвост, вытаскивают внутренности и все кладут на небольшой лабаз, закрепленный на дереве, в таком же порядке, как у живой птицы. Голову, хвост и крылья опаливать запрещается.

Культовое отношение к глухарю у тунгусов возникло, по всей вероятности, в глубокой древности. Это предположение подтверждают изображения глухарей на неолитических писаницах Сакачи-Аляна²⁴, на писаницах раннего железного века по р. Арби²⁵, на средневековых писаницах около бывшего пос. Средняя Нюкжа²⁶ (рис. 28).

Если охотника долгое время преследовали неудачи в промысле и уговоры и «кормление» идола сэвэкичан и амулета синкен не помогали, то проводился обряд *бэюнкан*. Этот обряд был записан автором в 1977 г. у тындинских эвенков. Его совершали перед началом охотничьего сезона. Суть его в следующем: охотники в одиночку уходят в тайгу и делают из прутьев три фигурки лося: самца, самку и телка (берут прутья тех растений, которыми кормится лось). Ста-

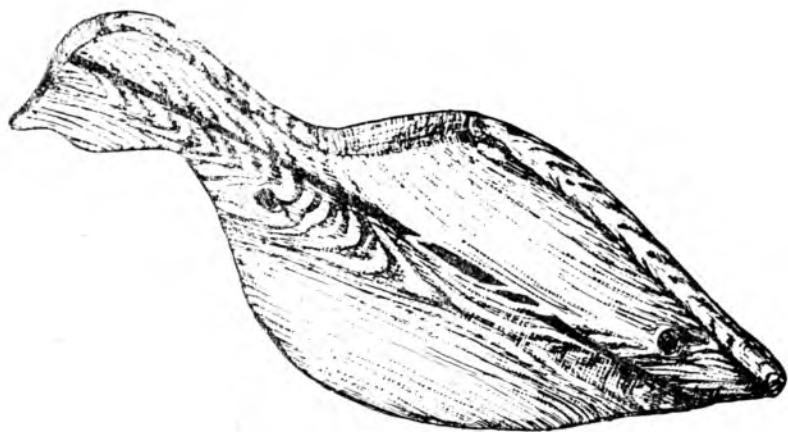

Рис. 28. Скульптура глухаря. Изготовил для обряда *сэвэкан* И. Н. Иванов.

вят их где-нибудь на полянке и уходят в чащу. Выглядывая из-за кустов, охотник говорит: «О! Кормятся лоси» — и начинает подкрадываться. Подходит на такое расстояние, чтобы не промахнуться из мелкокалиберной винтовки или сбить изображение шомполом. Некоторые охотники изготавливают специально лук и стрелы и стреляют из них. Сбив «самца-лося», говорят: «О, какого жирного лося послала буга», разрубая изображение на три части и укладывают на изготовленный небольшой лабаз. В том случае, если охотник не попадал в изображение или охота была неудачной, обряд повторялся (рис. 29).

У эвенков с рек Тимптома, Сутама, Учур в этом обряде принимали участие и шаманы: помогали советами. В одном из вариантов обряда, перед тем как выстрелить из лука, на изображение оленя или лося набрасывался аркан. К этому обряду добавилось затем еще одно действие — магическая охота с собакой. Охотник брал с собой изображение не только лося (оленя), но и собаки. Вся процедура повторялась, но если от выстрела «зверь» не падал, то «собаку» били и забрасывали в тайгу, а затем стреляли в «зверя» вторично²⁷.

В 1969 г., сопровождая автора к писаницам, расположенным по рекам Тунгурча и Тунгурчекан, оленевод И. Габышев рассказал об интересном обряде, бытующем у эвенков, населяющих верховья Олекмы и Алдана.

В начале 60-х гг. И. Габышев охотился с 80-летним эвенком Ф. А. Васильевым, кочующим в верховьях Алдана и в бассейне Чульмана. Перед началом охоты на лося Ф. А. Васильев вырезал из бересты контуры лосей: быка, матки, годовалого лося и маленького лосенка. Из гнилого дерева выстрогал дикушу, из тальника сделал лук и стрелы с тупыми концами. Забрав все это, ушел в тайгу. Найдя удобную для стрельбы поляну, расставил фигурки, отошел и начал

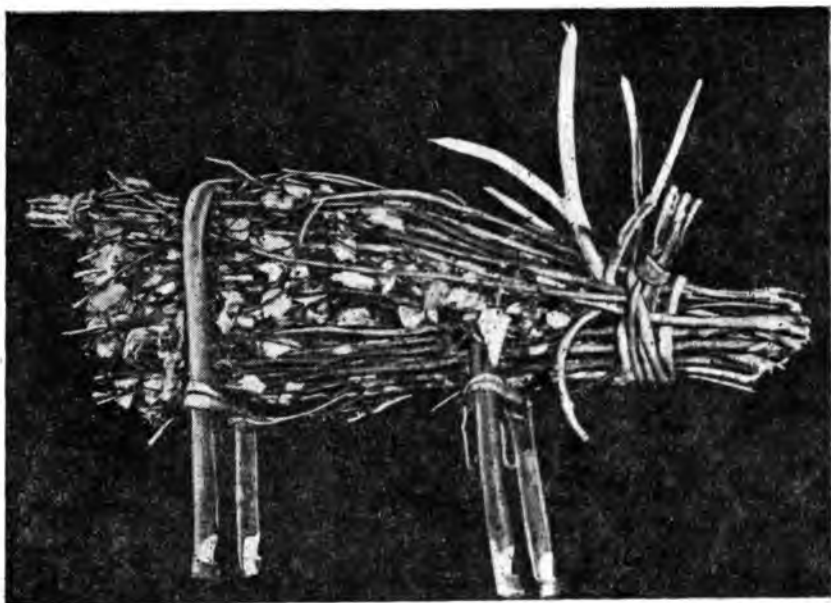

Рис. 29. Изображение прутикового лося для обряда *бэюккан*. Изготовил В. Сологон. Фото В. Мыльникова.

стрелять в фигурку самца лося. Поразив мишень, забирал «лося» с собой, а матку, годовалого лося, лосенка и дикушу оставил на месте. Затем он вернулся в табор и всю ночь камлал у костра, обращаясь к энекан буга, всячески уговаривал ее и задабривал, бросая в костер маленькие кусочки берестяного лося. Оставив себе часть изображения (заднюю или переднюю с грудинкой), уже под утро заснул. Как сообщил И. Габышев, во сне Ф. А. Васильев обязательно видел то место, где добыть зверя, утром шел на охоту и охотился до тех пор, пока не убивал нужное ему животное (рис. 30—32).

Автор задал И. Габышеву несколько вопросов: «Почему Васильев изготавливал дикушу, самку лося, годовика и маленького лосенка, если ему нужно было добыть только лося-самца? Что будет, если во время ритуальной стрельбы он не попадет в изображение лося? Что он делал и говорил во время камлания? Для чего бросал в огонь кусочки изображения и зачем одну часть оставлял себе? Как он поступает, если не увидит во сне, где нужно добыть зверя, или пойдет на охоту и не сможет ничего добыть?»

На эти вопросы Габышев ответил, что изображение дикуши изготавливали для того, чтобы зверь, на которого предстоит охотиться, был таким же смирным, как эта птица, которую добывают без оружия, петель. Самку лося, годовика и маленького лосенка делают для того, чтобы, сколько ни убивали зверя, он не выводился, а, наоборот, размножался. Во время стрельбы по изображению лося всег-

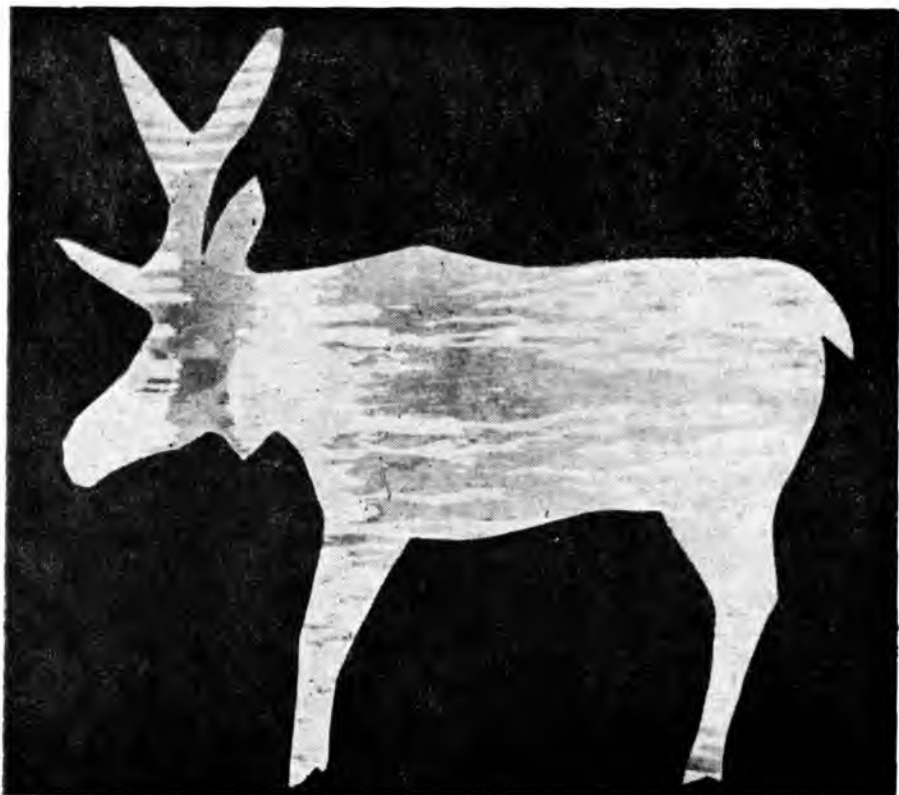

Рис. 30. Лось люкучен для магического обряда. Изготовил из бересты И. Габышев. Фото В. Мыльникова.

да попадают — отходят на такое расстояние, чтобы обязательно попасть. Во время камлания Ф. А. Васильев обращается к хозяйке тайги с просьбой помочь добыть зверя, говорит, что он хороший человек, никогда не делал ей зла, а, наоборот, всегда приносил ей дары. Вот и сейчас, несмотря на то, что ему нужно мясо, он не жалеет его, отдает буга почти все (с этими словами бросает в костер небольшие кусочки изображения лося). И в конце камлания обещает отдать хозяйке тайги последнюю часть туши, если она поможет ему добыть зверя. Если во сне не увидит, в каком месте нужно убить зверя, то на следующий день ритуал повторяется снова, пока не приснится место, где можно добывать лося. Увидев нужный сон, идет охотиться, и что бы с ним ни случилось во время охоты, без добычи домой не возвращается.

Об интересном обряде, бытовавшем у верхнеамурских эвенков, рассказал автору 80-летний эвенк из пос. Бомнак Ф. С. Яковлев. Об этом же обряде автор слышал от М. А. Боярковской, С. Ф. Ни-

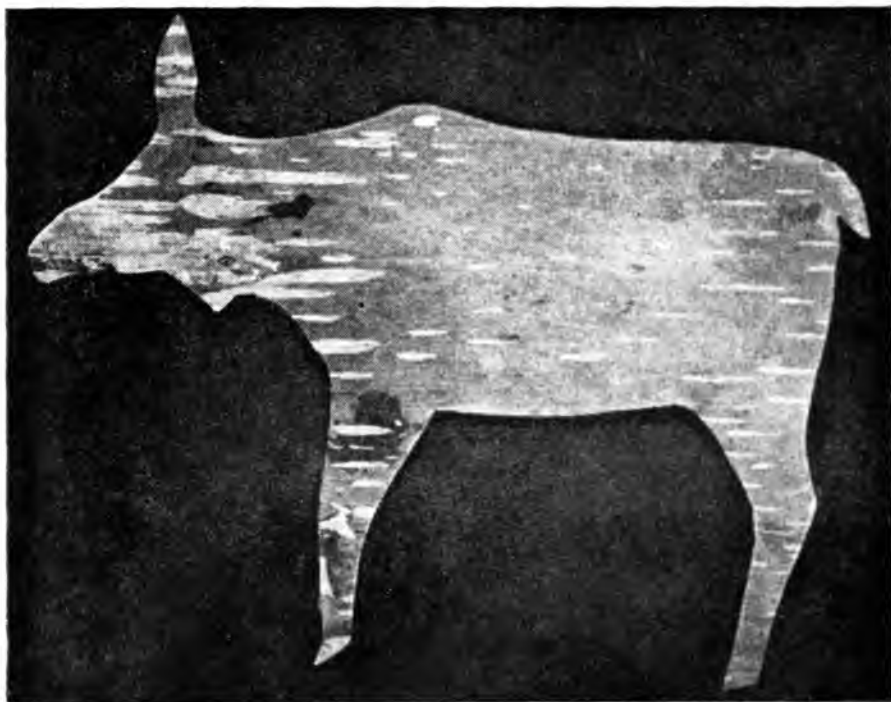

Рис. 31. Лось зныим для магического обряда. Изготовил из бересты И. Габышев. Фото В. Мыльникова.

колаева, К. В. Григорьева и других эвенков. Заключается он в следующем: если охотнику долгое время не сопутствует удача, то он считает, что его самого и все его охотничьи принадлежности «сглазили» другие люди или враждебные духи. Чтобы избавиться от их влияния, делается идол чичипкан, а также из прутьев или травы изображение человека с собакой. Перед обрядом разводили костер, ставили чичипкан, одевались в охотничью одежду, брали идола сэвэкичан и амулет синкен и, взяв в руки изготовленное чучело человека с собакой, проходили через чичипкан три раза. Первые два раза проходили с изображениями, а третий раз, как будто нечаянно, отводили руку с чучелами назад, сами проходили, а макет человека с собакой зажимался в чичипкан. Чичипкан быстро заматывали ровдужным ремнем, чтобы макеты человека и собаки не могли «вырваться». Некоторые охотники чичипкан с чучелами сжигали на костре, приговаривая, чтоб больше не попадались. Другие же, после того как защемили неугодных мнимых духов, брали ментая и били зажатые в чичипкан чучела, также приговаривая, чтобы больше не попадались. После этой церемонии брали чичипкан вместе с чучелами и уносили их в лес, положив чучела головой в направлении захода солнца. Совершив обряд, охотник тщательно окуривал юрту, все святыни семьи и самого себя.

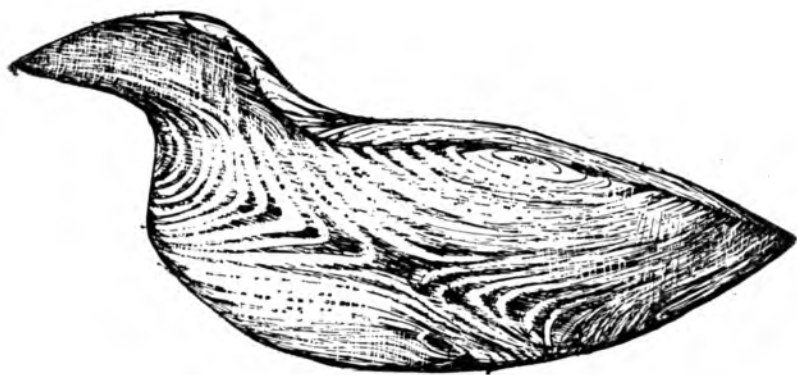

Рис. 32. Дикүша для магического обряда. Изготовил из дерева
И. Габышев.

Старики утверждают, что подобный обряд помогал, после его проведения промысел на охоте становился удачным.

Обряды, связанные с «добыванием» охотничьей удачи, были характерны для всех групп эвенков, но во второй половине XIX — начале XX в. они сохранились в таком виде только у амуро-алданских эвенков. У остальных групп эвенков эти обряды проводились под руководством шаманов.

К частным обрядам добывания охотничьей удачи у верхнеамурских эвенков можно отнести и постоянные просьбы послать на охотника зверя. Обращаясь с такой просьбой, бросали в огонь кусочек мяса, вешали на дерево шкурку зверя-альбиноса или белую ткань. К числу этих обрядов можно отнести кормление амулета синкен, идола сэвэкичан, обращения к наму и помазывание его кровью.

Одну из главных ролей в охотничьей магии эвенков Верхнего Приамурья также играют деревянные идолы ментая (см. рис. 19). Их считают посредниками между сэвэки и энекан буга, с одной стороны, и идиолом сэвэкичан — с другой. Идолов сэвэкичан эвенки хранят у себя, через них они осуществляют связь с идолами ментая, а те — с хозяином животного и растительного мира сэвэки и хозяйкой вселенной и рода человеческого энекан буга. Подобные идолы ментая обнаружены автором у писаниц по рекам Большой Онон, Геткан, Ковуйбут, Тунгурчот, Тунгурчекан и Амга. Кроме того, идол ментая, как мы выше видели, выполняет роль охранника — оберега.

Кроме запретов, касающихся тех или иных животных, у верхнеамурских эвенков существовали и общепромысловые.

Нельзя брать мясо животных, задавленных медведем, волком, орлом и т. д. Нельзя удивляться или радоваться хорошему промыслу, хвастаться удачей на охоте. Нельзя шуметь, идя на охоту. Идя на охоту, нельзя валить дерево поперек тропы. Нельзя вынимать вареное мясо из котла ножом. Нельзя без необходимости разорять гнезда птиц. Охотнику, у которого дома покойник, нельзя выходить на промысел до появления новой луны или до первой грозы. Охотнику, у которого дома роженица, нельзя выходить на охоту до появления новой луны.

Нельзя позволять женщине переступить через охотничье снаряжение или одежду мужчины. Нельзя ругать зверя, топтать подстилку для свежевания зверя. Нельзя женщине есть мясо с поясничных позвонков, свежевать голову копытного зверя. Нельзя выставлять пустой котелок на улицу во время перелета птиц. Нельзя надевать унты без травяной стельки. Нельзя охотнику пачкаться в крови. Когда человек отправляется на охоту, не позволяй собаке лаять, детям кричать, взрослым браниться.

Эвенки верили, что при нарушении всех этих запретов охотника постигала неудача в промыслах.

В основе вышеупомянутых обычаев, обрядов, оберегов и запретов лежали меры предосторожности охотника, боявшегося спугнуть добычу или накликать враждебных духов шумом, разговором, необычным поведением. Уподобляя животных человеку, эвенки признавали за ним, например, способность мстить, что могло выразиться как в непосредственном нападении на человека, так и в неудачном промысле. В связи с этим нельзя было плохо говорить о животных, высмеивать их, причинять им страдания, убивать больше, чем необходимо. Эвенки верили в эти тысячелетиями сложившиеся законы, строго хранили и соблюдали их.

6. ПТИЦЫ, РЫБЫ, ЗЕМНОВОДНЫЕ, ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ И РАСТИТЕЛЬНОСТЬ

Культовым почитанием у эвенков-орочонов пользовались птицы: ворон (*оли*), орел (*киран*), лебедь (*гах*), гагара (*укан*), утка-чирок (*чиркони*), черный дятел (*кирокта*), кукушка (*ку-ку*), кулик (*чук-чумо*), бекас (*олиптыкин*), синичка (*чипиче-чиче*). Все эти птицы считаются помощниками шамана в обрядах лечения, добычи оленьих душ, добычи охотничьей удачи, здоровья для семьи и т. д. Все перечисленные птицы неприкосновенны, строго запрещалось их убивать и мясо употреблять в пищу.

Эвенки-орочоны считают ворона человеком, превращенным в птицу. Этот факт в свое время был отмечен Г. М. Василевич²⁸. Считалось, что вороны могли брать в жены эвенкийских девушек, но только те плохо понимают их язык. Охотники верят, что ворон помогает оберегать оленьи стада от хищников, разыскивать животных во время промысла, выдавая их своими криками. У шаманов верхнеамурских эвенков ворон выступает как хранитель шаманской души во время камланий (рис. 33).

Орел является ведущим персонажем в шаманской мифологии. Это единственная птица, которая способна отогнать враждебных духов от шаманской души. Во всех камланиях он является главарем и защитником стаи птиц, несущих душу шамана (рис. 34).

Лебеди, как и орлы, являлись неотъемлемой частью шаманских обрядов. Они всегда изготавливались парами (у некоторых групп эвенков участие в обрядах принимали три лебедя), и считалось, что именно лебеди несут шаманскую душу в нужном для шамана направлении (рис. 35).

Рис. 33. Скульптура летящего ворона. Изготовил из дерева для обряда *сэвэкан* И. Н. Иванов.

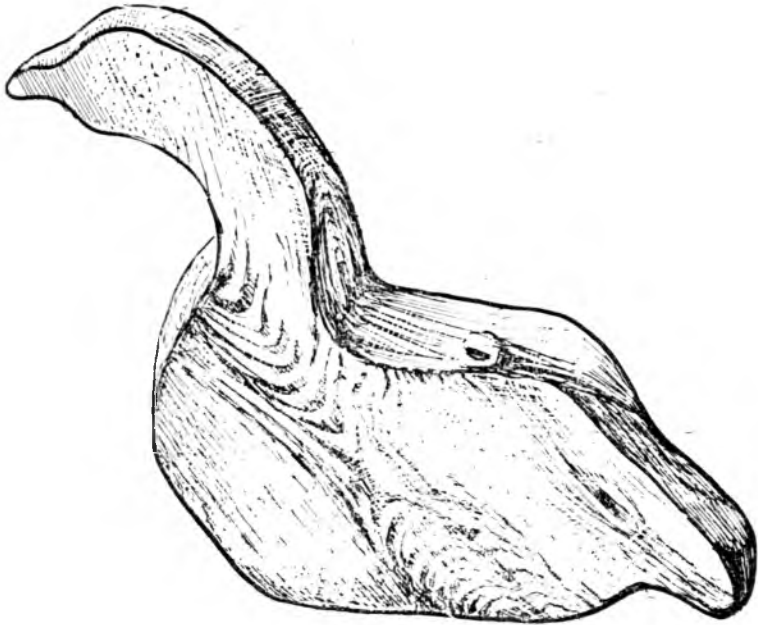

Рис. 34. Скульптура орла. Изготовил из дерева для обряда *сэвэкан* И. Н. Иванов.

По представлениям эвенков, чирки, бекасы и кулики во всех шаманских камланиях являлись сторожами. От них зависело путешествие шаманской души. Они всегда первыми замечали опасность и сообщали о ней птицам шаманской стаи, от их бдительности полностью зависел тот или другой шаманский обряд.

Дятел в шаманских обрядах выступал как исцелитель и участвовал в обрядах лечения людей и животных (рис. 36).

Кукушка в шаманской мифологии играла роль «связного» между шаманской стаей птиц и душой шамана, к тому же она считалась

Рис. 35. Скульптура летящего лебедя. Изготовил из дерева для обряда *сэвэкан* И. Н. Иванов.

Рис. 36. Скульптура дятла. Изготовил из дерева для обряда *сэвэкан* И. Н. Иванов.

вестницей начала Нового года (Новый год у эвенков Верхнего Приамурья начинался с первого ее кукования) (рис. 37).

Гагара являлась, по воззрениям шаманов, связующим звеном при полете шаманской души между чирками, куликами, бекасами, с одной стороны, и лебедями — с другой. Кроме того, она исполняла

Рис. 37. Скульптура кукушки. Изготовил из дерева для обряда *сэвэкан* И. Н. Иванов.

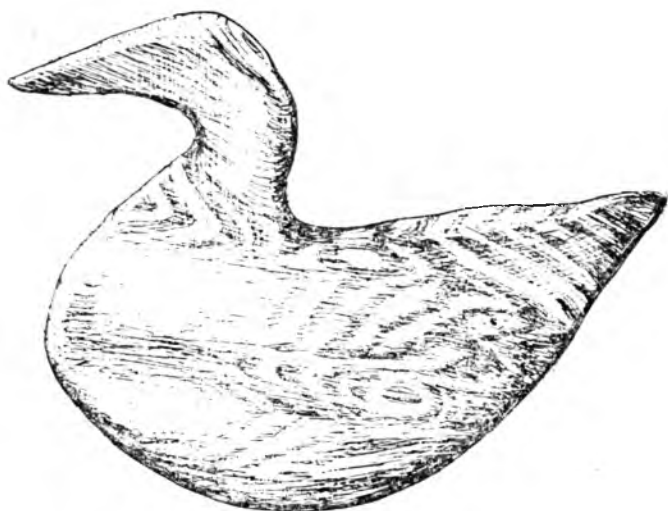

Рис. 38. Скульптура гагары. Изготовил из дерева для обряда *сэвэкан* И. Н. Иванов.

роль носителя шаманской души в водной стихии. К тому же многие верхнеамурские эвенки считают гагару творцом земли (рис. 38).

С образом синички верхнеамурские эвенки отождествляют зарождение человека. Она является единственным существом, которое способно оградить ребенка от всевозможных болезней и злодеяний враждебных духов.

К рыбам культового отношения не отмечено, за исключением тайменя (*делбон*), который в шаманской мифологии считается одним из носителей шаманской души в водной стихии. Эвенки считали, что голову тайменя нельзя выбрасывать, надо вешать ее на дерево, иначе может постигнуть неудача в промысле.

Среди земноводных почиталась лягушка баха, считавшаяся творцом и хранителем земли. Из пресмыкающихся культовое отно-

шение отмечено к змее кулин, творцу земного рельефа и доброму шаманскому духу нижнего мира. Змея, ящерица и лягушка считались исцелителями болезней.

Из растительного мира верхнеамурские эвенки почитали некоторые разновидности лиственницы (мугдыкен и тагу), багульник болотный (*чанкиря*), некоторые виды лишайников (*гавун*), мхи в определенном возрасте (*лалбикта*, *лалбукта*, *локчикта*, *лэлбиктэ*), пушицу (*макитка*), молодой ивняк (*сыкта*, *шикта*) и карликовый березняк (*давэч*, *бывэча*).

Мугдыкен — старая засохшая лиственница, чаще всего с обломанной вершиной. Эвенки считают, что в них вселены души умерших предков мугды. Из частей таких лиственниц изготавливают душевместителища мугдыгра для умерших душ предков, которые являются охранителями семьи.

Тагу — тонкая и высокая лиственница, растущая по берегам ключей в густых зарослях. Как правило, у нее ветки растут только на самой макушке. Используются шаманами во время камланий как остановка для отдыха шаманской души и духов-помощников шамана.

Чанкиря — наиболее распространенный в этих местах вид багульников. Дым багульника употребляется для очищения от враждебных и неугодных духов путем окуривания.

Гавун — лишайник, растущий на камнях. Используется в камланиях шамана. Его подбрасывают в костер для «кормления» шаманских духов во время остановок.

Лалбикта, макитка, сыкта, давэч почитались как растения, которыми «кормят» шаманских духов в облике парнокопытных животных. По рассказам, эти растения употреблялись в то время, когда при камлании завязывался бой с враждебными духами другого шамана. Кроме того, из этих растений изготавливали для ритуальных обрядов изображения парнокопытных животных.

7. БЕРЕМЕННОСТЬ, РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА, ПОВЕРЬЯ И ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С НИМИ

Отношение к беременной женщине, рождению ребенка, а также общие для всех групп эвенков поверья и обряды, связанные с ними, обстоятельно описаны Г. М. Василевич²⁹. У эвенков-орочонов здесь много общих черт с другими группами эвенков, но есть и свои, специфические. По этой причине остановимся на этой теме подробнее.

Многодетность в эвенкийской семье всегда считалась благом, молодые старались как можно скорее обзавестись детьми. Бездетная семья считалась несчастной. Но вместе с этим на беременную женщину смотрели как на что-то нечистое: считалось, что она может принести семье и роду болезни и промысловые неудачи. С этим был связан ряд запретов и оберегов, направленных в основном на охрану здоровья беременной, ее плода и младенца, предохранение от разных неприятностей на охоте.

Беременной женщине нельзя обходить юрту, проходить на место малу, садиться на место мужа, брать или перешагивать через его охотничье снаряжение, заносить в юрту дрова, поднимать детей, прикасаться к оленю сэвэк и его сбруе, переходить тропу или идти по тропе охотника, в течение месяца до родов брать в руки продыmlленную шкуру или обрабатывать ее, присаживаться у входа в юрту, сидеть в юрте при открытой двери, прикасаться к топору. Нарушение всех этих запретов, по мнению эвенков, каралось болезнью мужа и его охотничьей неудачей.

Беременная женщина не должна была наступать на острые предметы — роды будут трудными, наступать на оленью сбрую или веревки — при родах ребенок запутается в пуповине.

Беременной женщине запрещалось есть мясо медведя или пить медвежий бульон — роды будут тяжелыми, есть несвежее мясо парнокопытных животных — родится дурной ребенок, ходить в ночное время в гости — ребенок будет вертлявым.

Беременную женщину нельзя пугать, ей запрещалось смотреть на покойника — ребенок родится немым, муж беременной женщины не может делать гроб покойнику — жена умрет во время родов.

Женщине для родов делали специальную юрту и ставили ее в стороне от жилых юрт. Работала она до последнего дня. После родов отдыхала 10—15 дней, и начинались новые кочевки. Роды принимала, как правило, опытная пожилая женщина. Если роды проходили тяжело, чтобы облегчить их, развязывали все узлы, мужчины стреляли из ружей — якобы при этом ребенок испугается и быстрее выйдет. С этой же целью приглашали посторонних людей, чтобы они неожиданно ворвались в жилье и быстро вышли обратно. Если роды проходили неудачно, при возможности звали шамана, который своим камланием помогал выйти ребенку. Но если враждебные духи, по представлениям эвенков, оказывались сильнее шаманских, то роженица умирала, а в след за нею умирал и ребенок. Если ребенок оставался живым, то другая кормящая женщина не могла его взять, так как считалось, что у вскормленной двойни одна душа. Рождение двойни считалось плохим признаком. От женщины, родившей двойню, ничего не брали, опасаясь также родить двойню. По этому поводу были запреты: не вешать на один крюк два котла, не печь сразу две лепешки, не класть в костер два полена.

После родов для последа *гирки* (букв. его товарищ) делали специальный небольшой сруб, клали его туда и плотно закрывали плахами, на которые сверху укладывали камни, чтобы послед не могли достать собаки или звери. Чтобы над последом не надругались враждебные духи, с четырех сторон сруба ставили ментау. Считалось, что если не исполнить эти обряды, женщине грозит бесплодие.

После родов женщину тщательно обмывали (в некоторых случаях прибегали к обмыванию кровью) и окуривали дымом. Одежду, в которую была одета роженица, прятали в глухих местах от посторонних глаз. В первые дни на роженицу накладывался ряд запретов. Ей нельзя было есть мясо дикого оленя, солонину, вымя, разводить костер, садиться на место малу, мять шкуры. Нарушение этих запретов могло вызвать охотничью неудачу мужа или болезнь самой роженицы.

Родившегося ребенка обтирали мягкой шкуркой и заворачивали в одеяльце, сшитое из заячьей шкурки или шкур пушных зверьков

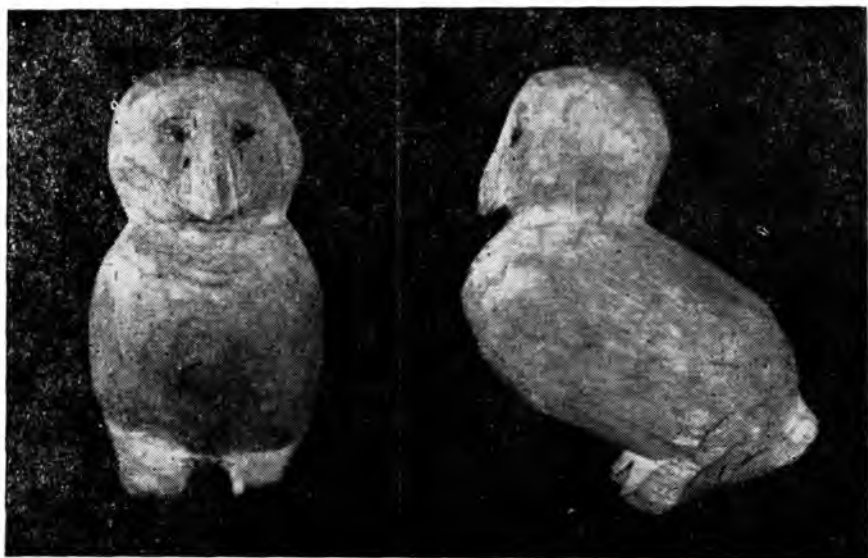

Рис. 39. Охранитель детской души. Птичка чипиче-чиче. Фото В. Мыльникова.

с мягким мехом, насыпая вниз труху от гнилого дерева (*кучу*). Колыбель новорожденному делал обязательно чужой человек. Чтобы ребенок не болел, в новую колыбель клали сначала щенка, ребенка не называли по имени. Чтобы ребенок рос здоровым, при рождении ему изготавливали специальную шкатулку муручун, в которую помещали сшитое из замши птичье гнездо и изготовленную из ровдуги или дерева птичку — хранительницу души ребенка (рис. 39).

Чтобы ребенок был удачливым, к изголовью колыбелей подвешивали амулеты синкен. Для мальчика, чтобы стал хорошим охотником и разбогател, подвешивали нижние зубы копытных животных, носы пушных зверьков, монеты и другие вещи. Для девочки, которая должна быть хорошей рукодельницей, подвешивали наперсток, кусочки цветных тряпочек, нитки и деньги (табл. 4). Для охраны детской души часто изготавливали небольшого ментая.

Если в семье постоянно умирали дети и новорожденный ребенок рос хворым, то приглашали шамана, который во время камлания летал на Чалбон «выкрадывать» душу ребенка, покинувшую тело. Он внедрял ее в тело ребенка и делал две птички чипиче-чиче для охраны души, которые вшивались в одежду на груди ребенка (табл. 5).

Чтобы ребенок рос здоровым и был воспитанным, он должен был соблюдать ряд запретов, невыполнение которых объяснялось болезнью или дурным нравом.

Ребенку до года нельзя есть медвежьего мяса — будет немым. Мальчику нельзя есть мясо с передней части медведя — порвет медведь. Нельзя двум людям тянуть ребенка — будет дураком. Ребенку нельзя есть поворотную часть

кишки — заблудится в тайге. Не разрешалось ребенку ходить в одном унте, падать на спину, прыгать с оленя — будет сиротой. Нельзя ребенка ночью выносить на улицу, умывать ночью на улице, подносить близко к другому ребенку, шумно играть с ним — будет дураком. Нельзя совать в рот челюсть оленя — заболят зубы, плевать в огонь — заболит язык, мочиться у огня — будет страдать недержанием мочи.

8. БОЛЕЗНИ, СМЕРТЬ И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Знания о болезнях (*бумумук*) у эвенков-орочонон, как и у большинства народов, зародились в глубокой древности. Г. М. Василевич в свое время отмечала, что такие простудные болезни, как насморк, кашель, эвенки считали органической частью, подобной дыханию. В мифе о сотворении человека говорится, что эти болезни ввел в еще не оживленных людей злой старший брат³⁰. Верхнеамурские эвенки считали, что это — дело рук харги. Причин болезней и способов исцеления эвенки не знали. Беспомощность и страх перед стихиями природы с древних времен привели эвенкам массу поверий и запретов, связанных с болезнями и смертью.

Психические заболевания объясняли тем, что духи предков больного призывали его к шаманству, а заболевания сердца, почек, печени — дурным глазом посторонних людей. Когда среди эвенков распространялись эпидемии оспы, чумы, тифа и т. д., считалось, что это враждебные шаманы напустили своих духов и они поедают души сородичей. Когда шаман во время камлания не выдерживал перегрузки и умирал, говорили, что его душу съели духи другого враждебного шамана. Если умирали один за другим несколько человек, то предполагали, что их души похитила душа мугды первого умершего человека.

Запреты, связанные с болезнью, пронизывали все стороны духовной жизни, промысловой и хозяйственной деятельности. Беспомощность перед стихийными силами природы, незнание болезней, неумение с ними бороться приводили к суеверному страху, который заставлял верить и исполнять все поверья, запреты и обряды, связанные с болезнью.

Смерть эвенки-орочонон объясняли уходом живой души хэян из тела человека и поселением души мугды.

Камлание шамана — проводы мугды в мир бунн — проходило в зависимости от того, когда человек умер и в каких условиях находился труп. Обычно это случалось через полтора-два года после смерти. Обряд похорон производился без шамана.

Считалось, что души хэян и мугды жили почти такой же жизнью, как и люди на земле (см. разделы 1 и 2 настоящей главы). Поэтому, по сложившимся традициям, по покойникам не плакали. Смерть рассматривалась как несчастье, горе, но в будущем, как считали эвенки, умерший обязательно встретится со своими близкими. Боязнь покойника, по всей вероятности, развилась в результате появления представлений о шаманских мирах и земле бунн.

В конце XIX — начале XX в. у звенков-орочонов существовало два способа захоронения: в земле и воздушный. Но прежде чем охарактеризовать эти способы, необходимо кратко остановиться на обычаях и обрядах, сопровождавших погребение.

О рассматриваемых погребальных обрядах автору рассказали Н. И. Антонов, К. В. Григорьев, И. Н. Иванов, Ф. Г. Боярковская, Н. А. Николаев, Ф. С. Яковлев.

После наступления смерти покойника раздевали, грудь и живот обмывали кровью жертвенного оленя или теплой водой. После обмывания умершего одевали в лучшие одежды и укладывали на коврик кумалан. Затем изготовляли колоду, которая по внешнему облику напоминала килевую или плоскодонную лодку (рис. 40, табл. 6). Лодки-колоды обоих типов делались из сухой красноватой внутри древесины лиственницы мугдыкен, но ни в коем случае не дуплистой. Длина их колеблется от 1 до 2,5 м, ширина и высота — от 25 до 40 см.

Т и п е р в ы й. Бревно лиственницы обтесывали с семи сторон (в разрезе получался семигранник) так, чтобы верхняя плоскость лодки-колоды располагалась горизонтально, четвертая и пятая плоскости — вертикально, а шестая и седьмая сходились на угол, как бы представляя киль. Со стороны комля делали слегка заостренный и приподнятый нос, от которого лодка-колода плавно сужалась в сторону кормы. В районах носа и кормы вырубали вертикальные квадратные отверстия и по горизонтали раскалывали на две половинки. Только после этого приступали к вырубке места для покойника. Сверху в крышке лодки-колоды с двух сторон прорубалось отверстие, чтобы душа умершего могла путешествовать (табл. 6, 1—5).

Т и п в т о р о й. Бревно лиственницы сверху и снизу обтесывали, придавая ему в разрезе эллипсоидную форму. Нос лодки-колоды со стороны комля слегка суживался и приподнимался по от-

ношению к днищу. Все остальные операции производились как и у лодки-колоды первого типа.

Вымазав предварительно изнутри лодку-колоду кровью жертвенного оленя, в нее укладывали покойника. В гроб вместе с мужчиной клали лук, колчан со стрелами, пальмú, ножи и другие промысловые и хозяйственные предметы, которыми он пользовался при жизни; около женщины — орудия для обработки шкур, шкатулку со швейными принадлежностями и мелкие личные вещи. Ребенку клали шкатулку с идолами-охранителями, синкен и игрушки. Мужчину к месту захоронения несли мужчины, женщину — женщины, ребенка — отец или близкие по крови родственники-мужчины. Лодку-колоду с покойником надевали на заранее приготовленные, обрезанные и обтесанные из живых лиственниц два столба так, чтобы голова покойного была направлена на заход солнца (см. рис. 40). Под лодкой разводили огонь, в который лили жир для окуривания. Личные вещи и предметы связывали в один узел и помещали на соседнее дерево. Шкуру жертвенного оленя вместе с головой, внутренностями и ногами вешали около помоста, придавая ей вид живого животного. Мясо съедалось участниками обряда.

Для жертвы обычно брали верхового или передового оленя, принадлежащего покойнику. Убивали его путем удушения петлей (*апкив*) или ударом ножа или палки в сердце. При обдирании ноги ниже колен и голову не отделяли от шкуры, а внутренности — от головы.

Окончив обряд, его участники пятясь отходили от места погребения и возвращались домой. В похоронах участвовали только родственники. Покойника из жилого помещения выносили головой вперед. Местом для захоронения обычно служили острова с высокими, хорошо просматривающимися местами. Это делалось для того, чтобы душа умершего человека не беспокоила оставшихся в живых сородичей. По представлениям верхнеамурских эвенков, душа умершего не может преодолеть водные пространства. Страх перед умершим был велик. Места захоронений обычно не посещались, и эвенки их обходили стороной. Для того чтобы оставленными вещами покойника и лодкой-колодой не воспользовались харги со своими помощниками, вещи приводились в негодность, а лодку-колоду специально изготовляли асимметричной.

Подобные типы захоронений встречаются по рекам Нюкжа, Олекма, Тунгурча, Тунгурчекан, Куранах, Амуткачи, Зея, Гилой и в ряде других мест.

Выше мы рассмотрели наиболее характерный вид захоронений у эвенков Верхнего Приамурья в конце XIX — начале XX в. Но там, где эвенки соприкасались с русским населением, существовали захоронения и в земле, а в бассейне Нюкжи и по среднему течению Олекмы существовали и вторичные захоронения.

В начале XX в. вторичными захоронениями пользовались в очень редких случаях, в основном для умерших во время зимних промыслов, в отдаленных от стойбища местах. Покойника раздевали, обмывали ему грудь и живот, одевали в лучшую одежду, которая на-

ходила при нем, заворачивали в покрывку от чума (нюк) или шкуру и клали на лабаз головой в направлении захода солнца. Все личные предметы и вещи слегка портили и укладывали рядом. Затем разводили под лабазом костер, подливая в него жир, окуривали покойника. Убивали верхового или передового оленя, принадлежащего умершему, шкуру вместе с головой и ногами вешали рядом, мясо съедали. От лабаза уходили пятась. На этом месте не задерживались, а перекочевывали в отдаленные районы. При возможности через год-полтора возвращались к месту с лабазом покойника, делали небольшую лодку-колоду, складывали в нее без всякого порядка кости умершего. Череп обязательно ориентировали на заход солнца. Лодку-колоду надевали на два столба и пятась уходили. Вторичное захоронение делали после проводов шаманом души умершего в мир буни.

Захоронения в земле у эвенков-орочонов в основном были распространены по левым притокам Амура в районах, смежных с расселением русских, где наблюдалось сильное влияние церкви. Обряд похорон остался таким же, как и при верховых захоронениях, только лодки-колоды изготовлялись без отверстий для столбов и ставились в могилу. Как правило, сверху насыпали небольшой холм и устанавливали крест. Испорченные личные вещи и предметы клали сверху на могилу или развешивали на соседних деревьях. Шкуру жертвенного оленя вместе с головой и ногами вешали рядом. Голова покойника, как и в верховых захоронениях, обязательно должна быть направлена на заход солнца³¹.

Глава II

ШАМАНИЗМ ЭВЕНКОВ-ОРОЧОНОВ

В конце XIX — начале XX в. шаманы играли особую, еще до конца не получившую освещения в литературе роль в жизни первобытно-общинного родового строя. В основе шаманизма эвенков-орочонов, как и у других народов Сибири и Дальнего Востока, лежало представление о способности особого лица — шамана — выступать посредником между людьми и сверхъестественным миром. Шаман при помощи различного рода духов-помощников «охранял» души опекаемой им группы эвенков от враждебных духов и несчастья. Духи-помощники находились под контролем шамана, и он регулировал их действия.

Шаман, монополизировавший право общения с духами-охранителями рода, представлялся сородичам человеком с особыми, недоступными для других людей качествами, отличающимся по своей телесной и духовной сущности. Он выступал как центральная фигура рода, играющая заметную роль в его жизни. Если после смерти шамана в роде не оставалось его последователей, то члены рода верили в то, что их будущее под угрозой.

Роль шаманов в обществе была многоплановой. У эвенков-орочонов шаманы подразделялись по происхождению «корней», т. е. шаманской силы, на шаманов, имевших корни снизу, и шаманов, имевших корни сверху. Шаманы первого вида в основном занимались лечением людей, животных, «добывали» плодородие роду, а все остальные камлания у них были менее удачными. Эту категорию шаманов эвенки считали колдунами, которые могут навести порчу на людей, животных и т. д. Их боялись и старались меньше контактировать с ними. Они носили костюм из медвежьей шкуры или ровдуги лося.

Шаманам, имевшим корни сверху, более удавались камлания, направленные на добывание охотничьей удачи и размножение поголовья оленей. Их костюм изготавливался из ровдуги дикого оленя или лося. Существовали шаманы, имевшие корни и сверху и снизу. Их костюмы изготавливались только из ровдуги лося.

По рассказам информаторов, зачастую шаманы владели гипнозом. В. К. Арсеньев во время путешествия по Сихотэ-Алиню наблюдал, как шаман при помощи гипноза вылечил его проводника. Он писал: «Вне всякого сомнения, что целый ряд нервных заболеваний

шаманы могут излечивать с помощью гипноза»¹. В частности, как сообщают пожилые эвенки, они могли также устраивать различные фантастические представления, например имитировать наводнение, при котором присутствующие приподнимали полы одежды и поднимались на возвышенные места, вызывать различных диких животных, вылетать в дымовое отверстие из юрты, глотать ножи, пальмы и угли, вызывать молнию и раскалывать лиственницы и т. д.

1. СИМВОЛЫ ШАМАНСКИХ АТРИБУТОВ

Шаманские атрибуты эвенков-орочонов, в которых воплощалось их представление об окружающем мире, состояли из кафтана (плаща) (*самасик*), нагрудника, шапки (*авун*), бубна (*унтувун*), колотушки (*гис*), брюк (*эрки*), обуви (*унта*). (Описание шаманских костюмов и их атрибутики см. в Приложении.) Г. М. Василевич, со ссылкой на С. М. Широкогорова, указывает, что некоторые шаманы оленных групп эвенков Приамурья пользовались посохами, символизировавшими коня или оленя². Имеющиеся в нашем распоряжении материалы по эвенкам-орочонам, а также информаторы не подтвердили наличие посохов у шаманов этой территории. Отсутствовал у них и другой важный шаманский атрибут — металлические маски, представлявшие духов-помощников, которые были широко распространены у шаманов забайкальских и некоторых других групп эвенков, использовавших эти маски при лечении больных³. У верхнеамурских эвенков считалось, что вместилищами духов-помощников и духов-покровителей при лечении больных являлись антропоморфные изображения на колотушках (табл. 14, 8) и вместилище души мугды умершего предка — мугдыгра (см. рис. 17).

При анализе шаманских атрибутов обращает на себя внимание их многоплановость, которая связана с одновременностью их происхождения. В первую очередь в них отражено представление о вселенной, с ее основными планетами, верхним и нижним мирами, о духах-помощниках и духах-покровителях; во-вторых, представлены символы защитных средств от враждебных духов и «оружие» для борьбы с ними; в-третьих, указаны основные виды «транспорта» для «путешествия» шаманской души и для сбора шаманских духов. В шаманских атрибутах воплощены представления о «голосах», помогающих собирать духов. В-четвертых, шаманские атрибуты являются телесным и духовным «вместилищем» самого шамана и опекаемой им группы эвенков.

Шаманские кафтаны эвенков-орочонов представлены двумя типами. Первый тип был распространен на территории бассейна Зеи и Нюкжи. Покрой со вставными рукавами и отдельно выкроенными спинкой и полами. Поясная бахрома нашивалась по низу куртки. Второй тип использовался на территории левобережных притоков Амура. Кафтан изготовлялся из целой шкуры, прошивался по низу рукавов и бокам. Иногда сзади вставлялся прямоугольный клин.

Рис. 41. Изображение духа-помощника нижнего мира *Мугды* на шаманском костюме И. И. Яковлева из рода Буллёт.

Рис. 42. Шаманская шапка *авун*.

Бахрома подшивалась круговыми рядами по куртке, начиная от подмышек.

Фотография очень интересного по покрою и оформлению кафтана, принадлежащего амурским орононам, опубликована Е. Д. Прокофьевой⁴. По общему виду он напоминает описанный нами шаманский кафтан с бассейна Нюкжи. Однако ни раскроя, ни описания этой парки автор не дает.

Рассмотрим, как отражались в одеяниях шаманов представления о вселенной. На кафтане И. И. Яковлева из рода Буллёт (см. Приложение, табл. 8)* вселенная представляла наспинной планкой, на которой земля, или средний мир, передана тремя горизонтальными линиями. Нижний мир показан девятью ломаными треугольными выступами, верхний мир — прямоугольным пространством выше «земли».

В центре символа верхнего мира расположена рогатая голова лося (табл. 10, 3). Это вместилище главного духа-покровителя шамана. Напштая левее ее и чуть ниже квадратная пластина с отверстием по центру (табл. 12, 1) обозначает родовую территорию шамана со

* Информация по атрибутам получена от дочери И. И. Яковлева Е. Н. Яковлевой и от Ф. С. Яковлева.

входом в нижний мир, охраняемым шаманским оберегом — идолом мента в виде эллипсоидной пластинки. Правее головы укреплен металлический круг (табл. 12, 2), передающий образ солнца.

Вместилищами духов-помощников верхнего мира считаются изображения волков (табл. 9, 7, 8), тигров (табл. 12, 9, 10), медведей (табл. 12, 11, 12) и антропоморфной фигурки (табл. 12, 4). Все они расположены на кафтане под рукавами, напротив полос, обозначающих средний мир.

Вместилищами духов-помощников нижнего мира представляются изображения тайменей (табл. 12, 5, 6), змей (табл. 12, 7, 8) и антропоморфной фигурки (рис. 41, табл. 12, 3). Укреплены они на первом, восьмом и девятом зубцах наспинной планки (счет с левой стороны).

Судя по символике костюма и со слов информаторов, шаманская сила И. И. Яковлева исходила из верхнего мира. Поэтому его «хвост» *эргивлен*, в котором, по поверьям, сосредоточена вся шаманская сила, укреплен на наспинной планке в области, очерчивающей верхний мир. Голова лося, символизирующая главного духа-покровителя шамана верхнего мира, укреплена на центральной полосе корня «хвоста», а главный дух-покровитель шамана нижнего мира — многохвостый змей (табл. 10, 2) размещен на эргивлен ниже наспинной планки.

Не менее интересное представление о вселенной дает кафтан А. И. Ростолова* из рода Ниноган, имевшего корни снизу. (табл. 17 — 18).

Шапка и кафтан А. И. Ростолова в едином комплексе передают образ вселенной. Земля показана эллипсоидной пластиной (табл. 20, 8) с десятью входами в нижний мир. Ее изображение расположено на поясной области (табл. 18, точки 31) кафтана. К символу прикреплены образы духов-помощников нижнего мира: две рыбки и мамонт (табл. 22, 2). Две пластины, укрепленные под мышками (табл. 20, 1), представляют неведомые, заморские земли. Верхний мир символизируется шапкой и пространством на спинке куртки, между изображениями неведомых земель. Солнце передано бронзовым зеркалом на шапке шамана (рис. 42). Солнце к тому же является и покровителем вместилища шаманской души, которое представлено в образе лебедя (табл. 15, 8), обшитого ровдугой и укрепленного под образом солнца.

Считается, что главным духом-покровителем этого шамана был агды. Он передан в зооантропоморфном облике (табл. 22, 3), его изображение расположено на центральном и самом высоком месте по сравнению с остальными духами-помощниками (табл. 18, точка 8). Вместилища заморских духов-помощников — двуглавые птицы ба-мул (табл. 21, 9; 23, 3), фантастические животные (табл. 22, 1; 23, 2) и фантастическая ушастая птица (табл. 23, 4). Вместилища небесных духов-помощников переданы образами медведей (табл. 20, 3, 14), парнокопытных (табл. 20, 5, 12, 13) и хищных (табл. 20, 18; 23, 1) животных, птиц (табл. 20, 6, 7, 9, 16; 22, 4, 5), тигром и головой медведя, подвешенными на фаллосах (табл. 20, 2, 4; 21, 7). Все вмести-

* Информация получена от К. В. Григорьева, Н. И. Антонова, Ф. Г. Боярковской и К. Г. Ростоловой.

лица небесных, земных и заморских духов расположены выше символа среднего мира — земли, между заморскими землями (табл. 18).

Представление о нижнем шаманском мире дают прикрепленные к пластине, символизирующей землю, изображения на спинке кафтана и поясная бахрома. Вместилищами духов-помощников нижнего мира являются мамонт с рыбками (табл. 22, 2) и всевозможные ящерицы и змеи (табл. 19, 2—6, 8, 10).

На шаманском костюме А. И. Ростолова имеются три «хвоста» эргивлен. Один «хвост», с гардуном и рыбкой (табл. 19, 1), имеет силу только в нижнем мире, другие два (табл. 19, 7, 12) имеют силу во всех трех мирах. На это указывает наличие у одного из них трех кисточек на конце, у другого трех отростков на конце «хвоста».

Ярким своеобразием отличаются символы, дающие представление о вселенной, на шаманской одежде С. А. Григорьева из рода Каптугар*.

Верхний мир, или владения энекан буга, изображен на парке круговой бахромой, опоясывающей грудь, плечи и спину (табл. 27, 28). Состоит она из 177 лент, каждая из которых обозначает шаманскую дорогу к энекан буга. Пространство, опоясанное бахромой, является входом в верхний мир. В этом пространстве на правом плече показана луна (табл. 27, 3), а бахрома на правом рукаве — лучи, отражающиеся от луны. На левом плече расположено солнце (табл. 27, 4), а бахрома на левом рукаве символизирует его лучи. Луна и солнце переданы относительно, округлыми металлическими пластинами (табл. 32, 8). Округлые металлические пластины на груди (табл. 27, точки 11, 12) символизируют неведомые для шамана, но существующие во вселенной земли. Так как они неизвестны шаману, то на них нет шаманских дорог, изображаемых полосками.

Символ шаманской родовой земли укреплен чуть ниже бахромы (табл. 28, точка 25; 31, 1). В ее центре вход в нижний мир; радиальные полоски по окружности обозначают шаманские дороги. К тому же земля символизирует сердце главного духа-покровителя шамана, вместилищем которого является изображенная во всю спину кафтана шкура рыси (табл. 28; 14, 9). Контуры шкуры рыси обозначают границы влияния шаманской силы в верхнем, среднем и нижнем мирах.

Правее изображения земли под бахромой укреплена звезда Чалбон (табл. 28, точка 24; 31, 2). На ней расположена родовая территория неродившихся душ оми. Прямые насечки на окружности обозначают шаманские дороги и территорию, знакомую шаману.

Представление о нижнем шаманском мире на парке дают три круговых ряда поясной бахромы. Основание бахромы верхнего ряда означает начало первого яруса нижнего мира. Основание бахромы второго ряда символизирует конец первого яруса и начало второго, а основание бахромы третьего ряда показывает конец второго и начало третьего яруса — землю буни.

* Информация получена от К. В. Григорьева, Н. И. Антонова, Г. Я. Соколов и Т. Я. Илюткиной.

Вход в первый ярус нижнего мира изображен отверстием, вырубленным в трехкопеечной монете 1916 г., подвешенной к верхнему круговому ряду бахромы на спине около контура шкуры рыси (табл. 30, 2; 31, 12). Считается, что во второй ярус нижнего мира шаман попадает по двум жгутам через кольцо, опоясывающее их в основании второго поясного ряда бахромы (табл. 30, 2). В третий ярус нижнего мира шаманского пути нет, попасть туда, по представлению эвенков, он не может.

Судя по размерам изображения шкуры рыси и со слов информаторов, сила шамана в первом ярусе нижнего мира распространяется на довольно обширную территорию. Во втором ярусе нижнего мира шаманская сила действует на небольшом участке, очерченном кончиком хвоста шкуры рыси. Этот участок служит шаману дорогой для сопровождения в землю бун души умершего предка мугды.

По словам К. В. Григорьева, первый ярус нижнего мира шаман «посещал» довольно часто, об этом свидетельствуют изображения виденных им неизвестных земель, которые сосредоточены в трех скоплениях (табл. 28, точки 35—37). Волнообразные края двух окружностей (табл. 28, точки 32, 33; 32, 7, 9) и ровдужные полосы, подходящие к ним (табл. 29, 2), показывают, что шаман эти земли посещал, но в глубину территорий не заходил. Ровдужные полосы обозначают дорогу к этим мирам.

Подвешенный вверх ногами костяк с цепочкой (табл. 33, 11) является скелетом души мугды умершего предка, которая является покровителем шамана в нижнем мире. О принадлежности этого скелета обитателю нижнего мира говорит положение туловища; кроме того, на костяке нет отверстий для рук, а дух-покровитель, по представлениям эвенков, безрукий, как и идол мугдыгра (см. рис. 17).

Тринадцать пар пластин, расположенных на вертикальных отрезках проволоки (табл. 29, 4), символизируют ребра духа-покровителя шамана в трех мирах, вместилищем которого является нарисованная шкура рыси, а подвешенная ровдужная полоса с 25 металлическими ободками (табл. 28, точка 22; 32, 13) — его позвонки.

Вместилищами духов-помощников шаманов верхнего мира считаются кукушки (табл. 27, точки 6, 7; 32, 11, 12), дятлы (табл. 27, точки 8, 9; 32, 3, 4) и птица агды с топором, укрепленным снизу (табл. 27, точка 13; 32, 5—7). Все они расположены на груди кафтана.

Вместилище шаманской души в образе водоплавающей птицы (табл. 32, 9) обшито ровдужой и подшито под мышкой правого рукава (табл. 27, точка 14) под охраной солнца, которое символизируется матерчатой петлей на правом рукаве (табл. 27, точка 15).

Из «хвостов» эргивлен, в которых сосредоточена шаманская сила, три берут свою силу с верхнего мира (табл. 30, 1), один — с земли (табл. 29, 2).

Второй кафтан С. А. Григорьева (табл. 35) по своему изготовлению и символам, представляющим вселенную, близок к первому, но имеются и различия. Верхний мир на нем изображается рукавами и верхней частью куртки. Продольные линии на рукавах символизируют шаманские дороги в верхнем мире, поперечные круговые —

шаманские проходы в верхнем мире (табл. 36, 1, 2, 5, 6). На левом рукаве передан месяц, на правом нарукавной повязкой указано солнце (табл. 34, 35).

Земля изображена округлой металлической пластиной (табл. 39, 3). Центральная окружность на пластине символизирует вход в нижний мир, радиальные линии — шаманские дороги. Расположена на правом нагрудном клапане

Вместилище духа-покровителя шамана — медвежья голова (табл. 39, 5), которая расположена по центру наспинной планки и занимает главенствующее положение по сравнению с присутствующими духами-помощниками. Одним из могучих духов-помощников является тигр, помещенный в клетку (табл. 39, 1, 2), под охраной духа-покровителя шамана в образе медвежьей головы и духов-помощников в образах кукушек.

Вместилищем шаманской души считается летящая птица, обшитая ровдугой и подвешенная к левой стороне наспинной планки (табл. 15, 9).

Нижний мир на костюме передан, как и в вышерассмотренном костюме С. А. Григорьева, тремя круговыми рядами поясной бахромы, символизирующими три яруса. Входами в первый ярус считаются отверстия в овальных пластинах (табл. 37, 6), расположенных в верхнем ряду бахромы по бокам (табл. 36, 9, 10). Входом во второй ярус служит кольцо, к которому подвешены две пластины (табл. 36, 11). Треугольная пластина с девятью вдавлениями (табл. 39, 4) символизирует родовую территорию умерших предков.

Кафтан имеет девять «хвостов» эргивлен. Два наиболее длинных подшиты к наспинной планке и «питаются» силой верхнего мира. Остальные семь прикреплены к первому круговому ряду бахромы, поскольку своим происхождением и силой шаман обязан покровителям земли. Главенствующее положение среди них занимает эргивлен с изображением тигра (табл. 38, 1, 2). Он расположен по центру парки и имеет девять маленьких дополнительных жгутов и один большой, свидетельствующих о том, что сила шамана распространяется во всех мирах.

Необычное представление о вселенной несет шаманская парка с бассейна Нюкжи (табл. 40, 41)*.

Нашитая ровдужная полоса вдоль верхней части рукавов несет многоплановую нагрузку: она символизирует лопаточные кости и кости рук, а также небесный свод, состоящий из трех ярусов верхнего мира. Правый рукав ассоциируется с нижним ярусом, спина — со вторым ярусом, а левый рукав — с верхним ярусом верхнего мира. Разделение нижней нашивки на левом рукаве представляется входом в верхний ярус, а пространство между нашитыми планками, не перекрытое металлическими пластинами, — входами в нижний и средний ярусы (табл. 41).

Вместилищем духа-покровителя шамана считаются рога лося (табл. 42, 13). Они укреплены по центру наспинной планки и занимают главенствующее положение. Вместилищами духов-помощников

* Информация получена от К. В. Григорьева, Н. И. Антонова, М. Боярковской, А. П. Николаева.

верхнего мира являются птица из рода ястребиных (табл. 42, 14), насекомые (табл. 42, 2), бабочки (табл. 43, 17—19; 44, 1). Все они прикреплены к ровдужной полосе на спине парки.

Погремушки, подвешенные вдоль спины и правого рукава, исполняли функции «голосов», собирающих шаманских духов. Что обозначают выбитые на них бугорки, собранные в группы по три, информаторы объяснить не смогли (табл. 44, 45). Месяц изображен в виде серпообразной, с девятью треугольными выступами, фигуры, выполненной из ровдуги (табл. 41), на левом рукаве. На присутствие солнца информаторы не указали.

Земля на кафтане представлена ровдужной полосой, помещенной на поясе (табл. 40, 41). Все, что расположено ниже ее, относится к нижнему миру. Входом в нижний мир служит пространство между полосами на полах.

Вместилищами духов-помощников нижнего мира служат металлические рыбки (табл. 42, 3—10). Эрживлен на кафтане своим происхождением и силой обязан земле. Пикообразный его конец, по мнению информаторов, указывает на то, что его сила распространяется на средний мир, а в верхнем и нижнем мирах шаман не имеет влияния (табл. 43, 10).

В шаманской атрибутике эвенков-орочонов обязательным считалось присутствие изображения костяка самого шамана, который, по мнению эвенков, отличался по своей сущности от костяка простого человека и приобретался шаманом во время его становления (см. раздел 2 настоящей главы). Шаманский скелет выполнял функции «щита» от враждебных духов во время обрядов и камланий. Считалось, что от его прочности зависело благополучие опекаемого шаманом коллектива.

Изображение костяка шамана могло помещаться на различных шаманских атрибутах: только на кафтане; на кафтане и нагруднике; на нагруднике, брюках, унтах и рукавицах; на тех же предметах и шапке. Кроме перечисленных вариаций, могли существовать и другие; твердых канонов не существовало. К тому же исполнялись они совершенно по-разному.

Помимо изображения скелета шамана, у эвенкийских шаманов Верхнего Приамурья на атрибутах могли изображаться скелеты основных духов-покровителей.

Неотъемлемой частью шаманской атрибутики эвенков являются шаманские «голоса» для сбора духов. Они, как правило, помещены на кафтанах и бубнах. Их вместилищами считаются всевозможные колокольчики, бубенцы, трубчатые подвески, пластины, резонаторы и сам бубен.

Общими для всех шаманских кафтанов была поясная бахрома, состоящая из жгутов чуракта, илькукта и лент каптыкакта. Жгуты чуракта, нашитые на рукава и пояс, исполняли роль перьев, придавая шаману, облаченному в костюм, как бы облик птицы. Поскольку шаманы эвенков-орочонов душу представляли в облике перелетной птицы, то атрибуты костюма указывали на птицу, с которой ассоциировалась душа шамана. У начинающих шаманов на

кафтаны присутствовали только жгуты чуракта. С постепенным становлением шамана и переходом его в сан средних к поясной бахrome добавлялись ленты каптыкакта. Каптыкакта использовались как добавление к шаманскому костяку, они исполняли роль «щита» и служили оружием для «разбивания», «ломания» и «резания» во время борьбы с враждебными духами (см. раздел 2 настоящей главы). Если же на парке отсутствовали каптыкакта, то вместо них нашивались металлические пластины, имевшие то же название и несшие ту же нагрузку. Цепи в поясной бахrome описанного нами костюма И. И. Яковлева выполняли функции каптыкакта и служили в качестве защитного средства.

Жгуты илькукта имели только сильные шаманы. Они приобретались шаманами в последнюю очередь и служили, по мнению эвенков, оружием для «обжигания» и «сжигания» во время борьбы с враждебными духами. Нашивались на пояс и рукава.

В поясную бахромку входили подвески и ленты, выполняющие функции вместилищ духов-покровителей и помощников нижнего мира, а также «хвосты» эргивлен. Чем сильнее был шаман, тем больше было эргивлен на его кафтане. По расположению «хвостов» на кафтане можно определить корни, откуда исходила шаманская сила. Если он укреплен в районе изображения, символизирующего верхний мир, то шаман имеет корни сверху. Если же «хвост» подшит к символу земли, как на парке шамана с бассейна Нюкжи (см. Приложение), или к поясу, то шаман имеет корни снизу. В тех случаях, когда эргивлен подшиты в местах, символизирующих верхний мир и землю, эти шаманы имели корни и сверху и снизу.

Как правило, эргивлен на кафтанах заканчиваются тремя кисточками или выступами. Это показывает, что шаман имеет силу во всех трех мирах. Если «хвост» заканчивается одним выступом, то сила шамана распространяется только там, откуда он берет свое начало. Но если на эргивлен изображен или к нему подвешено изображение духа-помощника, то сила шамана распространяется и на тот мир, к которому принадлежит этот дух.

Шаманские нагрудники эвенков-орочонов являются неотъемлемой частью кафтана. Все четыре описанных нами нагрудника (см. Приложение) несли функции оберегов и исполняли роль «щита» от враждебных духов. Кроме того, два из них (табл. 38, 4, 5; 49, 3) символизировали грудь шаманов. На нагруднике И. И. Яковлева (табл. 13, 1) представлены вселенная, а также отдельные части тела шамана. По его центральной части красным квадратом описана земля. Сердцевидная фигура в центре земли (табл. 15, 7) указывает на сердце земли и вход в нижний мир; укрепленная на нем шестеренка символизирует пуп самого шамана. Отгороженные двумя горизонтальными фиолетовыми черточками антропоморфные головки внизу квадрата показывают враждебных, злых духов (табл. 15, 2, 3), которых шаман сумел подчинить своей воле и использует против недоброжелательных духов нижнего мира. В верхней части квадрата и выше его подвешены восемь птиц (табл. 11, 2—4; 14, 1—5) во главе с агды (табл. 11, 4), символизирующие духов-помощников верхнего мира.

От квадрата, изображающего землю, до подковообразной пластины (табл. 11, 6) у горловины передано расстояние до верхнего мира. Сама подковообразная пластина обозначает кадык шамана, а опоясывающая ее красная полоса — вход в верхний мир.

Ниже квадрата, символизирующего землю, изображен нижний мир. Две сердцевидные фигуры (табл. 15, 5, 6) указывают на входы во второй ярус. Змея и две лягушки являются вместилищами духов-помощников нижнего мира*.

Е. Д. Прокофьева, анализируя шаманские бубны народов Сибири, бубны верхнеамурских эвенков, отнесла к дальневосточному типу, забайкальскому варианту. Однако рассмотренные нами бубны эвенков Верхнего Приамурья (табл. 16, 25, 50—52) по выделенным Е. Д. Прокофьевой признакам имеют смешанные черты южносибирского и среднесибирского типов⁵. Форма бубнов яйцевидная или овальная. Размеры в продольном сечении от 70 до 90 см, ширина обечайки от 7 до 12 см. Имеются резонаторные щели в обечайке. Рукоять — железная крестовина. На бубны нанесены сложные рисунки.

Шаманские бубны эвенков-орочонов несли многоплановую нагрузку (рис. 43). Они символизировали вселенную; представлялись местом для «сбора» духов-помощников и духа-покровителя во время камланий; звуковым сигналом или шаманским «голосом» для сбора духов; частичным вместилищем шаманских духов-помощников, а в некоторых случаях, во время камланий, даже самой энекан буга. Они выполняли функции «транспорта» для добытых шаманом душ оми во время камланий на звезду Чалбон и душ хэян домашних оленей и диких парнокопытных животных во время оленеводческих и охотничьих обрядов (они символизировали в этом случае образ оленя), а также лодки или плота во время «перевозки» душ мугды через реку тунето в мир буни**.

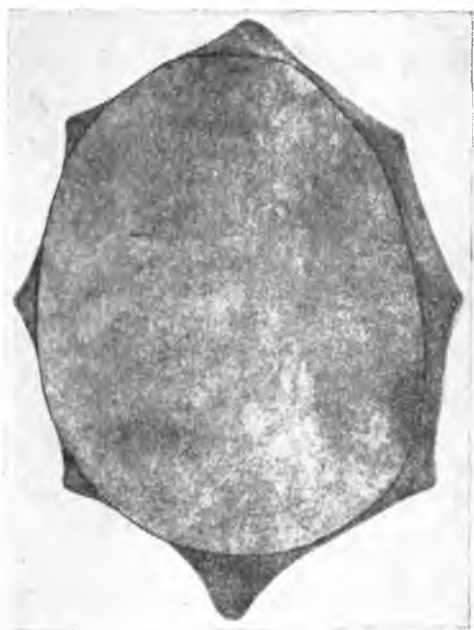

Рис. 43. Шаманский бубен.

* Информаторы: Е. Н. Яковлева, Ф. С. Яковлев, К. В. Григорьев, Н. И. Антонов, Г. Я. Сологон и др.

** Информация получена от Ф. С. Яковлева, К. В. Григорьева, Н. И. Антонова, Ф. Г. Боярковской, А. Д. Урканова и др.

На бубне И. И. Яковлева (табл. 16) вселенная передана на обеих сторонах бубна. На внешней стороне земля изображена вертикально расположенной дугообразной двухцветной полосой. С одной ее стороны месяц, с другой солнце, у которого центр и лучи закрашены черной краской, а ободок круга — красной. По представлениям эвенков, это солнце спустилось в нижний мир, поэтому оно имеет такой облик. Нижний мир показан подковообразной трехцветной фигурой. В верхней части изображена сидящая антропоморфная фигура, изо рта которой отходит полоса, выполненная кровью. Рисунок символизирует шамана, кормящего кровью духов нижнего мира. Правее шамана изображена бегущая лосиха, которая считалась духом-покровителем шамана.

Обратная сторона бубна символизирует родовую землю шамана со входом в нижний мир и дороги в потусторонние миры. Квадрат, исполняющий роль ручки, называют *чунурэ* (центр, пуп), а пластину, опоясывающую квадрат, *дуннэ* (земля)⁶. По всей вероятности, этим словом эвенки называли первоначально пространство между ручкой и опоясывающей ее пластиной, а центральное отверстие в рукояти считали входом в нижний мир.

Рассмотренные нами бубны (табл. 16, 25, 50—52) подтверждают предположение Г. М. Василевич и данные информаторов о многоплановой нагрузке бубна, в частности то, что он символизировал вселенную.

Если же с обратной стороны бубна крестовина, исполняющая роль ручки, не имела центрального отверстия, то на внутреннюю сторону дополнительно наносились рисунки (табл. 50—52), копирующие рукоять бубна с отверстием, но при этом земля заштриховывалась шаманскими дорогами. На некоторых рисунках в дополнение к символу вселенной изображались духи-помощники и сама энекан буга (табл. 51). Характерно, что ее изображение на бубне (табл. 51) совпадает с вышеописанными представлениями о ней эвенков-орочонов (см. гл. I). На этом бубне изображена не сама энекан буга, а ее отражение на луне, по которому шаманы разыскивают ее во время камланий.

Описание вселенной на внешней стороне бубна А. И. Ростолова (табл. 25, 1) напоминает охотничий наму эвенков Верхнего Приамурья. В верхней части бубна изображен вход в верхний мир, в нижней части — вход в нижний мир, по бокам — входы в потусторонние миры. Они охраняются зооморфными фигурками ментая (табл. 26, 4—7), напоминающими медведей, стоящих на задних лапах. Сверху над землей показаны солнце и месяц (табл. 23, 8, 9). Вокруговую по бубну изображены основные духи-помощники шамана: лоси (табл. 23, 7), изюбрь (табл. 26, 2) и медведь (табл. 26, 1). С обратной стороны бубна (табл. 25, 2) крестовина для держания и ее крещение символизируют землю со входом в нижний мир и шаманские дороги в потусторонние миры.

Колотушку шаманы эвенков-орочонов изготавливали из ливственницы мугдыкен. В некоторых случаях в деревянную лопатку врезалась костяная ручка из рога оленя или лося. Длина колотушек

достигала 50 см, ширина 5 см. С одной стороны лопатка обтягивалась камусом или шкурой с рогов оленя. Каждый шаман у верхнеамурских эвенков имел по пять-шесть разных колотушек и в зависимости от рода камлания пользовался той или иной из них. Для сопровождения души мугды в мир буни и для лечения больных пользовались колотушками, у которых ручки оканчивались головкой змеи, головкой человека и головкой птицы, но с обязательным присутствием антропоморфной маски. Изображения на ручках или антропоморфные маски считались вместилищами духа-покровителя нижнего мира. При камланиях в нижний мир к колотушке могли добавляться металлические кольца, символизирующие вход в нижний мир.

Для камланий на звезду Чалбон ручки колотушек обязательно оканчивались изображением головы птицы. Во время обрядов оживления природы и добычи священной силы мусун пользовались колотушками с ручками, оканчивающимися головкой оленя или птицы. При охотничьих обрядах ручки колотушек оканчивались головками парнокопытных животных.

Колотушки, как и все основные шаманские атрибуты, могли употребляться для различных целей. Даже при одном камлании они могли выполнять несколько функций и нести разные нагрузки. При начале камланий все виды колотушек служили как бы шаманским «транспортом» для «сбора» духов-помощников и духа-покровителя, которые при помощи боя в бубен «доставлялись» и наполняли бубен. Во время «перевозки» души мугды через реку тунето в мир буни они использовались как «весла», но в то же время выполняли функции вместилища духа-покровителя нижнего мира. Во время камланий в верхний мир они служили вместилищами духа-покровителя верхнего мира. По этой причине колотушки и являлись атрибутом, который в первую очередь появлялся у шамана *.

Специальные унты, брюки или ноговицы у шаманов верхнеамурских эвенков имелись не всегда. На них нашивались символы костей ног, и они служили дополнением к шаманскому костюму. Многие шаманы символы костей нижних конечностей помещали на кафтан и специальных унтов с брюками не имели.

Шаманская шапка также являлась дополнением к парке. Она символизировала часть верхнего мира или выполняла функции костей головы шаманского скелета.

2. ШАМАНСКИЕ ДУХИ И СТАНОВЛЕНИЕ ШАМАНОВ

По представлениям эвенкийских шаманов, основным их оружием в борьбе с враждебными силами и помощниками в защите сородичей являлись шаманские духи **. Они делились на духов верхнего мира

* Информация относительно колотушек получена от Ф. Г. Боярковской, Н. И. Антонова, К. В. Григорьева, М. Боярковской, Г. Я. Сологон, Ф. С. Яковлева и др.

** Информация по шаманским духам получена от Н. И. Антонова, К. В. Григорьева, А. П. Николаева, Е. Н. Яковлевой, Ф. С. Яковлева и др.

и нижнего. По рассказам информаторов удалось выявить, что у эвенков-орочонов существовала еще и группа подчиненных чужеродных духов *дона*.

Духи верхнего мира хэян являлись частью тех душ умерших предков, которые находились в них при жизни, а после смерти поселились на второй ярус верхнего мира. По внешнему виду хэян имели обличье любого животного, насекомого, а в некоторых случаях — антропоморфный вид. К сонму шаманских духов верхнего мира могли относиться агды и энекан того (см. раздел 1 гл. I). Некоторые шаманы считали, что их предки находились в родстве с ними, и относили их к духам-помощникам. Агды представлялся в зооморфном или зооантропоморфном виде, а энекан того только в антропоморфном виде в облике очень старой женщины. Духом-покровителем верхнего мира считалась та душа хэян, которая непосредственно призвала избранника к шаманству. Это чаще всего была хэян одного из умерших шаманов, но иногда это были другие духи. Судя по главенствующему расположению агды на костюме А. И. Ростолова и утверждениям К. В. Григорьева, А. И. Ростолова к шаманству призвал сам агды, который и являлся его духом-покровителем в верхнем мире.

Шаман приобретал только духа-покровителя, духи-помощники передавались ему по наследству от умерших родственников-шаманов.

Вместилищем шаманского духа-покровителя верхнего мира, как правило, были наиболее важные для шамана части тела того животного, которое служило вместилищем духа-покровителя. Это могли быть голова лося (табл. 10, 3), рыси (табл. 33, 1), медведя (табл. 39, 5), рога парнокопытного животного (табл. 42, 13) и т. д. Они укреплялись на самом высоком месте спинки кафтана и занимали там центральное положение. Если духами-покровителями были агды или энекан того, то их изображали полностью (табл. 22, 3).

Шаманскими духами-помощниками верхнего мира служили души хэян в облике парнокопытных и хищных животных, птиц, насекомых, бабочек. Они могли менять облик. Из животных духами-помощниками верхнего мира считались медведи, волки, тигры, рыси, лоси, изюбри, олени, из птиц — орлы, ястребы, гуси, лебеди, гагары, утки, кулики, кукушки, дятлы. Вместилищами духов-помощников шамана были их изображения, изготовленные из металла и ровдуги.

Если у верхнеамурских шаманов духом-помощником являлся тигр, то к нему было совершенно иное отношение, чем к остальным духам-помощникам верхнего мира. С одной стороны, по представлениям эвенков, так же как и других народов⁷, этот дух обладал большой ловкостью и огромной силой и в противоборстве с враждебными духами был незаменим, с другой — считалось, что если шаман имеет в качестве духа-помощника тигра, то это плохое предзнаменование, так как этот дух питается нерожденными душами оми своих сородичей и род постепенно вымрет. И если шаман приобретал в духи-помощники тигра, то сородичи во главе с шаманом старались противодействовать этому духу. Они помещали изображение тигра за

металлическую решетку под охраной духа-покровителя и духов-помощников в облике кукушек (табл. 39, 1), подвешивали его на изготовленный из металла человеческий фаллос (табл. 20, 4), так как у эвенков считалось, что нет ничего сильнее человеческого зачатия. В некоторых случаях тигра обшивали шкурками пушных зверьков, «уговаривая», чтобы он питался той же пищей, что и те зверьки, шкуры которых они обшит.

К сонму шаманских духов нижнего мира эвенки-орочоны относили мамонта, змею, лягушку, ящерицу, рыб и души мугды. Шаманским духом-покровителем в нижнем мире считалась одна из душ мугды, которую шаман знал по имени. Считалось, что ее вместилищем служили металлические антропоморфные фигурки, укрепленные на шаманских кафтанах, или резные маски на колотушках. Многие шаманы в своей атрибутике не имели вместилища души мугды, а если было необходимо ее присутствие в камланиях, изготовляли для этого из лиственницы идола мугдыгра и «вмещали» душу в него.

У сильных шаманов существовала и третья категория духов-помощников. Это заморские духи неведомых стран, куда шаман «путешествовал» во время камланий или о которых слышал. Эти чужеродные духи приобретались путем насильственных побед над ними или путем уговоров и задабриваний. К ним относились двуглавая птица бамул и другие птицы и животные с фантастическим обликом. В некоторых случаях в этой роли могли выступать заимствованные у других народов или родов духи или божества.

Как мы уже упоминали, шаманская атрибутика в первую очередь символизирует вселенную. Все шаманские духи-помощники располагались на атрибутах в «зонах влияния» шаманов, только дух-покровитель помещался на самом высоком, центральном, месте. Он вместе с шаманом был хозяином всех духов-помощников.

Во время камланий все категории шаманских духов, начиная от насекомых и кончая крупными животными, могли менять свое условно устоявшееся обличье.

Все три разряда шаманских духов выполняли одну и ту же функцию — «защиты» опекаемого коллектива от враждебных духов. От их силы зависела безопасность и благополучие рода. Становление шамана, как справедливо указывает Л. В. Хомич, «тесно связано с шаманством в целом: ведь как становятся шаманом — это и есть в значительной мере ответ на вопрос, кто такой шаман, что такое шаманство»⁸.

По представлениям эвенков-орочонов, шаманом мог стать не каждый человек, а только избранник духов. Обычно шаманом становился один из родственников умершего шамана, независимо от пола и степени родства.

Эвенки-орочоны трактуют избранничество в шаманы следующим образом. Когда умирал шаман, то его душа хэян делилась на две души — оми и хэян. Оми в образе птенца перелетной птицы (орла, ястреба, лебедя и т. д.) поселялась в дупле лиственницы мугдыкен на родовой территории звезды Чалбон. Хэян поселялась на родовой территории второго яруса верхнего мира. Мертвое тело

шамана приобретало новую душу мугды, которая находилась в нем до тех пор, пока не разложатся сухожилия на суставах. После этого мугды, по представлениям шаманов, отправлялась в нижний мир. Если при жизни шамана душа хэян знала дорогу и проходы в землю бун, то мугды дорога в землю бун неизвестна. При жизни шамана мугды обитала в сухих лиственницах мугдыкен и к земле бун его не сопровождала. По этой причине необходим шаман, чтобы сопроводить мугды в земли бун. Попав на свои родовые территории, души хэян и мугды, так же как и на земле, становятся шаманами. Зная проходы на землю, они часто посещают ее, наблюдают за жизнью своих родственников и оказывают им помощь. Таким образом они становятся духами-помощниками.

После смерти шамана его духи, до этого действовавшие, по представлениям эвенков, заодно, разбредаются кто куда. Они оказывают сородичам помощь каждый в отдельности, их легко уничтожить враждебным силам. Чтобы этого не случилось, на земле необходим человек, который способен объединить всех духов и руководить ими в оказании помощи и сохранении благополучия рода.

Заботясь о благополучии рода, души хэян и мугды умершего шамана начинают подыскивать кандидатуру в шаманы среди своих сородичей на земле. Иногда они не могут найти достойного человека среди своих сородичей. В это время род преследуют неудачи и болезни, которые продолжаются до тех пор, пока духи не найдут подходящего кандидата в шаманы. Избранничество происходит весной, когда начинается массовый лет перелетной птицы.

Исследователи, занимавшиеся народами Северной Азии, связывают избранничество в шаманы с широко распространенными формами психических заболеваний, состоявших в том, что у больных периодически наблюдался припадок безумия, во время припадков они в пени описывали всякие ужасы, жаловались на свою судьбу. Многие из больных убегают от окружающих их людей, накладывают на себя руки и т. д.⁹

По вопросу, касающемуся личности шамана, необходимо отметить точку зрения С. М. Широкогорова, который, исследуя этнопсихологический комплекс у тунгусо-маньчжурских народов, отметил отдельные случаи нервных болезней у шаманов, но при этом решительно подчеркивал физическое и психическое здоровье большинства шаманов. Он рассматривал шаманство как способ самозащиты и проявление биологических функций рода, как саморегулирующийся механизм психической сферы людей¹⁰.

Верхнеамурские эвенки психические заболевания связывали с призыванием в шаманы. Как только один из болящих начинал шаманить (т. е. петь шаманские песни), болезни в роде прекращались. Окружающие считали, что выбор духов пал на поющего человека и в него вселился дух-покровитель. Дух-покровитель «подсказывает» избраннику, где обитают духи-помощники и каким путем их собрать. Духи-помощники обязательно должны быть душами родственников. С этого момента начинаются скитания избранника.

По рассказам информаторов, избранник удаляется в тайгу и живет в изоляции от людей. В это время происходит «сбор» духов-

помощников. Считается, что дух-покровитель водит кандидата в шаманы по дорогам и местам обитания духов-помощников, уговаривая последних вселиться в избранника и подчиниться его воле. Если кто-то не подчиняется, дух-покровитель «уговаривает» их, пугает враждебными силами, говоря, что в конце концов поодиночке они будут уничтожены, а в некоторых случаях силой «заставляет» их вселиться в избранника. «Сбор» духов-помощников происходит, два-три года. В это время кандидат в шаманы преодолевает огромные трудности. Считается, что дороги его опасны. На каждом шагу его подстерегают враждебные силы, которые расставляют всевозможные ловушки. Избраннику с помощью уже собранных духов необходимо их преодолевать. Многие не выдерживают всех испытаний и погибают.

Дух-покровитель и духи-помощники вселяются в избранника через уши, глаза, нос и рот и весь период, пока протекает их «сбор», питаются его кровью. Как только все духи собраны, начиналось «рассекание» кандидата в шаманы. О том месте, где оно происходит, никто не должен знать. «Рассекание» производили только духи во главе с духом-помощником. Считалось, что это происходит следующим образом. Все тело избранника «раскидывалось» на куски, духи «поедали» прежнюю душу и ненужные для дальнейшей жизни части тела, переделывали и закаляли на огне кости рук, ног и головы. Они оставляли от семи до девяти пар ребер и девять позвонков. Все кости складывали в анатомическом порядке, одевали их необходимыми мышцами и «вселяли» во вновь созданное тело отделившуюся душу оми духа-покровителя. После этого тело «клали» в специально приготовленный раствор, «выдерживали» двадцать семь суток, «высушивали» и избранник становился подготовленным к шаманству*.

Считалось, что после испытательного срока кандидат в шаманы уже не был похож на своих сородичей, он отличался от них как духовной, так и телесной сущностью. Особая роль в период «рассекания» уделялась подготовке шаманского скелета, который должен был выполнять функции «щита» от враждебных духов.

Пройдя подготовительный срок, избранник возвращается к сородичам, видит во сне лиственницу мугдыкен и лося, из дерева и шкуры которых необходимо изготовить бубен и колотушку. Лось, как правило, белый или с белыми пятнами. Лиственницу выбирают по следующим приметам: она должна быть со сломанной молнией или ветром вершиной, определенного изгиба, расти у ключа, обязательно с красноватой древесиной, не тронутый гнилью. Это дерево считалось бывшим вместилищем души мугды умершего шамана, духи которого призвали избранника к шаманству. В выборе лося и лиственницы для изготовления бубна и колотушки главенствующая роль принадлежит духам, которые подсказывают, где они находятся. Увидев сон, избранник рассказывает его сородичам, указывает приметы лося и мугдыкен и их местоположение. Мужчины

* Информация по «рассеканию» кандидата в шаманы получена от Ф. С. Яковлева, К. В. Григорьева и А. Д. Урканова.

уходят в тайгу и не возвращаются, пока поиски не увенчаются успехом. Иногда поиски занимали длительное время. Избранники объясняли это тем, что якобы поискам мешают враждебные силы. В таких случаях приглашали другого шамана, который разгонял или уничтожал враждебных духов и оказывал помощь в поисках.

Отыскав описанную лиственницу, со стороны восхода солнца делали два надруба и откальвали необходимой длины дранку для изготовления обечайки для бубна и основы для колотушки. Чтобы враждебные силы не надругались над мугдыкен, рядом ставили четыре идола ментая.

Застрелив лося, его разделявали по всем традиционным эвенкийским правилам, над его костями, кровью и головой совершали специальный обряд (см. гл. I, раздел 5). Во время совершения обряда шаман одевался в шкуру убитого лося, катался, бегал и кричал, подражая лосю. Эту процедуру он продельвал для того, чтобы он сам, духи и душа убитого лося породнились, чтобы верно служили опекаемым членам рода и между ними не было разногласий.

Шкуру для бубна обрабатывали девушки. Обечайку, крестовину и колотушку избранник изготавливал сам.

Первая шаманская колотушка изготавливалась только для «хождения» в верхний мир, ручка ее оканчивалась головкой птицы. В дальнейшем при постепенном становлении шамана набор колотушек увеличивался.

После изготовления бубна и колотушки совершались один за другим два обряда их «оживления».

Первый обряд совершал сам избранник. Этот обряд заключался во введении духов в бубен и колотушку. Для этой цели убивали домашнего оленя светлой или пегой масти. Шкуру его вместе с головой и ногами ниже коленных суставов вешали около шаманской юрты, со стороны места малу, головой в направлении восхода солнца, а кровь использовали для помазывания и обрызгивания шаманских атрибутов, совершавшихся перед обрядами. Жертва предназначалась для задабривания шаманских духов.

Шаманскую юрту для обряда делали из бересты. Внутри юрты по стенкам расставляли четыре идола ментая, по центру устанавливали тагу, на место малу стелили кумалан (коврик). Перед обрядом наиболее уважаемый член рода избирался хозяином шаманской юрты. Он первым появлялся в юрте, разводил костер, окуривал дымом болотного багульника юрту и закуривал трубку, после чего в юрту входил избранник в шаманы и садился на кумалан на место малу. Хозяин юрты подавал раскуренную трубку избраннику, тот затягивался и отдавал ее обратно. В костер подкладывали багульник, и юрта затягивалась дымом. Постепенно появлялись участники обряда, рассаживаясь на местах по бокам и со стороны входа (*бе и чоңголь*).

После того как все участники обряда занимали свои места, в костер подбрасывали болотный багульник, хозяин юрты окуривал и разогревал бубен, слегка постукивая по нему колотушкой, затем передавал избраннику вместе с раскуренной трубкой. Затянувшись из трубки, избранник постукиванием колотушки опробовал бубен, брызгал на него кровью, после чего начиналось камлание.

Избранник, постукивая в бубен, песней передавал историю своего становления в качестве шамана. Вначале он рассказывал о смерти старого шамана, о своей долгой и изнурительной болезни, о том, каким образом вселились в него дух-покровитель и духи-помощники, как совершалось «рассекание» и из каких частей состоит теперь его тело. Затем он переходил к истории изготовления бубна и колотушки, рассказывал, из шкуры какого зверя и из какого дерева они изготовлены, где они находились, как изготовлялись и каким образом избранник и его духи породнились с ними.

Третья, заключительная часть обряда отводилась «переселению» духов из тела избранника в бубен и колотушку. Считалось, что до этого времени все шаманские духи находились в теле начинающего шамана. В этой части обряда избранник легкими ударами в бубен «разговаривал» с духами, прося их переселиться в бубен и колотушку. При этом призывал их жить между собой и с бубном в мире, чтобы не было между ними разногласий в служении его роду. Наконец, из слов шамана становится видно, что все духи переселились в бубен и колотушку. Он трется щеками об эти атрибуты и просит верно ему служить. Затем под бой в бубен шаман пением уговаривает духов идти на отдых в те места, откуда они к нему перешли.

Второй обряд совершался на следующий день. Его возглавлял старый опытный шаман. Посвящен он был введению в бубен и колотушку священной силы мусун, ознакомлению избранника с дорогами и проходами в шаманских мирах и представлению будущего шамана энекан буга.

К декорации вышеописанного обряда добавляли девять пар тагу и две стаи птиц, сделанных из дерева и насаженных на палки. В каждой стае присутствовали по орлу, по два лебеда, по гагаре и от двух до девяти уток-чирков. Тагу и птиц устанавливали от места малу в направлении звезды Чалбон: вначале параллельно друг другу стаи птиц, а затем тагу.

Начало обряда происходило в таком же порядке, как и в вышеописанном, только на место малу расстилали не один, а два коврика, для обоих шаманов, и у шаманов было по два помощника, которые входили в юрту для камлания вместе с шаманами.

Войдя в юрту, шаманы усаживались на коврики, помощники — по бокам. Хозяин юрты давал старому шаману раскуренную трубку, тот, затянувшись, передавал трубку молодому шаману, который в свою очередь передавал ее помощникам, а те возвращали хозяйину юрты.

Окутив юрту дымом багульника, помощники шаманов окуривают шаманскую атрибутику, надевают на старого шамана кафтан, нагрудник и шапку, «разогревают» бубны и вместе с раскуренной трубкой передают старому шаману. Старый шаман опробует бубны, затягивается из трубки дымом и трубку вместе с бубном передает начинающему шаману. Тот затягивается из трубки и легкими ударами опробует бубен. На голове у него подвязана косынка, концы которой свисают на глаза.

О начале камлания оповещало легкое постукивание по бубну. Оба шамана били колотушками в одном ритме, удары постепенно

усиливались и превращались в сплошной бой. Затем оба шамана вздрагивали, начинали трястись и издавали длинный протяжный вой, подражая реву самца лося. Он повторяется три раза. Затем оба шамана пением в один голос начинают созывать своих духов, приглася их в бубен. Шаманские колотушки бьют по всему бубну, то переходят на спокойный ритм, то взрываются и вновь успокаиваются. Молодой шаман в движениях и пении подражает старому. Но вот раздается клич, что духи собраны, и помощники поднимают шаманов (до этого они сидели).

Поднявшись, шаманы под резкие удары бубнов бросаются в пляску. Начинается пение, повествующее о том, как шаманы «летят» к энекан буга. Старый шаман показывает молодому шаманские дороги, рассказывает, где могут находиться западни враждебных духов и как они выглядят. Далее в песне рассказывается, что по дороге шаманы девять раз отдыхают около тагу, кормят своих духов и набираются сил сами. Они разыскивают энекан буга, и старый шаман представляет ей молодого, говоря, что тот будет ей верным слугой и подчинится всем ее законам и правилам. Далее старый шаман просит энекан буга, чтобы она взяла молодого шамана под защиту и вселила в него самого и в его атрибуты священную силу мусун. После уговоров энекан буга выполняет эту просьбу, и шаманы «отправляются» в обратный путь. «Прилетев» на землю, они отпускают своих духов, делают омовения, помощники раздевают старого шамана. С этого момента избранник становится полноправным шаманом. Завершался обряд чаепитием и поеданием мяса жертвенного оленя.

С ростом шаманского мастерства и появлением авторитета среди сородичей молодой шаман постепенно обзаводится пятью-шестью колотушками, нагрудником и в последнюю очередь кафтаном, вначале с ровдужной папкой, а затем и с металлической короной, увенчанной рогами. Этот процесс длится от 6 до 12 лет, в зависимости от способностей шамана.

Появление каждого нового шаманского атрибута или его детали сопровождалось кровавой жертвой (для помазывания кровью) и обрядом вселения священной силы мусун. Эти обряды молодой шаман проводит в одиночку. Материал для изготовления атрибутов шаману «подсказывали» духи во сне. После этого совершался обряд, во время которого шаман пением рассказывал сородичам о том, где можно найти и какими приметам обладают необходимые ему животное или лиственница. Добыв животное, разделявали его, непременно соблюдая все правила. С костями, кровью, головой и шкурой совершался обряд. Вокруг лиственницы мугдыкен, от которой взят материал для шаманских атрибутов, ставили четыре идола мента и на соседних деревьях делали затесы. Во время камлания шаман указывал, какие атрибуты ему нужны, как их изготовить и кто их будет делать. Обрабатывали ровдугу и шили костюм только девушки. Металлические подвески к шаманскому костюму и другие атрибуты делали мужчины-сородичи, иногда сами шаманы. С сородичей, участвующих в изготовлении шаманских атрибутов, во время обряда освящения этих атрибутов обязательно снимался «грех», дабы предотвратить преследование их шаманскими духами.

После приобретения шаманом полного набора атрибутов совершался второй обряд его ученичества. С этой целью вновь приглашали опытного шамана, который являлся в данном случае экзаменатором, а ведущую роль в обряде играл молодой шаман. От успешного проведения этого обряда полностью зависел авторитет молодого шамана перед сородичами. По рассказам информаторов, обряд мог продолжаться по несколько суток, с одним перерывом, во время которого шаманы отдыхали и меняли декорацию.

Обряд совершался только весной, когда начинался массовый прилет перелетных птиц. Он состоял из двух камланий, во время которых шаманы «ходили» в верхний и нижний миры.

Для проведения обряда в тайге выбирали удобное место. Ставили шаманскую юрту. Внутри юрты на место малу стелили для шаманов два коврика, по центру ставили тагу, а по бокам — четыре идола ментая. Для камлания в верхний мир за юртой, от места малу в направлении на звезду Чалбон располагали изготовленные из дерева две стаи птиц и по 27 пар тагу для каждого шамана. Для камлания в нижний мир декорацию располагали от места малу в направлении захода солнца. Она состояла из двух деревянных плотов и 27 пар тагу. Внутри юрты в отличие от обряда камлания, обращенного в верхний мир, подвешивали два идола мугдыгра, являющихся вместилищами духов-покровителей шаманов в нижнем мире.

В этом обряде молодой шаман показывал свое мастерство. При «хождении» в верхний мир он «достигал» наиболее дальней его точки — звезды Чалбон, а в нижнем мире «доходил» до земли буни. Все, что он видел во время «полета» в верхний и нижний миры, молодой шаман передавал цением, которому вторили его сородичи. После успешного окончания этого обряда молодой шаман переходил в ранг сильных шаманов и после смерти старшего шамана занимал его место *.

3. ОБРЯДЫ И КАМЛАНИЯ

Отношение эвенков-орочонов к природе и окружающему миру нашло свое отражение во множестве запретов, поверий и обрядов, пронизывающих буквально все стороны хозяйственной жизни. Многие из них уходят своими истоками в древнейший дошаманский период. Таковы обряды, относящиеся к культу природы и промысловому культу, связанные с рождением ребенка, погребением умерших, лечением больных (в гл. I были рассмотрены некоторые из них). Они являются древнейшей основой религиозных верований эвенков. До последнего времени шаманы в них не участвовали, а если и участвовали, то главенствующей роли не играли. Шаманы создали свои

* Информация по разделу о становлении шаманов получена от Е. Н. Яковлевой, Ф. С. Яковлева, К. В. Григорьева, Н. И. Антонова, Г. Я. Сологон, Ф. Г. Боярковской, А. Д. Урканова, Ф. Н. Ненсердинова, А. П. Николаева, Т. Я. Илюткиной, К. Г. Ростоловой, И. Н. Иванова и др.

обряды и камлания, внеся в них сравнительно новые элементы, которые сосуществовали с древнейшими.

Основной задачей шаманов была забота о душах сородичей и их благополучии. Это предопределяло содержание всех шаманских обрядов и камланий. Их можно разделить на три группы. Первая группа связана с заботой о душах сородичей: это обряды, отражающие поиски и водворение на место «ушедшей» или «уведенной» души, «добывание» детских душ и проводы души покойного в мир мертвых. Вторая — забота о материальном благополучии рода. К этому циклу относились обряды сэвэкан и *синкелаун* (см. ниже). К ним можно добавить и такие мелкие обряды, как добывание священной силы мусун для охотничьих амулетов, всевозможные предсказания и гадания, которые совершались по просьбам сородичей. Их часто присоединяли к большим обрядам, они могли совершаться без шаманского облечения. Третья — обряды, связанные со становлением шаманов, шаманскими духами и изготовлением шаманской атрибутики. Эти обряды исполнялись шаманами для своего благополучия. К ним относятся камлания для добычи материалов при изготовлении шаманских атрибутов, признание шамана родом, введение силы мусун в шаманские атрибуты, «общение» с духами-помощниками и их «кормление».

Общими деталями во всех шаманских обрядах и камланиях у эвенков-орочонов были «очищение» шаманских атрибутов, надевание их на шамана, «разогревание» бубна, «кормление» и «сбор» духов, «отправление» духов в места их обитания.

До начала всех шаманских обрядов и камланий обязательно избирался хозяин шаманской юрты. Под его руководством устанавливались декорации обряда. Перед камланием он первым входил в шаманскую юрту, разводил костер, окуривал дымом болотного багульника или лишайника юрту, раскуривал трубку, встречал и рассаживал шамана, его помощников и участников обряда. Шамана усаживал на коврик кумалан на место малу, помощников обряда — на местах по бокам и со стороны входа в юрте. Шаман с помощниками в юрту входили первыми, а затем появлялись и участники обряда.

У эвенков-орочонов при всех обрядах и камланиях присутствовали по два помощника шамана. В их функции входило разогревать на костре бубен, очищать и раздевать шамана до и после камлания, поддерживать его, чтобы он не упал (часто бывали случаи, когда шаман входил во время камлания в экстаз, не мог удержаться на ногах и падал). Перед началом обряда доставали шаманские атрибуты из специально изготовленных шкатулок и мешков, а после обряда укладывали их. Во время обряда шаманские помощники помогали шаману советами и успокаивали его, когда он входил в экстаз. Шаманским помощником мог быть любой член рода независимо от возраста. Зачастую это были молодые шаманы или люди, хорошо знающие все обряды и камлания и готовящие себя в шаманы.

Участники обряда во время камлания помогали шаману вести обряд пением. Вначале шаман пел небольшой отрывок песни в оди-

ночку, затем повторял со всеми участниками обряда. После окончания обряда любой участник мог «сопровождать» шаманских духов в места их обитания. Для этой цели надевали шаманские атрибуты, подражая шаману, танцевали и били в бубен.

«Очищение» шаманских атрибутов производилось перед обрядом помощниками шамана. Для этой цели в костер подбрасывали багульник или лишайник и над дымом трясли шаманские атрибуты. Окурив атрибуты, помощники начинали одевать шамана. Во время одевания шаман сидел на коврике. Вначале надевали кафтан, затем нагрудник и головной убор.

Бубен «разогревали» на костре путем плавного перемещения над огнем и легкого постукивания колотушкой. Разогретый бубен хозяин юрты вместе с раскуренной трубкой передавал шаману. Шаман затягивался трубкой. Это означало, что шаман запасается «кормом» для духа-покровителя и духов-помощников, который будет давать им на шаманских остановках тагу во время камлания. Предполагалось, что шаманские духи вселяются в шамана и будут питаться дымом.

«Сбор» основных духов-помощников шаман производил сидя на коврике в начале обряда, но после того, как его оденут, передадут бубен и он запасется «кормом» для духов.

Церемонию «сбора» шаманских духов автор наблюдал у нюкжинских и тындинских эвенков во время обряда синкелаун. Обряд совершал К. В. Григорьев из рода Каптугар. Вначале он легким постукиванием колотушки по бубну создавал мелодичные удары, которые постепенно усиливались, ритм их ускорялся и перешел в сплошной бой. В это время К. В. Григорьев вздрагивает, трясется и издает длинный протяжный вой, подражая реву самца лося во время гона. Подвески на его костюме оглушительно звенят. Постепенно ритм бубна ослабевает, и вновь повторяется прежняя церемония. Затем ритм бубна становится более спокойным и начинается пение.

Содержание песни такое. Вначале К. В. Григорьев обращается к присутствующим и говорит им, что он начнет со старых предков, которые жили несколько сотен лет назад и постоянно помогали своим сородичам и делали для них добро. Пением он призывает этих предков. В песне рассказывается, что он видит их и они помогут в исполнении просьб сородичей. Затем он уговаривает предков, что все будет хорошо, оповещает участников обряда, что часть их собралась. Он призывает новых. Возгласом «ох-хо-хо» дает знать присутствующим, что духи собрались. К. В. Григорьев пением «собирает» всех духов в бубен и уговаривает духов и ментая хорошо охранять его во время «путешествия». В этот момент помощники поднимают его с коврика и начинается обряд. Если возникает необходимость «пригласить» дополнительных духов-помощников, их собирают и во время камлания. «Собирая» духов, К. В. Григорьев называет их по именам и описывает, где они обитают.

«Распускают» духов по окончании обряда. В это время К. В. Григорьев постепенно успокаивается и под мелодичный ритм бубна пением уговаривает духов покинуть его и уйти на свои места,

после помощники помогают ему сесть на коврик и подают кружку с водой или кровью. В это время глаза у исполнителя обряда мутные, он как бы находится в потустороннем мире, не замечая присутствия сородичей. Но вот он окунает мизинец правой руки в воду, трижды протирает им правый глаз, а затем левый. Глаза мгновенно светлеют, и он с облегчением вздыхает. Этим К. В. Григорьев дает знать участникам обряда, что духи его покинули.

Общим для всех обрядов и камланий являлось наличие в шаманской юрте четырех идолов ментая, охраняющих участников обряда от враждебных духов.

Наиболее часто проводились шаманские обряды, связанные с заболеванием человека. Эти камлания у забайкальских конных и оленных эвенков отмечены С. М. Широкогоровым, а у енисейских — Г. М. Василевич¹¹.

У эвенков-орочонов в связи со своеобразными представлениями о мирах и душе, сложившимися в результате исторического развития, обряды, связанные с лечением человека, во многих действиях отличались от описанных указанными исследователями. Как уже упоминалось, по их воззрениям, болезнь наступала при покидании душой человеческого тела или вселении в его тело враждебных духов, которые постепенно «поедают» душу больного человека. Шаманские обряды лечения человека были разнообразны и зависели от заболевания.

Причину болезни духи подсказывали шаману только во сне. Поэтому шаман жил у больного до первого сна, указывающего, отчего он заболел.

Считалось, что душу больного человека могла похитить душа мугды умершего сородича. Это происходило в тех случаях, когда шаман долго не сопровождал мугды в мир буни или при похоронах не был полностью соблюден ритуал, в результате чего мугды начала мстить сородичам. В этом случае срочно совершали обряд проводов души мугды в мир буни и водворения души хэян больного на место.

Оборудованием шаманской юрты и изготовлением декорации при таком обряде занимались мужчины под руководством шамана. Ставили шаманскую юрту. Внутри юрты устанавливали четыре ментая, на место малу стелили кумалан, от него ближе к центру располагали небольшой плотик со стоящим на нем вместилищем души мугды мугдыгра. По центру юрты ставили тагу. От места малу в направлении захода солнца располагали стаю птиц, изготовленных из дерева, и 27 тагу. Стая состояла из орла, двух лебедей, гагары и девяти чирков. Камлание начиналось во время заката солнца. Вначале шаман со своими духами-помощниками «разыскивает» мугды. Находит он ее по поведению умершего сородича (подробнее см. раздел 4 гл. I). Шаман извиняется перед душой мугды от имени сородичей и от себя, говорит ей, что она уже наказала и пусть простит, а за это ее отблагодарят. Если мугды сопротивляется и не отдает душу больного, то шаман пугает ее тем, что не проводит ее в землю буни и она останется в вечном рабстве у харги. Если и это не

помогает, то шаман возвращается назад, ритуальным способом, ударом заостренной палки в затылок или сердце, закалывает домашнего оленя черной масти. Его кровью опрыскивают все шаманские атрибуты, мясо поедают участники обряда, а шкуру с головой, внутренностями и нижней частью ног ставят за юртой на место малу головой в направлении захода солнца. Это считалось жертвоприношением шаманским духам-помощникам и душе мугды.

На следующий день церемония начиналась вновь, и в конце концов душа мугды «сдавалась» и возвращала душу хэян. Шаман «глотал» душу больного человека и начинал сопровождать мугды в мир буни. Пением шаман воплощал мугды в стоящее на плоту душевместилище мугдыгра и, имитируя толкание шестом, «перевозил» ее через реку тунето в мир буни. После чего он брал мугдыгра с плота, уходил в чашу и укладывал его головой в направлении захода солнца. Вернувшись в юрту, шаман подходил к больному, заставлял открыть рот и «водворял» (путем плевка) душу на место. На этом обряд заканчивался и считалось, что выкраденная душа водворена на место.

По представлениям эвенков, душу больного человека могли похитить и духи-помощники враждебного шамана. В этом случае обряд розыска души больного и водворения ее на место сопровождался кровавыми жертвами. Декорация шаманской юрты в этом обряде отличалась от декорации вышеописанного обряда только тем, что душевместилище мугдыгра подвешивалось на жердях над местом малу и плот отсутствовал. С внешней стороны юрты устанавливали пять-шесть идолов мугдыгра, чичипкан и вешали шкуру с головой, внутренностями и нижними частями ног жертвенного оленя черной масти. Все это располагалось в направлении заката солнца.

В этом камлании шаман созывал духа-покровителя и духов-помощников, находящихся в нижнем мире. В мугдыгра, подвешенного в юрте, он вселял духа-покровителя, а в мугдыгра, расположенные над юртой, — души мугды духов-покровителей. Собрав необходимых духов, шаман пением объяснял, что случилось, и вместе с духами «летел» разыскивать душу хэян больного. Отыскав ее, шаман путем задабривания, обмана или при помощи физической силы «забирал» у духов враждебных шаманов душу больного человека и «глотал» ее.

Если обряд совершался неудачно и духи враждебного шамана не возвращали душу больного, то делали дополнительные кровавые жертвоприношения и обряд продолжали вновь.

«Заполучив» душу больного, шаман путем плевка «водворял» ее на место. Затем, взяв больного за руку, он проходил через чичипкан, чтобы враждебные духи не могли вновь войти в больного и похитить душу. После этого идолу чичипкан связывали «ноги» и вместе со всеми душевместилищами мугдыгра уносили в чашу и укладывали головами в направлении заката солнца.

При массовых заболеваниях и эпидемиях считали, что в людей вселились враждебные духи. Для изгнания враждебных духов приглашали шамана, под его руководством ставили юрту. В юрте рас-

полагали четыре идола ментая и тагу. За юртой располагали метровое изображение мугдыгра, чичипкан и несколько шкур жертвенных оленей черной масти. Декорацию располагали в направлении от места малу на закат солнца.

В этом камлании шаман путем уговоров и задабриваний просил враждебных духов покинуть больных и переселиться в мугдыгра. При этом бросал кусочки жира в костер и, занеся мугдыгра в юрту, помазывал кровью. Он говорил враждебным духам, что в мугдыгра им будет жить хорошо, что он их будет сытно кормить и поить. Наконец, по словам шамана, враждебные духи «соглашаются» переселиться в мугдыгра. В это время больные поочередно подходят к мугдыгра и плюют ему в «рот» по три раза. Затем все больные и шаман, несущий на руках мугдыгра, по три раза проходили через чичипкан. Шаман, проходя на третий раз, как бы нечаянно оставляет мугдыгра сзади. Пройдя сам через чичипкан, он резко зажимает между его «ног» мугдыгра и связывает его веревками. В это время все присутствующие валят чичипкан со связанным мугдыгра и поочередно бьют его идолом ментая, приговаривая, чтобы больше враждебные духи не попадались. Церемония заканчивается сжиганием чичипкан с мугдыгра на костре. При этом считалось, что враждебные духи покинули больных и сожжены на костре.

Обряд «очищения» больного от духов дурного глаза совершался в упрощенном виде. Во многих случаях его проводили сами больные, без участия шамана. Для этой цели разжигали костер, изготавливали из травы чучело, напоминающее человека, и ставили чичипкан. Путем уговоров и задабриваний заставляли духов дурного глаза переселиться в травяное чучело. При прохождении через чичипкан чучело зажимали и затем сжигали.

Шаманский обряд «выкрадывания» шаманской души человека, призываемого духами предков к шаманству, но не желающего быть шаманом, описан в разделе 1 гл. I.

При болезни детей звенки считали, что их души покидают тело и возвращаются в родовое душехранилище омирук на звезду Чалбон, чтобы воплотиться во вновь родившемся ребенке. Если в семье один за другим умирали дети, при болезни родившегося последним ребенка приглашали шамана для «поимки» души и «водворения» ее на место. Для камлания ставили юрту, располагали в ней четыре идола ментая, тагу и над местом малу вешали изображения двух птичек — чипиче-чиче. За юртой в направлении от места малу на звезду Чалбон устанавливали изображения стаи птиц, сделанных из дерева, и 27 тагу. Стая птиц состояла из одного орла, двух лебедей, одной гагары, девяти чирков и двух кукушек.

Во время камлания шаман пением рассказывает, как летит на звезду Чалбон, разыскивает покинувшую тело ребенка душу оми, ловит ее и водворяет на место. Для того чтобы душа больше не покинула тело ребенка, в одежду на грудь ребенка вшивают висевшие в юрте при камлании две птички чипиче-чиче — охранников детской души.

Шаманский обряд «добывания» детских душ производился в тех случаях, когда в семье не рождались дети. Декорация обряда полностью соответствовала декорации обряда «ловли» детской души, покинувшей тело ребенка, только вместо двух птичек чипиче-чиче над местом малу подвешивалась маленькая люлька с изображением ребенка, изготовленным из травы.

В камлании пением шаман описывал свой поход в мир душ на звезду Чалбон. Он разыскивал родовой омирук, брал одну из душ и возвращался на землю. В этот момент участники обряда имитировали плач ребенка и шаман в утробу матери «помещал» принесенную душу.

Обряд проводов души покойного в мир мертвых совершался через один-полтора года после смерти человека, без просьбы его родных. Иногда шаман ждал смерти нескольких человек и отправлял их души в мир бунн все сразу. Обряд совершался в юрте. По бокам юрты втыкали чегыре идола ментай, в центре устанавливали тагу, на месте малу, ближе к центру, располагали небольшой плотик или ладью и на них ставили столько душевместилищ мугдыгра, сколько душ мугды шаман сопровождал в мир бунн. За юртой от места малу по направлению на закат солнца устанавливали стаю птиц из дерева и 27 тагу. В своем камлании шаман пением рассказывал о своем «полете» в нижний мир. Там он разыскивал необходимые ему души мугды, вселял в мугдыгра, «кормил» табачным дымом и кусочками сала (табачным дымом окуривал мугдыгра, а кусочки сала подносил ко рту мугдыгра и съедал сам). Со словами «Не возвращайтесь больше» он имитировал толкание шестом. Считалось, что он «перевозил» мугдыгра через реку тунето в мир бунн. Сам же в это время брал мугдыгра и уносил в чашу, укладывая головой в направлении заката солнца. У удских эвенков мугдыгра подвешивали на дерево или просто выбрасывали, а у енисейских эвенков, по сообщению Г. М. Василевич, мугдыгра не изготовлялся, душу мугды сопровождали по вызову шамана духи-помощники¹².

Обряд *сэвэкан* проводился в конце апреля — начале мая (*эныкалэ бега, энкеал бега, энеэжэн бега*), в месяц отела оленей. Знаменовался он первым появлением травы и хвои лиственницы и отмечался народной приметой — первым кукованием кукушки. Этим обрядом у эвенков-орочонов начинался Новый год.

В более раннее время обряд *сэвэкан* являлся общеродовым праздником, но к началу XX в., с разложением первобытно-общинного строя и выделением родовой знати, превратился в чисто семейный праздник. Присутствие всего рода на нем было уже необязательным. Он проводился, как правило, несколькими состоящими в родстве семьями во главе с шаманом.

Обряд *сэвэкан* являлся многодневной церемонией и был направлен на получение священной силы мусун от *энекан буга* и ее помощника *сэвэки*.

В проведении обряда *сэвэкан* у верхнеамурских эвенков не существовало устоявшихся традиций ни в декорации, ни в ведении самих камланий. Каждый шаман проводил его по своему усмотрению.

пию, как ему «подсказывали» духи предков. Неизменной оставалась только направленность обряда. Об интересной церемонии обряда рассказала автору М. Боярковская. Обряд совершали нюкжинские эвенки. Состоял он из четырех камланий. При первом камлании декорация обряда была обычной для шаманского «полета» в верхний мир. Камлание совершалось в юрте. По бокам юрты втыкали четыре идола ментая, по центру располагали тагу. За юртой от места малу в направлении на звезду Чалбон устанавливали стаю птиц, изготовленных из дерева, и девять тагу. Стая птиц состояла из орла, двух лебедей, гагары, девяти чирков и девяти куликов.

В камлании шаман пением описывал свой «поход» в верхний мир, встречу с духами-помощниками, просил их разведать дорогу к энекан буга и разузнать, что необходимо для проведения обряда сэвэкан. Духи-помощники исполняют просьбу шамана, и он отпускает их на отдых.

На следующий день совершалось второе камлание. В нем шаман описывал, что необходимо изготовить для проведения обряда, из какого материала, где он находится и кто из сородичей будет этим заниматься. После второго камлания мужчины под руководством шамана изготавливали и дополняли декорацию обряда. В юрте над местом малу подвешивали идола сэвэкичан, чуть выше — изготовленные из бересты изображения солнца, звезды Чалбон и месяца. По бокам юрты развешивались группами по девять изображения берестяных оленей всех возрастов, но не менее 36 штук. Юрту изнутри и снаружи разукрашивали разноцветными лентами и матерчатыми лоскутами.

За юртой от места малу в направлении на звезду Чалбон ставили два шаманских столбика сэргэ, на них вешали наму и внизу расположили небольшой столик с двумя чашечками, наполненными кровью. Все огородили четырьмя идолами ментая.

Чуть подальше поставили небольшой четырехугольный загон для оленей (курекэн). В противоположных его углах воткнули два сэргэ и привязали к ним двух оленей белой масти. К имеющимся изображениям стаи птиц добавили одну кукушку и двух голубей. Тагу оставили в прежнем количестве. Вокруг шаманской юрты и декорации установили «заросли» — палки, ветки и т. д., имитирующие тайгу, и в них расставили изображения всевозможных диких животных разных возрастов. Подготовив полностью декорацию обряда, шаман начинал третье, основное камлание. Оно заключалось в «хождении» к энекан буга за священной силой мусун и за душами оленей и диких животных.

Начиналось камлание в сумерки. После «сбора» духов-помощников шаман выходил из юрты, входил в курекэн к оленям, окуривал их, просил хорошего приплода диких животных и домашних оленей. Затем трижды обходил декорацию обряда и удалялся с пением в направлении на восход солнца. В песне шаман рассказывал, как он идет к энекан буга, какие трудности встречаются на его пути. Вот он, наконец, достигает местонахождения хозяйки вселенной, просит у нее священную силу и души домашних оленей и диких

животных. Энекан буга из своего мешочка чемпули достает души домашних оленей и диких животных в виде шерстинок и сыплет шаману на бубен, при этом вселяя в него священную силу. Шаман тщательно собирает шерстинки и возвращается к сородичам. Придя на землю, он распускает души диких животных и оставляет только души домашних оленей. Подходя к сородичам, шаман показывает своими движениями, будто он удерживает оленей. Он издает звуковые сигналы, чтобы олени не разбежались, временами изображает ловлю наиболее строптивых оленей арканом. В это время участники обряда оказывают ему помощь. Выйдя из юрты, мужчины своими движениями показывают, что они помогают шаману сдерживать оленей, бросая на них арканы. Женщины в это время открывают ритуальный курекан, бренчат мешочками, которыми подманивают оленей (*тукарук*). Наконец, олени «загнаны». Шаман с пением заходит в юрту, помощники ставят его на коврик, шаман трясется, подражая оленю, и из его костюма сыплется шерстинки — олени души. Сородичи собирают их и зашивают в специально приготовленный мешочек омирук.

Четвертое камлание было направлено на передачу шаманом священной силы. Камлание начиналось в юрте, после созыва духов-помощников. Шаман пением просил энекан буга, чтобы она была добра к его сородичам и чтобы часть данной ею священной силы мусун перешла в окружающую природу и оживила ее для размножения диких животных, получения здорового и многочисленного поголовья домашних оленей, здоровья членов рода. Под пение и мелодичный бой в бубен шаман притрагивался колотушкой к участникам обряда, к подвешенным идолам сэвэкичан и изображениям оленей. Затем выходил из юрты, трижды обходил декорацию обряда, входил к оленям в курекан, окуривал их и просил хорошего приплода. Став на колени, гладил их колотушкой и пением передавал, что с этого момента они призваны к охране и размножению оленьего поголовья. Выйдя из загона, шаман трогал колотушкой наму, расположенные вокруг изображения зарослей и животных. Вновь обойдя декорацию обряда, три раза заходил в юрту, распускал духов и делал омовение. На этом обряд заканчивался.

Эвенки считали, что после обряда посвящаемые олени сэвэк, наму, сэвэкичан становились священными и выполняли функции защитников рода. Введенная же в изготовленные «заросли» и изображения животных священная сила мусун оживляла природу и способствовала размножению диких животных.

К. В. Григорьев из рода Каптугар в отношении описанной декорации обряда сделал замечания, что в их роде при шаманских обрядах декорацию изготавливали не из бересты, а только из лиственницы.

Н. А. Антонов из рода Чакагир рассказывал, что у них в роду курекан не делали, а просто из дерева вырезали скульптурки двух оленей (самца и самки) и устанавливали на небольшой столик на место малу в палатке, здесь же на сэргэ вешали и наму.

Весной 1969 г. во время путешествия в верховьях р. Куранах

(левый приток р. Олекмы) И. Габышев из пос. Усть-Нюкжа показал автору старое месторасположение обряда сэвэкан эвенков-орочонов. Декорация обряда сохранилась явно не полностью, но в ней присутствовали интересные детали, которые раньше не встречались.

Остался остов юрты, у входа стояло стилизованное изображение мамонта, вырезанное из дерева (см. рис. 13). Оно несло функции охранителя участников обряда от враждебных духов. От места малу в направлении на звезду Чалбон стоял девятиугольный загон курекан, за ним стая птиц, изготовленных из дерева и насаженных на колья, и 18 тагу. Стая птиц состояла из 27 особей, по три каждого вида: лебеди (см. рис. 35), гуси и вороны (см. рис. 33) были изображены летящими, орлы (см. рис. 34), гагары (см. рис. 38), дикуши, дятлы (см. рис. 36) и кукушки (см. рис. 37) — в сидячем положении. Никто из информаторов уточнить более детально декорацию обряда и направленность декорации не смог. Обычно у эвенков-орочонов и эвенков сопредельных территорий птицы в шаманских обрядах изготавливались в летящем положении.

При проезде по р. Олекме в 1916 г. М. И. Губельманом были встречены остатки декорации неизвестного обряда. Имеющиеся две птицы в декорации также были изображены в сидячем положении¹³.

С обрядом сэвэкан, возможно, связано появление какой-то части наскальных рисунков. По утверждениям К. В. Григорьева, И. Н. Иванова, Н. И. Антонова и других эвенков, в более раннее время, вплоть до XVII в., роль наму исполняли наскальные рисунки, которые наносились во время проведения обряда сэвэкан. Это в какой-то мере подтверждается и тематикой наскальных рисунков, расположенных на территории таежной зоны Верхнего Приамурья. Основным их сюжетом является изображение оленя.

Проведение эвенкийского обряда синкелаун — добычи охотничьей удачи — падало на октябрь (*сэгэлегер бега*), месяц начала охоты. Состоял обряд из четырех циклов: изготовление из прутьев изображений парнокопытных животных — *бэюн*; «хождение» шамана к энекан буга с просьбой послать зверя и охотничью удачу синкен; очищение охотников — прохождение через чичипкан; магическая охота и разделывание изображений парнокопытного зверя из прутьев. Это был родовой праздник.

В 1980 г. для музея под открытым небом ИИФиФ СО АН СССР автор заказал эвенкам пос. Первомайского Амурской области декорацию обряда синкелаун. Ее изготовили К. В. Григорьев, И. Н. Иванов, А. Н. Иванова и Ф. Г. Боярковская. Во время подготовки декорации обряда удалось договориться, что эвенки пос. Первомайского для киносъемки полностью продемонстрируют обряд синкелаун в том виде, в каком он проводился в конце XIX — начале XX в. В имитации обряда участвовали в основном пожилые люди, которые неоднократно видели и сами принимали участие в подобных обрядах. Роль шамана исполнял К. В. Григорьев.

Обычно в первой половине октября эвенки во главе с шаманом собирались в заранее облюбованном месте, ставили лагерь и невда-

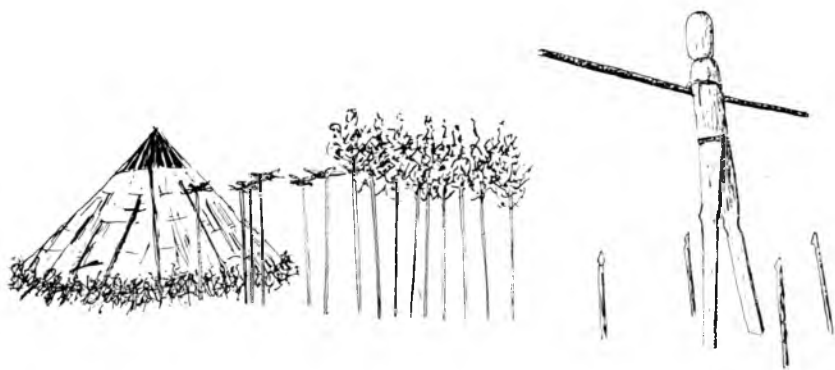

Рис. 44. Общий вид декорации обряда *синкелаун*.

леке оборудовали шаманскую юрту. Внутри юрты по стенкам расставляли четыре ментая, по центру устанавливали тагу. За юртой от места малу в направлении на звезду Чалбон располагали изображения из дерева стаи летящих птиц, от 9 до 27 тагу и чичипкан. Вокруг чичипкан дополнительно ставили четыре ментая (табл. 54; рис. 21, 44, 45).

Изображения птиц, как правило, делали из мягких пород дерева. Принадлежали они к перелетным видам. «Строй» птиц возглавлял орел, за ним ставились изображения двух лебедей, за ними —

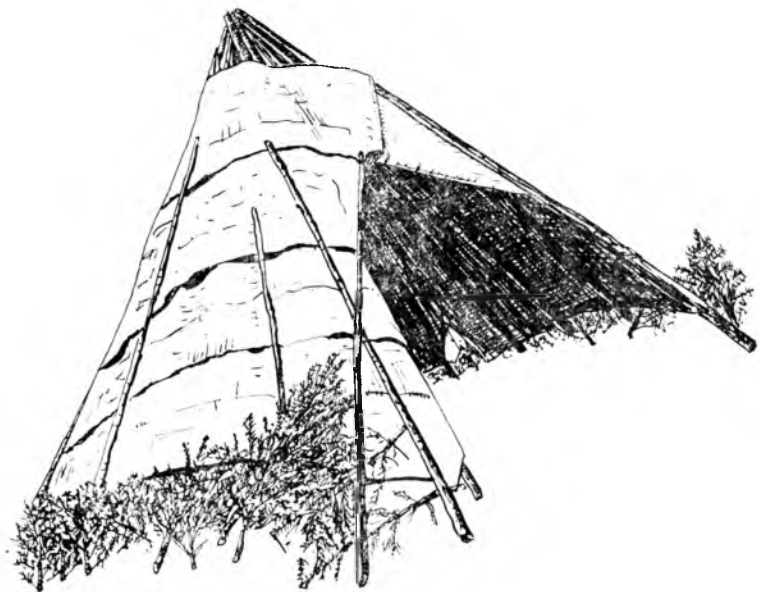

Рис. 45. Общий вид шаманской юрты при обряде *синкелаун*.

гагара, и завершали стаю утки-чирки. Количество их не ограничилось, они могли изготавливаться по одному, по два или девятками до 27 штук, в зависимости от того, насколько труден был «путь» шаманской души.

Подготовив декорации обряда, охотники, участвовавшие в наступающем сезоне в охотничьем промысле, расходились по тайге и заготавливали прутья тех деревьев и кустарников, которыми кормятся парнокопытные животные. Сделав из прутьев изображения этих животных, участники обряда подбирали место, где было много корма для зверя, расставляли чучела животных в тайге и возвращались в лагерь.

Камлание начиналось через три дня после того, как были изготовлены и спрятаны изображения из прутьев бэюнкан. Все эти три дня участники обряда находились в лагере, собирались группами, делились охотничьими воспоминаниями, рассказывали о местах возможного сосредоточения зверя, обучали молодых охотников и т. д. По истечении трех суток во время заката солнца в шаманской юрте начиналось камлание.

После того как шаман «собрал» своих духов, помощники помогают ему встать. Шаман пускается в пляс — раздаются спокойные удары в бубен и звонкий шум подвесок, он поет о том, что собирается «лететь». Один из помощников кричит шаману: «Спокойней, спокойней», чтобы тот сильно не играл и уходил тихо. Песня успокаивает шамана. Он рассказывает, что попутно набрал еще духов-помощников, вот он идет и идет дальше, просит, чтобы духи-помощники без всяких колебаний шли за ним. Под духами-помощниками подразумеваются птицы, изготовленные для обряда. Их возглавляет орел, он является вожаком и защитником всех птиц стаи и шаманской души, которую сопровождает в верхний мир.

По представлениям эвенков, во время обряда чирки, летящие сзади, являются непосредственными сторожами стаи птиц и шаманской души. Во время полета они первыми обнаруживают опасность враждебных шаманов и злых духов — предупреждают гагару, гагара — лебедя, лебеди — орла. Орел начинает кружиться вокруг летящей стаи с шаманской душой и никого не подпускает. Если же «бой» неизбежен, то орел вступает в него, а все остальные птицы разлетаются в разные стороны, превращаясь в других, более мелких птиц или насекомых, и быстро возвращаются домой. С этого момента «бой» шаманских духов продолжается на земле. Духи перевоплощаются в образы тигров, медведей, лосей, изюбрей и т. д. После победы над противником обряд повторяется вновь. В противоположном случае враждующие духи «поедают» шаманскую душу и роду грозит опасность вымирания.

Если же путешествие птиц с шаманской душой проходит спокойно или орел без всякого труда отгоняет враждебных духов, то путь шаманской души продолжается до самого конца, с небольшими передышками около тагу. Во время отдыха шаманская душа и духи питаются, набирают сил и «летят» дальше.

Вот в своем пении шаман оповещает, что он достиг конечной цели и предстает перед энекан буга. Объясняет ей, что он пришел из

Рис. 46. Полет шамана к энекан буга за душами животных и возвращение с табуном душ животных. Рисунок К. В. Григорьева.

бедных мест и просит выделить охотникам рода Каптугар (в данном случае камлал представитель этого рода) зверя, и она бросает ему на бубен шерсть — души всех зверей. Шаман ее собирает. В это время песнь шамана мелодичная, умоляющая, движения спокойные, удары в бубен тихие, протяжные.

«Набрав» душ разных зверей, шаман поет о том, что он с табуном животных быстро возвращается назад, присматривая, чтобы часть из них не выкрали враждебные духи. В это время шаман приходит в возбуждение, пляска его ускоряется. Один из его помощников своими выкриками приостанавливает шамана, говорит, чтобы тот не торопился и спокойно возвращался назад. Шаман успокаивается и начинает «уговаривать» свой костюм, нагрудник, шапку, бубен и колотушку, чтобы не было вражды между ними и он смог вернуться на землю. Пение шамана и бой в бубен в это время ритмичные и спокойные. Вот один из помощников кричит, что «видит» летящую душу шамана с большим табуном зверя, что скоро он вернется (рис. 46). Шаман перестает петь, начинает плясать быстрее, удары в бубен учащаются, раздается оглушительный звон подвесок. Наконец, шаман «прилетал», выпускал для охотников зверя и своим пением уговаривал духов-помощников идти на отдых. Его песнь и бой в бубен постепенно затихают, шаман подбрасывает вверх колотушку, она падает изогнутой стороной наружу. Это предзнаменование удачной охоты. Раздаются возгласы одобрения.

Трясущийся и изнемогающий шаман садится на коврик. Помощники снимают с него шапку и дают воды. Шаман мизинцем правой руки прикасается к воде, протирает губы, лицо и глаза. Затем его раздевают.

После камлания помощники шамана поочередно надевали шаманские атрибуты и с пляской под удары в бубен «сопровождали» шаманских духов в места их обитания. Это могли сделать все участники обряда.

На утро следующего дня, после восхода солнца, начинается третья часть обряда — очищение охотников путем прохождения через чичипкан. Начиная камлание, шаман в своем пении обращался к духам-помощникам и к чичипкан с просьбой, чтобы они оградил сородичей от враждебных духов и зловредного глаза. Выйдя из юрты, все участники обряда, под шаманское пение и подталкивание бубном, трижды проходят между «ног» чичипкан, подбрасывая туда болотный багульник. В это время в своем пении шаман обращается к духам-помощникам и ментая, чтобы те «очистили» всех охотников от враждебных духов и плохого глаза, чтобы охота для каждого была удачной.

Закончив церемонию очищения, участники обряда возвращаются в юрту. Вновь повторяются омовение шамана и проводы шаманских духов. В этот же день имитируется и магическая охота на изображения парнокопытных зверей из прутиков — бэюнкан.

Окончив церемонию очищения, участники обряда расходятся по тайге, отыскивают заранее расставленные чучела, берут лук со стрелами и имитируют магическую охоту. Они прибегают ко всем охотничьим приемам, показывая, как они осторожно подкрадываются к зверю. Подкравшись к макету животного, стреляют наверняка и только в самца. Если животное не падало, его переворачивали. «Убитое» чучело животного из прутиков разделявали по всем традиционным приемам. Затем делали небольшой открытый лабаз и складывали на него разделанную «тушу», присыпая сверху снегом.

Обряд заканчивался песнями и плясками при участии всех членов рода.

По материалам А. Ф. Анисимова и Г. М. Василевич, близкие по значению обряды встречаются у большинства эвенкийских родов. А. Ф. Анисимовым у сымских эвенков записан обряд под названием «шэнкэлэвун»¹⁴. Г. М. Василевич отмечает, что к западу от Енисея эти обряды совершались на весеннем празднике оживления природы, к востоку — большей частью осенью, перед началом промысла. Во всех случаях центральным моментом обрядов являлись танцы, имитирующие погоню за лосем или оленем и его убиение.

Существенные моменты этих обрядов, совершаемых с целью достижения удачи на охоте и увеличения стада: 1) уход шамана в верхний мир; 2) возвращение его оттуда в образе оленя; 3) сцена ловли оленя-шамана арканом; 4) стряхивание шаманом с себя, подобно оленю, шерстинок, которые должны превратиться в реальных животных¹⁵.

Охотничьи пантомимы у долгаи, по сообщению А. А. Попова, близки по своему значению к эвенкийским. В них тоже фигурирует магическое убиение зверя, охотники делают деревянное изображение оленя и стреляют в него, желая обеспечить удачу на промысле. В ша-

Рис. 47. Лабаз для хранения шаманской атрибутики с р. Тунгурча. Фото автора.

манском культе у долган в модифицированном виде содержатся те же элементы, что и в цикле обрядов шэнкэлэвун ¹⁶.

Колдовские охотничьи обряды привлечения зверей и обеспечения удачи на промысле известны также по работам С. П. Крашенинникова ¹⁷, В. Г. Богораз-Тана ¹⁸ и других исследователей.

Камлания для добывания священной силы мусун для охотничьих амулетов совершались по просьбе отдельных членов рода. Обычно в юрте ставили четыре мента и тагу. За юртой от места малу в направлении на звезду Чалбон ставили стаю птиц, изготовленных из дерева, и девять тагу. В своем камлании шаман «летал» к энекан буга, выпрашивал священную силу и вселял ее в охотничий амулет.

Такие мелкие камлания, как предсказания или гадания, имели место во всех обрядах. Они часто совершались и отдельно. Производили их шаманы обычно в вечернее время в юрте без всяких декораций и атрибутов. Во всех группах эвенков они ничем не различались. Эти обряды хорошо описаны Г. М. Василевич ¹⁹. В них шаман бросал колотушку в направлении спрашивающего, а трубку последнего брал на одну-две затяжки, затем спрашивавший возвращал колотушку шаману. Определялся ответ по тому, как падала колотушка. Если колотушка падала на выпуклую сторону, то ответ был положительный, и наоборот, если изогнутой стороной вверх, ответ был отрицательный.

Обряды, связанные с добычей материалов для изготовления шаманских атрибутов, с признанием шамана родом, введением в шаманскую атрибутику священной силы мусун, рассмотрены в разделе 2 настоящей главы. Что касается таких мелких обрядов, как общение шамана с духами-помощниками и их «кормление», то они являлись частью всех обрядов и камланий. В редких случаях при необходимости шаман мог их совершать в одиночку.

Упаковывалась шаманская атрибутика в ритуальные шкатулки муручун (см. рис. 20) и мешки чемпули, перевозилась на олене сэвэк, обладавшем священной силой. На долгое хранение ее обычно оставляли в специально срубленном и крытом сверху лабазе (рис. 47). После смерти шамана его атрибуты развешивали на сухой лиственнице мугдыкен в глухом, редко посещаемом месте. По наследству они не передавались.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ традиционных представлений об окружающем мире эвенков-орочонов показывает, что они составляли сложную систему, включавшую различные по своим историческим и социальным корням, генезису элементы, принадлежащие к различным временным пластам. Все они были трансформированы шаманством, в них можно лишь вычленить дошаманские элементы. При этом надо иметь в виду, что традиционные верования дошли до нас сильно изменившимися. Зачастую можно с привлечением данных фольклора, этнографии, археологии под позднейшими напластованиями обнаружить элементы древнейших верований.

Эвенки считали, что окружающий мир населен множеством божеств, в подчинении которых находилась природа с ее таинственными силами, духов-помощников, добрых духов, приносящих удачу в промысле, здоровье и благосостояние членам рода, злых божеств, несущих промысловые неудачи, болезни, несчастья. Эти верования имеют своим источником анимистические представления.

В системе традиционных верований эвенков-орочонов обращает на себя внимание дуализм — борьба доброго, животворного начала, которое олицетворялось хозяйкой вселенной и человеческого рода энекан буга, и вредоносного начала в лице злого хозяина нижнего мира харги. В подчинении энекан буга были все благодетельные покровительствующие существа — божества, к которым люди обращались с просьбами. Просьбы выражались в словесном обращении к этим божествам или в проведении магических обрядов.

Вредоносные божества во главе с хозяином нижнего мира харги и его помощниками постоянно преследовали человека. Они были источником несчастий, болезней, смерти. Чтобы противостоять им, зародились всевозможные запреты, обереги, поверья, а со временем и магические действия. Эти представления сложились в древнейшие времена, когда охотникам и оленеводам казалось, что окружающий их мир наполнен противоборством добрых и злых начал, буквально пронизывающим всю жизнь и хозяйственную деятельность человека.

Взяв за основу материалы археологии, в том числе наскальных рисунков, можно предположить, что к началу II тыс. н. э. были

сформированы близкие к рассмотренным нами представления об окружающем мире, душе и загробной жизни.

К числу ранних материалов, свидетельствующих о наличии антропоморфных божеств, представляющих благожелательное и вредоносное начала, относится гетканская писаница, датированная концом III — началом II тыс. до н. э. На ней изображены антропоморфные трехпалые фаллические божества, у которых трехпалость обозначает силу во всех трех мирах, и наряду с ними — злой дух харги. В этот же период, как показывают данные археологии, наряду с антропоморфными действуют и зооантропоморфные благожелательные божества¹. Сочетание зооантропоморфных и антропоморфных божеств в религиозных воззрениях народов Верхнего Приамурья продолжается большой исторический отрезок времени. В наскальных рисунках он зафиксирован до начала II тыс. н. э., в это же время появляются и первые изображения идола мугдыгра².

Первые представления об энекан буга — хозяйке вселенной и человеческого рода, по всей вероятности, сложились на рубеже нашей эры у народов Верхнего Приамурья, затем были заимствованы и развиты эвенками-орочонами. Божество это представляется как в антропоморфном облике, в облике старухи, так и, по сообщению А. Ф. Анисимова, в зооморфном облике самки лося или дикого оленя³. Необходимо отметить, что культ лосихи распространен по всей Сибири, следы его сохранились в наскальных изображениях. Культ этот, как отмечает А. П. Окладников, своими корнями уходит в неолит⁴. Изображение энекан буга в антропоморфном облике представлено на смирновской писанице. На ней показана луна, изображенная в ее контуре антропоморфная фигура напоминает облик энекан буга, отраженной на луне⁵.

По нашему мнению, с древнего периода в религии эвенков-орочонов сохранились пережитки представлений о звездах, земле, душе, синкен, культовое отношение к медведю, лося, оленю, некоторым птицам и растениям. Эти представления являются общеэвенкийскими и формировались в однородной этнической среде. В это же время вырабатывается общеэвенкийская языковая общность и формируются общие для разных групп эвенков названия миров, основных небесных светил, явлений природы, времен года, основных видов животных и растений.

Эти представления складывались на базе древнейших верований народа и по этой причине легко были закреплены в его сознании.

Каким образом происходил переход от древнейших дошаманских представлений, верований и обрядов к шаманизму, по имеющимся материалам можно судить лишь приближенно. Этот вопрос требует дальнейших углубленных исследований. Можно лишь сказать, что в конце XIX — начале XX в. религиозные верования эвенков-орочонов представлены шаманизмом в стадии политеизма. Эта стадия характеризует религию патриархально-родового общества на ступени перехода от доклассового к раннеклассовому обществу. В процессе этого перехода все разнообразие зооморфных духов и божеств сменяется новыми религиозными образами — сверхъ-

естественными антропоморфными существами, во владении которых находится природа со всеми ее стихийными силами. Самостоятельные в прошлом зооморфные духи-тотемы превращаются в помощников антропоморфных духов — хозяинов природы и стихий. Антропоморфные высшие духи, обрстая социальными атрибутами, становятся божествами, превращаясь в объекты общенародного культа. Сам же шаман на этой стадии религиозных верований выступает как профессиональный служитель, избираемый уже не людьми — сородичами, а родовыми духами-предками. Это один из первых показателей разложения первобытного родового общества и выделения родовой знати.

Источком шаманизма как одной из форм религии явились анимистические и тотемистические представления. Привлекая материалы по шаманству народов Севера и Сибири, можно предположить, что на определенной ступени развития анимизма в шаманстве формируются два направления⁶. Шаманы, принадлежащие к первому направлению, совершали религиозно-культовые действия, обращенные к божествам доброго, житнетворного начала (*яян*). Вторые взяли на себя лечебно-колдовские обязанности и стали называться *саман*, а обряд, совершаемый ими, *саманил*, *самалды*. Первые впоследствии стали называться белыми шаманами, или имеющими корни шаманской силы сверху, вторые — черными, имеющими корни шаманской силы снизу. Судя по нашим материалам, существовали шаманы, которые имели корни шаманской силы сверху и снизу.

О происхождении и развитии шаманства определенные сведения можно получить из данных филологии, рассматривая значения слов «шаман», «шаманить» и слова, передающие это значение. В эвенкийском языке для передачи значения «шаманить», «шаман» имеется четыре слова. Первое — *яя* (шаманить) обозначает пение — просьбу о благополучии, обращенную к огню; *яян* — шаман. Второе *нимнан* (шаманить) имело два значения: сказание и камлание (совершение обряда). Третье — *сэвэнчэ* (шаманить) обозначает обряд, связанный с топлением жира; в дальнейшем в виде окуривания этот обряд сохранился в быту. Четвертое — *саманил*, *самалды*, *саман*. Здесь корень *саман* обозначает названия всех телодвижений (прыжки, пляс) шамана. От этого корня, видимо, и произошли слова «шаман», «шаманить». Кроме того, шаманов называли *ичэримни*, *хирури* (предсказатель)⁷.

Интересная мысль по поводу термина *саман*, *саманил*, *самалды* высказана Б. В. Болдыревым. В устном сообщении он высказал мысль, что корень *саман* в современном эвенкийском языке неделим, но исторически и этимологически можно разделить его на корни *са* — знать и *ман* — имеющие склонность к действию.

На первоначальной ступени развития религиозных верований у протунгусов все члены рода могли совершать обряды «кормления» духов, дарения, просьб, обращения к огню, добычи охотничьей удачи (бэюнкан) и т. д., с одной стороны, и выполнять всевозможные запреты и обряд чичипкан — с другой. Исполнение этих обрядов называли словами *нимнан*, *сэвэнчэ* (шаманить). Термина шаман, т. е.

специалист по совершению обрядов, не существовало. По традициям эти обряды совершались вплоть до последнего времени каждым звенком. В обиходе они говорили, что человек шаманит, но при этом шаманом его не называли. Эта ступень религиозных представлений уходит истоками к тотемизму. Данный этап характеризует раннюю стадию развития шаманства.

Сведения, касающиеся времени возникновения шаманства и шаманской атрибутики у звенков-орочонов, очень скудные. Интересно, что среди рисунков средненюкжинской писаницы показан камлающий шаман, одетый в сходную с современной атрибутику.

Судя по имеющимся материалам, шаманские мировоззрения звенков-орочонов, по сравнению с другими группами звенков, формировались совершенно в иной социальной среде. У них другие представления о вселенной, ее устройстве, душе, духах-хозяевах. Но необходимо заметить, что терминология названной шаманской атрибутики у всех звенков единая⁸.

В конце XIX — начале XX в. в развитии шаманства звенков-орочонов наблюдаются две тенденции.

Такие признаки, как привилегированное положение шамана, представления о его избрании духами, о его сверхъестественных свойствах, наследственное закрепление шаманского дара, ритуал посвящения в шаманы, ритуалы последующего получения шаманом более высоких степеней шаманского звания, институт ученичества, наличие особых помощников, специального шаманского языка, многочисленных и крайне развитых атрибутов, сложного ритуала шаманского действия, особого шаманского чума, виртуозная техника исполнения шаманских действий, применение различных фокусов в процессе камланий, дают основания полагать, что выделенные нами признаки относятся к первым зародышам жречества.

Вторая тенденция отражает еще сильные родовые демократические традиции. Она выражается в изготовлении шаманской атрибутики и декорации обрядов всеми членами рода, в выборе наиболее пожилого и уважаемого члена рода хозяином шаманской юрты перед обрядами, в «сопровождении» шаманских духов участниками обрядов, в хоровом пении всех участников обрядов и, наконец, в наличии обряда посвящения в шаманы. По этому поводу И. С. Вдовин справедливо заметил: «Чем глубже разложение первобытно-общинных устоев у данного народа, чем выше уровень имущественного неравенства, развития частной собственности и на этой основе формирования классовых отношений, тем шире и многообразнее общественные культы, религиозные функции, их профессионализация, атрибутика. И наоборот. Чем меньше затронуты разложением первобытно-общинные основы жизни народа, чем ниже уровень имущественного неравенства, частнособственнических отношений, тем уже общественные функции шаманов, их роль в религиозных отправлениях народа»⁹.

Эту ступень развития шаманства можно характеризовать как шаманизм — одну из форм религии. В нем четко прослеживаются все компоненты религии¹⁰: наличие разветвленного пантеона бо-

жеств во главе с энекан буга; общественного института, объединяющего на религиозной основе людей, считающих себя приверженцами данных верований; культа — совокупности религиозно-магических действий, выполняемых в соответствии с каноническими установлениями под руководством шамана; специфических эмоциональных переживаний, связанных с верованиями и культом соответствующей религии; норм нравственности и их обоснования в системе рассматриваемых религиозных представлений.

В современный период шаманство как религия уже практически исчезло, поэтому описание социального и имущественного положения шаманов у эвенков-орочонон представляет известную трудность из-за неполноты сведений. В досоветский период шаманизм эвенков-орочонон по своей сущности являлся идеологической базой привилегированной родоплеменной верхушки, в которую входил и сам шаман.

Социальное и имущественное положение шаманов, по рассказам информаторов и данным литературы, было неоднородным и зависело от многих причин, в том числе от его признания родом.

Охраняя членов своего рода от враждебных духов всевозможными камланиями, шаман не всегда имел возможность обеспечить свою семью продовольствием, а брать плату со своих сородичей за камлания, в таких размерах заниматься охотой и промыслами, как прочие эвенки, он не имел права. По этой причине, по свидетельству многих исследователей¹¹, с конца XIX в. и вплоть до советского периода многие хозяйства шаманов были бедняцкими. Но от чужеродцев они имели право получать вознаграждение. Обычно это было мясо, живые олени или шкурки пушных зверей¹².

В то же время в быту у эвенков-орочонон шаманы пользовались подчеркнутым почитанием и многими, весьма существенными привилегиями. Шамана встречали с большим почетом, угощали лучшими кушаньями, говорили с ним уважительно. В местах общественных сборищ с шаманом разрешалось говорить только старшим и наиболее уважаемым из сородичей. Каждый из членов рода считал своим долгом чем-нибудь услужить и помочь шаману. Ему отдавались лучшие промысловые места. Осенью ему помогали собирать оленей, зимой — промыслять, в частности крупного копытного зверя, на которого шаманы редко охотились, ссылаясь на существование запретов. Чтобы шаман не забывал охранять благополучие и здоровье родичей, ему время от времени подносили подарки. Родоплеменная верхушка была с шаманами в большой дружбе, пользуясь в своих корыстных интересах их влиянием на сородичей.

Но трудящиеся эвенки сумели победить кулачество, а с ним и шаманство. И только в глухих отдаленных местах шаманство как пережиток существовало вплоть до 60-х гг. нашего столетия.

Исследования религиозных представлений и шаманизма эвенков по локальным вариантам культур внесло бы большой вклад в изучение древней истории тунгусоязычных народов. Они могли бы дать новые материалы по времени и этапам их расселения, отношениям между группами эвенков и с другими народами, а также позволили бы уточнить время появления и этапы развития религиозных представлений и шаманизма эвенков.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969, с. 3—9, 157, рис. 1—4; Она же. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (архив).
- ² Василевич Г. М. Эвенки, с. 51—52, 72—80; Эвенкийская экспедиция (предварительный отчет экспедиции 1947 г.).— КСИЭ, 1949, т. 5; Василевич Г. М. По колхозам джугдырских эвенков.— ИВГО, 1950, т. 82, № 2.
- ³ Орлов А. А. Амурские орозоны.— ВРГО, 1857, т. 21, № 6, с. 165—166.
- ⁴ Василевич Г. М. Эвенки, с. 5—8, рис. 2—4.
- ⁵ Николаев С. И. Эвенки и эвены юго-восточной Якутии. Якутск, 1964, с. 10, рис. 2; с. 23, рис. 11; с. 163—177, 190—196.
- ⁶ Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
- ⁷ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.— Л., 1958.
- ⁸ См., например: Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 1964, с. 44, 278, 283; Он же. Религия в истории народов мира. М., 1965, с. 186; Он же. Основы этнографии. М., 1968, с. 347; Он же. Проблемы общественного сознания доклассовой эпохи.— В кн.: Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972, с. 265; Он же. К постановке проблемы марксистской периодизации истории религии.— В кн.: Атеизм и религия: проблемы истории и современность, вып. 1. М., 1974, с. 93; Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX — начале XX в. Новосибирск, 1975, с. 107; Он же. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980, с. 7—8; Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. М., 1977, с. 214; Вдовин И. С. Предисловие.— В кн.: Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976, с. 4.
- ⁹ Токарев С. А. Пережитки родового культа у алтайцев.— ТИЭ, 1947, т. 1, с. 139.
- ¹⁰ Крывелев И. А. История религий, т. 1. М., 1975, с. 10, 46—47.
- ¹¹ Вдовин И. С. Заключение.— В кн.: Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981, с. 277—278.
- ¹² Там же, с. 280.
- ¹³ Ревусенкова Е. В. Народы Малайзии и Западной Индонезии. М., 1980, с. 246.
- ¹⁴ Вайнштейн С. И. Тувинское шаманство. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Отдельный оттиск). М., 1964, с. 10.
- ¹⁵ Толстов С. П. Основные теоретические проблемы современной этнографии.— СЭ, 1960, № 6, с. 17.
- ¹⁶ Широкогоров С. М. Опыт изучения шаманства у тунгусов.— Зал. Владивосток. ун-та, 1919, ч. 1; Рычков К. М. Енисейские тунгусы.— Земледелие, 1922, кн. 3—4; Суслов И. М. Материалы по шаманству.— Архив Ин-та этнографии АН СССР, кн. 1, оп. 1, № 28; Он же. Шаманство и борьба с ним.— Сов. Север, 1931, № 3—4; Он же. Шаманизм как тормоз социалистического строительства.— Антирелигиозник, 1932, № 7—8, 11—12, 14, 17—18; Анисимов А. Ф.

Представления эвенков о шинкэнах и проблема происхождения первобытной религии.— СМАЭ, 1949, т. 12; Он же. Культ медведя у эвенков в проблеме тотемистических верований.— В кн.: Вопросы истории религии и тотемизма. М., 1950; Он же. Представление эвенков о душе и проблема анимизма.— ТИЭ, 1951, т. 14; Он же. Шаманские духи по воззрениям эвенков.— СМАЭ, 1951, т. 13; Он же. Шаманский чум у эвенков и проблема происхождения шаманского обряда.— Сиб. этнограф. сб., 1952, т. 1; Он же. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.— Л., 1958; Василевич Г. М. Некоторые данные по охотничьим обрядам тунгусов.— Этнография, 1930, № 3; Она же. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков.— СМАЭ, 1957, т. 17; Она же. Раннее представление о мире у эвенков. Исследования и материалы по вопросу первобытных религиозных верований.— ТИЭ, 1959, т. 51; Она же. Эвенки.

¹⁷ Маак Р. К. Путешествие на Амур, совершенное в 1855 году. Сиб. 1859, с. 50—51.

¹⁸ Грум-Гржимайло Г. Е. Описание Амурской области. Сиб., 1894, с. 363.

¹⁹ Госсковский Г. Н. Гиллой-Ольдойский охотничье-промысловый район. Результаты зимней экспедиции 1925—1926 годов.— Производительные силы Дальнего Востока, Хабаровск — Чита, 1927, № 4, с. 531.

²⁰ Василевич Г. М. Эвенки, с. 240—256.

ГЛАВА I

¹ Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.— Л., 1958, с. 70; Ошаров М. Северные сказки. Новосибирск, 1935, с. 13—14.

² Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы бассейна реки Алда. Новосибирск, 1979, с. 63, рис. 15, табл. 53.

³ Анисимов А. Ф. Шаманские духи по воззрениям эвенков и тотемические истоки идеологии шаманизма.— СМАЭ, 1951, т. 13, с. 191—192; Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.— Л., 1950, с. 228.

⁴ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976, с. 166, табл. 44, 2, рис. 5; Мазин А. П. Наскальные рисунки в верховьях р. Онёни.— В кн.: Археология, этнография, филология и история дооктябрьского периода. Владивосток, 1969, с. 159—165.

⁵ Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. М.— Л., 1966, с. 260—263.

⁶ Виташевский Н. А. Изображения на скалах по реке Олёкме.— ИВСОРГО, 1897, т. 28, № 4, с. 280—287.

⁷ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы..., с. 169, табл. 47, II, рис. 1.

⁸ Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л., 1936, с. 29—32; Она же. Ранние представления о мире у эвенков. Исследования и материалы по вопросу первобытных религиозных верований.— ТИЭ, 1959, т. 51, с. 29—32, 194; Пекарский Э. К. Прианские тунгусы.— Живая старина, 1911, т. 20, вып. 2, с. 114; Ошаров М. Северные сказки, с. 14—15.

⁹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олёкмы..., с. 175, табл. 53, рис. 4.

¹⁰ Василевич Г. М. Ранние представления о мире у эвенков..., с. 175—177, 184—185.

¹¹ Анисимов А. Ф. Религия эвенков..., с. 15—56; Василевич Г. М. Некоторые данные по охотничьим обрядам..., с. 58—60; Рычков К. М. Енисейские тунгусы.— Земледелец, 1922, кн. 1-2, с. 81; Пекарский Э. К., Цветков В. П. Очерк быта прианских тунгусов.— СМАЭ, 1913, т. 3, с. 113; Потанин Г. И. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турок.— В кн.: Культура и письменность Востока, вып. 5. Баку, 1929, с. 139, 141; Серошевский В. Л. Как и во что веруют якуты. Этнографический набросок.— Восточное обозрение, Иркутск, 1891, вып. 2, с. 184; Яковлев Е. К. Этнографический обзор иностранного населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея.— Описание Минусинского музея, Минусинск, 1900, вып. 4, с. 51;

Радлов В. В. Образы народной литературы тюркских племен, т. 9. Спб., 1907, с. 493, 506; **Паллас П. С.** Путешествие по различным провинциям Российского государства, кн. 2, ч. 2. Спб., 1788, с. 466; **Агашитов П. Н., Хангалов М. Н.** Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. — ИВСОРО, 1883, т. 14, с. 31; **Маак Р. К.** Вилейский округ Якутской области, т. 3. Спб., 1887, с. 109; **Гондатти Н. Л.** Следы языческих верований у манзов. — Изв. Об-ва любителей естественной науки, антроп. и этнограф., 1883, т. 3, с. 71; **Клеменц Д. А.** Заметки о тюсах. — ИВСОРО, 1892, № 5-6, с. 23—35; **Зеленин Д. К.** Культ оонов в Сибири. М. — Л., 1936, с. 91; **Он же.** Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, с. 56; **Лисянский Ю.** Кругосветное путешествие, т. 2. Спб., 1812, с. 93.

¹² **Окладников А. П., Мазин А. И.** Писаницы реки Олёкмы..., с. 141.

¹³ **Стрелов С. Д.** Акты архивов Якутской области (с 1650 по 1800 г.), т. 1. Якутск, 1916, с. 288; **Хитров Д.** Описание Жиганского улуса. — ЗВСОРО, 1856, кн. 1, с. 53—54; **Пекарский Э. К., Цветков В. П.** Очерки быта..., с. 113; **Они же.** Аянские тунгусы. — Живая старина, 1912, вып. 3-4, с. 336; **Титов Е. И.** Тунгусо-русский словарь. Иркутск, 1926, с. 59; **Никольский Н. П.** Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939, с. 32—40; **Николаев С. П.** Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. Якутск, 1964, с. 168; **Алексеев Е. А.** Кеты. Л., 1967, с. 175; **Василевич Г. М.** Эвенки. Л., 1969, с. 220.

¹⁴ **Госсовский Г. Н.** Гиллой-Ольдойский охотничье-промысловый район. Результаты зимней экспедиции 1925—1926 годов. — Производительные силы Дальнего Востока, Хабаровск — Чита, 1927, № 4, с. 531.

¹⁵ **Аврорин В. А., Козьминский Н. И.** Представления орочей о вселенной, переселении душ и путешествиях шаманов, изображенные на «карте». — СМАЭ, 1949, вып. 11, с. 326; **Харунзин Н.** Русские лопари. Очерки современного и прошлого быта. И., 1890, с. 148.

¹⁶ **Штернберг Л. Я.** Орнамент из оленьего волоса и игл дикобразов. — СЭ, 1936, № 3-4, с. 118.

¹⁷ **Худяков П. А.** Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе. — ЗВСОРО по этнографии, Иркутск, 1980, т. 1, вып. 3, с. 21; **Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка, с. 25—30; **Потанин Г. Н.** Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1889, с. 793; **Богораз В. Г.** Чукчи, т. 4. Л., 1939, с. 24—25.

¹⁸ **Третьяков П. И.** Туруханский край, его природа и жители. — ЗРГО по общ. географии, 1869, т. 2, с. 415; **Григоровский И. П.** Предания нарымских инородцев о созвездии лось. — ТГВ, 1882, № 31; **Потанин Г. Н.** Восточные мотивы..., т. 4, с. 778—779; **Богораз В. Г.** Чукчи, т. 2, с. 25, 29; **Серовешевский.** Якуты. Спб., 1896, с. 660; **Вербицкий В. И.** Словарь алтайского и аладатского наречий тюркского языка. Казань, 1884, с. 417; **Толокопский Н.** Якутские пословицы, загадки, святочные гадания, обряды, поверья и легенды. Иркутск, 1914, с. 87—88; **Потанин Г. Н.** Ерке. Культ сына неба в Северной Азии. Материалы к турко-монгольской мифологии. Томск, 1916, с. 97.

¹⁹ **Василевич Г. М.** Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. — СМАЭ, 1957, т. 17, с. 170—185; **Костиков Л.** Боговы олени в религиозных верованиях засово. — Этнография, 1930, № 1-2, с. 116—130; **Георги Н.** Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 3. Спб., 1799, с. 11—12; **Паллас П. С.** Путешествие по различным местам Российского государства, кн. 2, ч. 2. Спб., 1788, с. 464; **Серовешевский В. Д.** Якуты, с. 649; **Яковлев Е. К.** Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея. Минусинск, 1900, с. 101—109.

²⁰ **Окладников А. П.** Петроглифы Ангары. М. — Л., 1966, рис. 3, табл. 9, рис. 1; **Окладников А. П., Мазин А. И.** Писаницы реки Олёкмы..., табл. 40, 2, рис. 1; **Они же.** Писаницы бассейна реки Алдан, табл. 39, рис. 2.

²¹ **История Сибири**, т. 1. Л., 1968, с. 100—101; **Ходукин Я. Н.** Материалы к археологии реки Илима. — ИВСОРО, Иркутск, 1928, т. 3, с. 117; **Васильевский Р. С., Окладников А. П.** Изображения медведей в неолитическом искусстве Северной Азии. — В кн.: Звери в камне. Новосибирск, 1980, с. 230—238.

²² Рычков К. М. Енисейские тунгусы.— Земледелие, 1922, кн. 3-4, с. 109—112; Титов Е. И. Некоторые данные по культуре медведя у нижнеангарских тунгусов Киндигирского рода.— В кн.: Сибирская живая старина, т. 1. Иркутск, 1923, с. 95—98; Добромыслов Н. М. Заметки по этнографии баргузинских орочей.— Тр. Троицко-Кяхтинского подотдела РГО, 1902, т. 5, вып. 1, с. 82—85; Левин М. Г. Эвенки Северного Прибайкалья.— СЭ, 1936, № 2, с. 75—77; Кривошапкин М. Ф. Енисейский округ и его жизнь, т. 2. Спб., 1865, с. 34—38; Маак Р. К. Виллюйский округ Якутской области, т. 3. Спб., 1887, с. 108—109; Пекарский Э. К., Цветков В. П., Очерки быта..., с. 60—68; Третьяков П. П. Туруханский край..., с. 487—490; Богораз В. Г. Ламуты (из наблюдений в Колымском округе).— Земледелие, 1900, кн. 1, с. 64—66; Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, 15—17; Она же. Древние охотничьи и оленеводческие обряды, с. 67, 167; Она же. Эвенки, с. 216—218; Анисимов А. Ф. Религия эвенков, с. 106—126; Николаев С. И. Эвенки и эвенки юго-восточной Якутии, с. 175—176.

²³ Штернберг Л. Я. Гиляки, орочи, голды, негидальцы, айны. Хабаровск, 1933, с. 59—67, 536; Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939; Васильев Б. Основные черты этнографии ороков.— Этнография, 1929, № 1, с. 22—30; Шренк Л. Об иногородцах Амурского края, т. 3. Спб., 1908, с. 65—73; Гондатти Н. Л. Культ медведя у иногородцев северо-западной Сибири.— Тр. этногр. отд. Московск. об-ва любит. естествознания, 1888, т. 8, с. 49—73; Харузин Н. Н. Медвежья присяга и тотемические основы культа медведя у остяков и вогулов.— Этногр. обозр., 1898, № 3, с. 1—36; № 4, с. 1—37; Потанин Г. Н. Ерке. Культ сына неба в Северной Азии; Ядринцев П. М. О культе медведя.— Этногр. обозр., 1890, № 13, с. 110—122; Лопатин И. А. Голды. Владивосток, 1922, с. 202—206.

²⁴ Окладников А. П. Петрографы Нижнего Амура. Л., 1971.

²⁵ Мазин А. И. Арбинская писаница и ее значение в датировке петроглифов раннего железного века Верхнего Приморья.— В кн.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, с. 40, рис. 1.

²⁶ Мазин А. И. Писаница около бывшего поселка Средняя Нюкжа.— В кн.: Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973, с. 303—324, рис. 1, 10, 14, 19, 43.

²⁷ Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков, с. 151—163; Она же. Некоторые данные по охотничьим обрядам..., с. 57—67.

²⁸ Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, с. 229—230; Она же. По колхозам джугдырских эвенков.— ИВГО, 1950, т. 82, № 2, с. 195.

²⁹ Василевич Г. М. Эвенки, с. 167—170.

³⁰ Василевич Г. М. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, с. 31.

³¹ О погребальных обрядах других групп эвенков см.: Костров Н. Енисейские тунгусы.— Москвитянин, 1855, т. 3, № 11, с. 41—42; Спасский Г. И. Забайкальские тунгусы.— Сиб. вестник, 1822, ч. 20, с. 349—352; Широкогоров С. М., Широкогорова Е. Н. Отчет о поездках к тунгусам и орочам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг.— Изв. Рус. комитета для изучения Средней и Восточной Азии, сер. II, Пг., 1914, № 3; Василевич Г. М. Эвенки, с. 240—242; Полевой Б. П. Забытый источник сведений по этнографии Сибири.— СЭ, 1965, № 2, с. 126; Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китае (1692—1695 гг.). М., 1967, с. 125—129, 146, 157; Титов Д. З. Материалы И. Г. Гмелина о тунгусах XVIII в.— СЭ, 1978, № 1, с. 68; Степанов А. Енисейская губерния, ч. 1. Спб., 1835, с. 76; Мордвинов А. Инородцы, обитавшие в Туруханском крае.— ВРГО, 1860, ч. 28, вып. 2, с. 36; Маак Р. К. Виллюйский округ..., с. 105—106; Кларк П. Виллюйский округ.— ИВСОРО, Иркутск, 1864, кн. 7, с. 106; Соколова З. П. Заметки об эвенках бассейна Кети.— Сиб. этногр. сб., 1962, т. 4, с. 174; Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969, с. 107—108; Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969, с. 178; Он же. Похоронная обрядность. Эвенки и эвенки. Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980, с. 165—177.

ГЛАВА II

- ¹ Арсеньев В. К. Соб. соч., т. 2. Хабаровск, 1949, с. 454—455.
- ² Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969, с. 454.
- ³ Иванов С. В. Маски народов Сибири. Л., 1975, с. 25; Василевич Г. М. Эвенки, с. 254.
- ⁴ Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири. — В кн.: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX — начале XX века. Л., 1971, с. 27, рис. 16.
- ⁵ Прокофьева Е. Д. Шаманские бубны. — В кн.: Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961, с. 447, карты 1, 2.
- ⁶ Василевич Г. М. Эвенки, с. 254.
- ⁷ См., например: Аврорин В. А., Лебедева Е. П. Ороцкие тексты и словарь. Л., 1978, с. 35; Деревянко Е. И. Племена Приамурья. Новосибирск, 1981, с. 209; и др.
- ⁸ Хомич Л. В. Шаманы у ненцев. — В кн.: Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981, с. 8.
- ⁹ Подробно все точки зрения, касающиеся личности шамана, см. Ревуенкова Е. В. Народы Малайзии и Западной Индонезии. М., 1980, с. 13—28.
- ¹⁰ Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства у тунгусов. — Учен. зап. Владивосток. ун-та ист.-филол. фак., Владивосток, 1919, вып. 1, с. 60—61, 105—108.
- ¹¹ См.: Широкогоров С. М. Опыт исследования основ шаманства..., с. 106—108; Василевич Г. М. Эвенки, с. 245—247.
- ¹² Василевич Г. М. Эвенки, с. 247.
- ¹³ Губельман М. П. О тунгусах Олекминского округа. — Изв. РГО, М.—Л., 1925, т. 57, вып. 2, с. 41—44.
- ¹⁴ Анисимов А. Ф. Представление эвенков о пэнкэнах и проблема происхождения первобытной религии. — СМАЭ, 1949, т. 12, с. 160—194.
- ¹⁵ Василевич Г. М. Некоторые данные по охотничьим обрядам и представлениям у тунгусов. — Этнография, 1930, кн. II, № 3, с. 57—67.
- ¹⁶ Василевич Г. М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков. — СМАЭ, 1957, т. 17, с. 151—186.
- ¹⁷ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки, т. 2, ч. 3. Спб., 1786, с. 84.
- ¹⁸ Богораз-Тан В. Г. Миф об умирающем и воскресающем звере. — Худ. фольклор, 1926, № 1, с. 43.
- ¹⁹ Василевич Г. М. Эвенки, с. 249.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы. Новосибирск, 1979, с. 61—65, 170, 172.
- ² Там же, с. 57—60, 166, 168.
- ³ Анисимов А. Ф. Космологические представления народов Севера. М.—Л., 1959, с. 32—39.
- ⁴ Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, с. 51; Он же. Петроглифы Ангары. М.—Л., 1966; Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. М.—Л., 1959.
- ⁵ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы, с. 187, табл. 65, 2, рис. 7.
- ⁶ Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л., 1981.
- ⁷ Василевич Г. М. Эвенки. Л., 1969, с. 210—214.
- ⁸ Там же, с. 210—214, 224—234.
- ⁹ Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы, с. 123, табл. 1, рис. 15.
- ¹⁰ Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976.
- ¹¹ Крывелев А. П. История религий, т. 1. М., 1975, с. 10.

¹² **Василевич Г. М.** Эвенки, с. 252—253; **Туголуков В. А.** Следопыты верхом на оленях. М., 1969, с. 172—173; **Материалы** по земельно-водному устройству Усть-Нюкжинского и Средненюкжинского сельсоветов Тунгуро-Олекминского района Читинской области. Тунгуро-Олекминская земледовоустроительная экспедиция, 1934, с. 4—16; **Проект** простейшего землеустройства Джелтулакского района, в 2-х т. Зейская землеустроительная экспедиция НКЗ РСФСР, 1938. Фонды Амурского отдела экономических проблем комплексного освоения зоны БАМ. Без шифра. Благовещенск; **Проект** первоначального землеустройства Селемджино-Буреинского района Амурской области Хабаровского края. Амурская землеустроительная экспедиция НКЗ РСФСР, 1939. Фонды Селемджинского районного архива. Без шифра; **Проект** простейшего землеустройства Зейско-Учурского района Читинской области. Зейская землеустроительная экспедиция НКЗ РСФСР, 1938; ГААО, ф. 1382, оп. 1, ед. хр. 4.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВРГО — Вестник Русского географического общества
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
ЗВСОРГО — Записки Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
ЗРГО — Записки Русского географического общества
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
РГО — Русское географическое общество
СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР
СЭ — Советская этнография
ТГВ — Томские губернские ведомости
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР

ПРИЛОЖЕНИЕ

АТРИБУТЫ ШАМАНОВ

Мы приводим по возможности полное описание шаманских атрибутов эвенков-орочонов, обращая внимание на покрой, размеры, подвески на костюме, порядок расположения, цвет, так как все эти детали не случайны. Они обладают определенной символикой, раскрывающей шаманские представления об окружающем мире и вселенной (см. раздел 1 гл. II).

Описываемый материал собран отдельными энтузиастами и краеведами Верхнего Приамурья. Хранится в Амурском областном музее краеведения г. Благовещенска и в районных музеях краеведения г. Зеи и Белогорска Амурской области. К сожалению, авторы сборов и точные данные о том, откуда вывезены материалы, за исключением нескольких экспонатов, в музеях не зарегистрированы. Территориальную принадлежность части экспонатов и хозяев, которым они принадлежали, удалось восстановить путем опроса пожилых эвенков. Принадлежность некоторых атрибутов осталась не выяснена, о них известно только то, что они являются эвенкскими и собраны на территории Верхнего Приамурья. Определить время создания этих атрибутов можно лишь приблизительно. Скорее всего это конец XIX — начало XX в. (костюм И. И. Яковлева, по словам его родственников, изготовлен в 40-е гг. XX в.). Но надо иметь в виду при определении периода их создания, что покроем костюмов был традиционным и передавался из поколения в поколение. У эвенков-орочонов, в отличие от других народов Сибири, шаманская атрибутика по наследству не передавалась.

ШАМАНСКИЕ АТРИБУТЫ ИЗ ПОС. БОМНАК

Поселок Бомнак расположен в 280 км к северо-востоку от г. Зеи Амурской области, на правом берегу р. Зеи. Бомнак возник в 1889 г., основное население — эвенки, занимающиеся оленеводством и охотничьими промыслами.

Шаманские атрибуты — кафтан, нагрудник, бубен, колотушка, шапка — принадлежали шаману из рода Буллёт Илье Ивановичу Яковлеву, 1867 г. рождения.

Кафтан (*самасик*) (табл. 7, 8). Состоит из куртки, поясной бахромы и металлических подвесок. Общая длина 136 см. Длина куртки 56 см. Ширина спины 53 см. Линия выреза горловины со спины на расстоянии 24 см. Длина плеча 13 см. Линия проймы рукава со стороны спины 25 см. Глубина проймы рукава со спины 5 см. Линия низа со спины 50 см. Линия выреза горловины со стороны груди на расстоянии 28 см. Длина полы 52 см. Линия проймы рукава со стороны груди 24 см. Длина низа полы 27 см. Длина рукава 49 см. Линия оката рукава 49 см. Окружность запястья рукава 26 см.

Куртка изготовлена из ровдуги дикого оленя. Сшита шпункочным швом, со вставными рукавами. Полы со спинкой соединены по линии плеча и вниз по вертикальной линии от проймы рукавов. По горловине и полам куртка обшита полосой шириной 3 см, по низу — 5 см. Полы куртки не заходят одна за другую, а завязываются впритык ровдужными завязками сверху и в центре. На гру-

дп, на расстоянии 4 см от краев пол, пришиты две ленты длиной 32 и шириной 6 см. По краям лент нашпты зеленые полосы из ткани, по центру лент — красные. Каждая лента на концах имеет по две кисти. На ленте с левой стороны одна кисть имеет 12 концов, вторая — 7. У ленты с правой стороны на обеих кистях по 12 концов. По окружности запястий рукавов нанесены по три охристых полосы, в центре — синяя, по краям — красные. По всей длине низа рукавов подшита ровдужная бахрома, концы которой окрашены красной охрой. К нижней части обоих рукавов подвязаны по две матерчатых полосы: по одной целой, а вторые с краев имеют по четыре надрыва. На спине нашпты ровдужная планка, сверху ровная, снизу с треугольными выступами. По центру планки три матерчатых полосы — две красные, одна салатного цвета. Грудные ленты, планка на спине и продольные матерчатые полосы пришиты накладным швом.

Поясная бахрома кафтана. Поясная бахрома закреплена с внутренней стороны по низу куртки. Она представлена железными цепями, жгутами *чуракта* и *илькукта*, лентами *каптыкакта*, «хвостом» *эргивлен* и змейей *кулин*.

Чуракта — скрученная в жгут ровдужная лента, по окружности обшита ободками из меха или кожи, на конце с кистью. Илькикта — скрученная в жгут ровдужная лента, перетянутая колечками из меха или цветных ниток, на конце с кистью. Каптыкакта — естественного цвета или окрашенная охрой ровдужная лента, на конце с кистью. Цепи изготовлены из железной проволоки, в них чередуются восьмеркообразные звенья различной величины.

Описание бахромы пояса ведется с левой полы кафтана (здесь и далее циффы означают порядковые номера элементов бахромы).

1, 7, 8, 10, 12, 13, 15, 17, 22, 24, 27, 29, 31, 32, 34, 36, 39—41, 44, 46, 49, 50, 54, 51, 67. Каптыкакта. Длина в см: 76, 76, 72, 65, 77, 68, 84, 75, 64, 71, 79, 73, 80, 83, 70, 74, 75, 68, 68, 84, 78, 70, 78, 70, 75, 71.

На конце имеются кисти со следующим количеством лент: 5, 8, 4, 7, 3, 10, 4, 3, 12; 24-я кисть состоит из двух расположенных друг над другом кистей, в верхней четыре ленты, в нижней девять; 8, 9, 9, 5, 8, 6, 5, 6, 5, 6, 6, 11, 4, 8; ленты 7, 8, 12, 17, 22, 24, 27, 31, 32, 46, 49 по поверхности окрашены красной охрой.

2, 6, 11, 14, 18—20, 26, 30, 42, 43, 48, 56, 59, 64, 70, 72—74. Цепи. Длина в см: 74, 68, 64, 76, 51, 73, 64, 40, 58, 62, 47, 77, 51, 80, 50, 52, 52, 73, 52. Количество звеньев: 8, 9, 9, 9, 9, 8, 13, 9, 12, 12, 9, 8, 9, 8, 9, 9, 9, 9.

3, 5, 9, 21, 47, 60, 62, 63, 66, 68, 69, 71, 75, 76. Илькикта. Длина в см: 70, 70, 68, 52, 75, 62, 67, 67, 70, 67, 70, 64, 62, 53. Все жгуты перевязаны цветными нитками в семи местах. Количество лент в кистях: 11, 9, 5, 12, 21, 7, 7, 16, 15, 32, 6, 16, 6, 10.

4, 16, 23, 25, 28, 33, 35, 37, 38, 45, 51—53, 55, 57, 58, 65. Чуракта. Длина в см: 70, 68, 76, 85, 68, 75, 82, 85, 64, 68, 55, 76, 78, 80, 55, 64, 78. Количество нашптых меховых ободков: 18, 9, 9, 9, 9, 29, 27, 9, 20, 24, 22, 7, 9, 9, 9, 20, 23; количество лент на кистях: 6, 9, 9, 15, 5, 6, 4, 11, 4, 5, 5, 6, 12, 4, 4, 5. Ленты на жгутах 4, 35, 38, 45, 51, 58, 65 окрашены пятью поперечными линиями — по три красных и по две синих.

77. Эргивлен. Изготовлен из ровдужной ленты, длина 131 см, ширина 6 см, сверху подвязаны две ровдужные полосы длиной по 20 см, закреплен тремя концами под планкой на спине (табл. 8; 9, 1).

78. Кулин. Изготовлена из ровдужной ленты, длина 70 см, наиболее широкое место 5 см, длина туловища 39 см. От туловища отходят девять хвостов, центральный хвост имеет три дугообразных выступа и два отверстия, боковые хвосты на концах с кистями, с левой стороны один конец хвоста оторван. Наибольшим сужением выделена головка с двумя вырезанными глазами и усам длиной 6 см. По центру и около хвостов надрезаны четыре ножки, две задние ножки связаны в узел. Усы, ножки, один хвост с левой стороны, два хвоста с правой стороны и бока туловища окрашены красной охрой. Подвязана головкой в районе шивки эргивлен (табл. 10, 2).

Металлическая атрибутика кафтана включает подвески, изображающие основные кости скелета шамана, духов-помощников шамана, планеты, а также погремушки и колокольчики.

Основные кости скелета представлены грудной, ключицами, лопатками, ребрами, позвоночником, черепом, костями предплечья и плеча. Грудная часть

разделена вертикальным разрезом на две половины. Расширением выделена рукоятка, прямым очертанием — тело и резким сужением — отросток. От грудной кости с небольшим изгибом вверх отходят кости ключицы, с наклоном книзу — восемь пар ребер. С другой стороны металлическими пластинками они закреплены на лопатках. Грудная клетка с лопатками расположена на куртке кафтана, чуть выше пояса, длина фигуры 14 см, ширина 22 см (табл. 7; 11, 1).

Плечевые кости и кости предплечья закреплены на бахроме вдоль низа рукавов. Плечевые кости представляют согнутую по центру в трубку эллипсоидную пластину с отверстиями для крепления на конце; длина 14 см, ширина 3 см. Кости предплечья изготовлены из прямоугольной пластины с овальной выборкой по центру, по краям с отверстиями для крепления, длина 14 см, ширина 3 см (табл. 7, 8; 9, 3, 4).

Череп и позвоночный столб закреплены в районе корня эргпвлев. Общая их длина 83 см, ширина 4 см. Череп и шейные позвонки изготовлены из алюминиевой пластины, остальные позвонки из железа. Череп с приоткрытым ртом и большой округлой глазницей своими очертаниями напоминает голову рыбы. Шейный отдел позвоночника выражен двумя позвонками: первым — атлантом и последним. Указано девять грудных и поясных позвонков. Каждый позвонок выполнен в виде прямоугольника с обрубленными концами углов и с двумя отверстиями с узких сторон. Крестцовые и копчиковые позвонки представлены одной конечной пластинкой (табл. 8; 10, 1, 4, 5).

Подвески, изображающие шаманских духов-помощников, расположены на спине. Главенствующая роль среди них принадлежит рогатой голове лося. Она укреплена по центру спины. Изготовлена из свернутого вдвое железного листа, который в верхней части головы постепенно расширяется и переходит в горизонтальную плоскость, напоминающую ласточкин хвост. К нему прикреплены рога, имеющие по три отростка. Голова лося реалистична, у нее изображены ноздри, рот и глаза, отвисшие губы, нижняя челюсть (табл. 10, 3).

Под рукавом слева укреплены изображения тигра, медведя и волка, справа к ним доавлена антропоморфная фигурка. Все животные изготовлены из железа по одному трафарету с небольшими отклонениями, строго в профиль.

Тигры — длина туловища 10 см, высота в холке 6 см. У них отверстиями указаны глаза и места для крепления. Головы эллипсоидные, намечен лоб, опущенные хвосты на конце изогнуты. Расставленные валекообразные ноги указывают на движение. На костюме они были обшты белым мехом (табл. 12, 9, 10).

Медведи — длина туловища 13 см, высота в холке 6,5 см. Глаза и места для крепления переданы отверстиями. Приподнятые головы с массивными лбами, длинными, тяжелыми мордами, рты приоткрыты. Уши овальные. Спины с небольшим прогибом. Намечены хвосты. Валекообразные ноги расставлены. У одного медведя вдоль всей спины и по нижней части головы сделаны насечки (табл. 12, 11, 12).

Волки — длина туловища 8 см, высота в холке 4 см. В районе холка расположены отверстия для крепления. Приподнятые головы изображены довольно легкими. Рты приоткрыты, уши клинообразные, реалистично изображены массивные кончики носов. Прямая спина плавно переходит в приподнятый хвост. Расставленные ноги указывают на движение (табл. 9, 7, 8).

Антропоморфная фигурка явно передает силуэт женщины в профиль. Высота 7 см. На спине отверстие для крепления. Фигурка имеет небольшой наклон вперед. Ноги и руки сведены вместе. На ногах указаны ступни, руки выставлены вперед. Спина слегка сгорблена. Очертание таза напоминает женские скульптуры эпохи палеолита (см. рис. 4).

На первом зубце с левой стороны наспинной планки укреплены изображения тайменя, двух змей и антропоморфной фигурки, на восьмом — таймень, на девятом — две змеи.

Змеи изготовлены из жести, длина от 12 до 18 см, округлые туловища к хвосту сужаются. Клинообразные головки с приоткрытыми пастьми, вдавлениями намечены глаза. Небольшими отверстиями пластинок указаны по четыре ноги (табл. 12, 7, 8).

Таймени отличаются по внешнему виду. Один короткий и массивный, у него мощные спинные и хвостовые плавники. Голова клинообразная, вдавлениями намечены глаза и рот. Длина 16 см (табл. 12, 5). Второй таймень более

стройного телосложения. Туловище плавно сужается и переходит в голову. Рот приоткрыт, вдавленными намечены глаза. Овальные плавники прижаты. Длина 19 см (табл. 12, 6). На месте спинного плавника сделаны отверстия для крепления.

Антропоморфная фигурка изготовлена в профиль (железо). Высота 7 см. У нее массивная голова с намеченными чертами лица. Спина согнута дугой. Ноги согнуты в коленях, руки выставлены вперед (см. рис. 41).

Планеты на костюме представлены изображениями земли и солнца. Солнце выполнено в виде неровной окружности с двумя отверстиями для крепления. Диаметр круга 9 см (табл. 12, 2).

Земля показана в виде прямоугольника с закругленными углами. Высота 9 см, ширина 8 см. По центру вырублен квадрат 4×4 см, указывающий на вход в нижний мир. По центру входа в нижний мир подвешен ментая — идол-охранитель. Он изготовлен в виде овала и подвешен на верхнюю часть прямоугольника, представляющего землю (табл. 12, 1).

Земля и солнце прикреплены к куртке кафтана на уровне головы лося, земля слева, солнце справа (табл. 8).

Погремушки изготовлены в виде трубок (3 штуки длиной 8 см, 10 штук длиной 12 см) и пластин с раздвоенным основанием, типа ласточкиного хвоста (5 штук длиной 8 см). Все погремушки имеют округлые кольца для крепления. Расположены они на замшевых ремешках, которые закреплены под мышками и за первый, четвертый и седьмой зубцы наспинной планки (табл. 9, 2, 5, 6). Кроме того, на спине чуть ниже наспинной планки по центру и краям укреплены современные бронзовые колокольчики.

Нагрудник (табл. 13, 1). Общая длина 85 см, длина бахромы от 25 до 30 см. Ширина верха 18 см, низа 22 см. Сверху и на расстоянии 30 см от верха подшиты ровдужные ремни для завязывания на шею и на пояс. Окат горловины 23 см. Изготовлен из ровдужки. Боковые края нагрудника и начало бахромы синего цвета. Окантовка горловины и пять горизонтальных мазков по нагруднику окрашены в фиолетовый цвет. Дугообразная линия у горловины, две вертикальные линии вдоль синих полос нагрудника, две горизонтальные линии по центру нагрудника и два сердца окрашены в красный цвет. На лентах бахромы нанесены три горизонтальные линии: по центру — синяя, по краям — красная.

Атрибуты нагрудника состоят из 16 металлических подвесок и 6 рисунков.

Подковообразная фигура (бронза) (табл. 11, 6). Укреплена по центру оката горловины, внешний край очерчен красной охристой полосой. Фигура символизирует кадьяк шамана, красная кайма — центр верхнего мира. Высота 7 см, ширина 5,5 см. Чуть выше по бокам нанесены две фиолетовые точки. Ниже, примерно на одном уровне, подвязаны три летящие птицы: два лебедя и птица агды. Снизу от них проведены фиолетовой краской три горизонтальные черточки.

Агды. Расположена в центре под самым «кадыком» шамана. Длина 7 см, размах крыльев 5,4 см. По очертанию напоминает орла. Туловище, крылья и хвост воспроизведены одним клином, от которого отходит длинная шея. Голова обернута металлической пластинкой. По крыльям и туловищу укреплены восемь блестящих жестянок — две одинарные и шесть двойных (табл. 11, 4).

Два лебедя (алюминий). Длина 9 см, размах крыльев у одного 8,8 см, у второго 7,7 см. Туловища эллипсоидные, хвосты прямоугольные, шеи вытянутые. У одного голова не сохранилась, у второго выделена небольшим утолщением. Крылья по сравнению с туловищем коротыше и слегка изогнутые, по центру имеют отверстия для крепления (табл. 11, 2, 3).

Пять летящих птиц (железо). По силуэтам среди них можно выделить две гагары, двух чирков и кулика. У гагар вытянутые шеи и лавно сужаются и переходят в небольшую овальную головку, отделенную от шеи заплатами. Расставленные крылья слегка изогнуты. По центру туловища имеется по два отверстия. Длина по 5,5 см, размах крыльев 6,5 см (табл. 14, 1, 4). Гагары снизу отделены от стаи птиц красной сплошной линией.

Шеп, туловища и хвосты у чирков по очертаниям напоминают лист пвы, небольшим изгибом выделены головы. У одного крылья расставлены строго в стороны, у второго слегка прижаты к туловищу. В туловищах проделано по отверстию для крепления. Длина 4,5 см, размах крыльев 5,5 см (табл. 14, 3, 5).

У кулика голова, шея, туловище и хвост удлиненной формы. Одно крыло с небольшим изгибом на конце. Длина 3,5 см (табл. 14, 2).

Четыре погремучки эллипсовидных очертаний. Изготовлены из сдвоенных алюминиевых листов, края одной пластины завернуты на другую. По бокам приклепано по две клинообразные пластины. Высота 6,5 см, ширина 5 см. Погремучки закреплены по бокам, в центре и нижней части нагрудника. Внутри находятся кусочки металла (табл. 13, 2, 3).

Фигура в форме сердца (табл. 15, 7). Выполнена красной контурной линией. В верхней ее части укреплена бронзовая шестеренка от часов. С обеих сторон от этой фигуры проведены две горизонтальные фиолетовые линии, которые соединены с красными линиями, окаймывающими бока нагрудника.

Две зооантропоморфные головки с птичьими носами, клинообразными бородками, глаза указаны точками. У одной головки два больших рога и небольшое ухо в виде клинышка. Нанесены фиолетовым карандашом (табл. 15, 2, 3)

Небольшая вертикальная полоса, по которой ползет змея. Туловище у змеи волнообразное, выполнено фиолетовым карандашом. Все это подчеркнуто красной горизонтальной линией (табл. 15, 4).

Сердцевидная фигура. Изображена фиолетовым карандашом (табл. 15, 5).

Эллипсовидная фигура с двумя отходящими отростками. Выполнена красной контурной полосой (табл. 15, 6).

Две лягушки, изготовленные из алюминиевого листа. Длина 6 см, ширина 4,5 см. Туловища эллипсовидные, головы клинообразные. По два глаза и гнезда для крепления выполнены отверстиями. Лапки изображены небольшими выступами, у них намечены пальцы (табл. 11, 5, 7).

Головной убор (*аун*). Состоит из одной продольной полосы — обода, спиной сади, и двух поперечных, перекрещивающихся на затылке и пришитых к ободу. По нижней части обода, вдоль всей окружности подшита бахрома, три кисти и четыре жгута (табл. 15, 1).

Шапка в развернутом виде представляет собой ленту-обод длиной 51 см, шириной 8 см, изготовлена из толстой ровдуги. По низу обода по всей окружности подшита бахрома из тонкой ровдуги длиной 2 см. Сверху, на расстоянии 10 см от правого края обода, пришта поперечная лента длиной 10 см, шириной 5 см. На расстоянии 10 см от левого края обода подшита вторая поперечная лента, длина которой 27 см, ширина 7 см. Края поперечных лент и верхняя часть обода обшита каймой из синего материала шириной 0,6 см. По центру поперечных лент и обода нанесены красной охрой продольные полосы. Ширина этой полосы на поперечных лентах 1 см, на ободу 5 см. По краям охристые полосы обшты жильными нитками с прокладкой волоса из подшейного клона оленя. По внутренней части полосы обода, примерно на одинаковом расстоянии от краев, нанесены еще две такие же строчки.

Все кисти и жгуты подшты с внутренней стороны обода. Описание справа налево (табл. 15, 1).

1. Кисть. Подшты на расстоянии 12 см от края, длина 8 см, с шестью лентами.

2. Чуракта. Скрученная и обтянутая сверху тканью ровдужная лента. Обшты шестью ободками из белой шкурки с лап оленя. Длина 19 см. На конце кисть длиной 9 см с 15 лентами. Подшты на расстоянии 17 см от края.

3. Кисть. Подшты на расстоянии 20 см от края, длина 8 см, с семью лентами.

4. Чуракта. Обшты шестью ободками из белой шкурки с лап оленя. Длина 17 см. На конце кисть длиной 7 см с восемью лентами. Подшты на расстоянии 25 см от края.

5. Илькукта. Длина 16 см. На конце кисть длиной 8 см с девятью лентами. Подшты на расстоянии 30 см от края.

6. Чуракта. Обшты тремя ободками из белой шкурки с лап оленя. Длина 23 см. На конце две кисти, одна длиной 11 см с 10 лентами, вторая длиной 6 см с шестью лентами. Подшты на расстоянии 36 см от края.

7. Кисть. Подшты на расстоянии 41 см от края, длина 8 см, с пятью лентами.

Бубен (табл. 16, 1, 2). Овальной формы, 90 см в продольном сечении, 51 см — в поперечном. Обечайка эллипсовидных очертаний, изготовлена из ливственницы, шты тонкими корешками ливственницы, в продольном сечении

74 см, в поперечном 35 см, ширина 12 см. На внешней стороне имеется девять резонаторов: два сверху, один снизу и по три с боков. Резонаторы конусообразной формы, изготовлены из четырех березовых палочек длиной 8 см. Сверху на них положены ровдужные кусочки и вкруговую, по внешней стороне обечайки, обтянутые жильной ниткой. В обечайке вовнутрь резонаторов прорезаны клипообразные щели.

Обечайка вместе с резонаторами обтянута невыделанной лосиной кожей, мех обскоблен. С тыльной стороны кожа приклеена столярным клеем к обечайке. Внутри бубна в обечайку вбито восемь скобок: одна сверху, одна снизу и по три с боков. Скобки между собой соединены проволокой, на которой подвешено по девять металлических пластин. В верхней, нижней и в центральных с боков скобах закреплены кольца. К центральным кольцам с боков приклепана, а к верхнему и нижнему кольцам привязана ровдужной лентой крестовина. В месте соединения полос имеется квадрат, обтянутый ровдужными лентами, для держания бубна.

В верхней части бубна изображена сидящая, чуть согбенная антропоморфная фигура. Волосы зачесаны назад на прямой пробор. На лбу указаны морщины. Нанесены брови, узкие раскосые глаза, чуть приплюснутый широкий нос с небольшой рот. Ноги подвернуты под себя. Правой рукой человек придерживает левую ногу, а левой рукой тянется к трубке, которая находится во рту. От трубки отходит широкая полоса, изображенная кровью. Фигура символизирует шамана, кормящего духов-помощников.

Чуть правее шамана, головой вниз, изображена самка лося. У нее приподнятая клинообразная голова, длинные овальные уши. Округлый глаз показан неокрашенным пятном. Холка приподнята, спина прямая, круп дугообразный. Ноги, с указанием коленных суставов и ступней, широко расставлены. Рисунок по контуру залит красной охрой. Длина фигурки 8,6 см, высота в холке около 5 см. Динамика фигуры указывает на быстрый бег (табл. 14, 6).

Ниже лося изображены месяц, дугообразная линия и солнце. Месяц серпообразный, края окрашены в синий цвет, середина — в красный. Длина 2,5 см. Верхняя часть дугообразной полосы окрашена в красный цвет, нижняя — в синий (табл. 14, 7).

Необычно исполнено солнце (табл. 16, 1). Центральная часть залита черной краской. Край выполнен красной контурной полосой. Отходящие лучи нанесены черными полосами.

В нижней части бубна по краю нанесены три линии: две красные и по центру синяя. Вдоль всего периметра бубна по вершинам и обоим бокам резонаторов изображены три красных полосы.

Колотушка (табл. 16, 3). Длина 35 см, ширина 5 см. Лопатка овальная, изготовлена из ливневницы и с одной стороны обтянута коричневым камусом. С другой стороны в верхней части вырезано изображение человеческого лица с 14 отростками на голове. Глаза округлые, брови дугообразные. Нос нанесен вертикальной линией, рот — горизонтальной (табл. 14, 8). В нижней части лопатки укреплено металлическое кольцо. Ручка изготовлена из рога оленя, скреплена с лопаткой двумя заклепками. По всей длине ручка обернута ровдужным ремешком, оканчивается головкой орла с небольшими округлыми глазами.

ШАМАНСКИЕ АТРИБУТЫ С Р. ТЫНДА

Хранятся в Амурском областном музее г. Благовещенска. По опросным данным удалось выяснить, что они принадлежали шаману Александру Ивановичу Ростовову из рода Ниноган, 1893 г. рождения, район кочевок — бассейны рек Уркан, Ольдой, Тында, Малый и Большой Желтулак. Атрибуты состоят из кафтана, шапки и бубна. Сохранность удовлетворительная.

Кафтан (табл. 17, 18). Общая длина 155 см, длина куртки 60 см, ширина спины 46 см, длина низа спины 57 см, выемка горловины со спины 28 см, пройма рукава со спины 21 см, глубина проймы 4 см. Длина полы 55 см, длина низа полы 28 см, выемка горловины переда 40 см, пройма рукава переда 23 см. Длина плеча 14 см, длина рукава 47 см, окат рукава 44 см, окружность запястья 28 см.

Изготовлен из шкуры медведя. Шит штуковочным швом. По низу рукавов спускаются две планки дугообразной формы, на правом рукаве по скагу 45 см, на левом 30 см. На рукавах дополнительно подвешены одна за другую еще по две планки, на каждую из которых нашито по два прямоугольника. Низ и бока плавок обшиты бахромой. Концы бахромы у верхних плавок окрашены в красный цвет, у нижних — в синий. Прямоугольники на планках прикреплены обметочным швом с прокладкой волоса из подшейного клокка оленя. Фон прямоугольников на верхних планках рукавов синий, по центру красные полосы. На нижних планках фон оранжевый, по центру нашиты полосы из цветного материала — зеленого и красного.

Спереди на верхних планках рукавов два ряда жгутов, изготовленных из ровдуги, по девять штук в каждом. Длина жгутов первого ряда 25 см, второго 20 см. На нижние планки рукавов нашито по 18 жгутов со стороны спины. Изготовлены из ровдуги, на каждый жгут надета медная трубка длиной 3 см. Жгуты на верхних и нижних планках заканчиваются кистями длиной от 5 до 9 см. Количество лент в кистях от 5 до 16 штук.

Описание поясной бахромы. Ведется с правой полы кафтана по окружности. Состоит из жгутов чуракта и илькукта, лент каптыкакта, эргивлен и кулин. Бахрома подшита с внутренней стороны куртки.

1, 6, 8, 12, 15, 22 (60 см), 27 (70 см) 37, 46, 52 (70 см), 55, 58, 63, 65, 66, 73, 74, 82, 88. Каптыкакта. Длина 75 см (кроме тех, что указана в скобках). Ширина в см: 3, 4, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 4, 3, 3. Лента 6 изготовлена из серой ткани, 15, 65, 74 — из ровдуги, остальные — из черной ткани. Количество поперечных полос: 3, 3, 6, 3, 21, 3, 5, 3, 8, 3, 3, 5, 3, 21, 1, 20, 3, 10. Каптыкакта, изготовленные из ровдуги, имеют охристые поперечные полосы, остальные полосы из белого или цветного материала, укрепленные путем нашивок (табл. 19, 9, 11).

2—5, 7, 9, 10, 13, 14, 18—21, 23—25, 28—33, 35, 39, 40, 44, 45, 48, 50, 51, 56, 59—62, 68—72, 76—81, 83—87, 90. Чуракта. Длина в см: 66, 70, 65, 70, 70, 75, 65, 65, 65, 65, 60, 80, 61, 77, 65, 70, 75, 70, 65, 75, 60, 70, 70, 75, 70, 70, 70, 70, 75, 75, 65, 70, 75, 70, 75, 70, 70, 60, 70, 80, 70, 65. Жгуты 2, 3, 5, 7 сделаны из камуса, сверху обшитого тканью, жгуты 4, 9, 23, 25, 29, 50, 51 изготовлены путем скручивания ровдуги и затяжки сверху меховыми ободками. Остальные жгуты из черной, серой и цветной ткани. Количество меховых ободков: 32, 5, 23, 4, 36, 21, 2, 2, 4, 3, 2, 5, 2, 2, 2, 25, 4, 32, 3, 9, 2, 8, 4, 6, 8, 5, 33, 9, 33, 5, 4, 4, 4, 27, 4, 5, 36, 4, 30, 4, 6, 24, 8, 8, 23, 4, 24, 12, 9, 7, 44, 30. Длина кистей в см: оборвана, 15, 15, 15, 10, 13, 10, 10, 10, 10, 10, 20, 8, 8, 10, 10, 15, 15, 10, 15, 10, 15, 15, 15, 15, 12, 15, 10, 15, две кисти по 15, 15, 20, 15, 20, 15, 10, 15, 10, 15, 15, 20, 15, 15, 20, 15, 8, 10, 10, 15, 5. Количество лент на кистях: нет, 7, 11, 6, 14, 16, 6, 11, 9, 11, 8, 12, 12, 10, 7, 14, 16, 6, 8, 9, 11, 12, 7, 10, 9, 7, 9, 11, 15, 9, у одной девять, у другой — десять; 8, 9, 8, 7, 12, 11, 9, 7, 9, 6, 9, 14, 16, 7, 9, 11, 8, 11, 7, 7, 8 (образец жгута чуракта (см. табл. 19, 15)).

11. Кулин. Длина 50 см, ширина 2,5 см, изготовлен из черного материала, хвост раздвоен, голова не указана, имеет два уса и две пары трехпалых ног (табл. 19, 6).

16. Илькукта. Длина 70 см, изготовлен из ровдуги, кисть длиной 15 см с семью лентами (табл. 19, 16).

17. Кулин. Длина 73 см, ширина 4 см, изготовлена из ровдуги, хвост раздвоен, круговую обшита бахромой шириной 2 см, сверху пристроена красными нитками четырьмя швами серая полоса из ткани шириной 3 см. Головка с двумя вышитыми красными нитками глазами, спереди и сзади ограничена двумя поперечными обшивками из серой ткани. К туловищу подшиты две пары лап, передние с пятью пальцами, задние с четырьмя (табл. 19, 5).

26. Эргивлен. Длина 70 см, ширина 4 см, изготовлен из ровдуги, по всей окружности окантован бахромой. Выполнен в форме стрелы. Вдоль бахромы по окружности «хвоста» шит обметочным швом черный жгут. По всей площади наложена серая полоса с красной лентой по центру. В центре ровдужными ремешками укреплен четырехжильный гарпун с цепочкой (табл. 19, 1). К концу эргивлен подвешена металлическая рыбка, напоминающая хариуса. Верхний плавник длинный, с треугольными нарезками. Глаз отмечен округлым отверс-

тием. Голова выполнена дугообразным очертанием. Хвост раздвоен, снизу имеет два дополнительных плавника (табл. 20, 17).

34. Обрыв ленты каптыкакта. Изготовлена из ровдуги.

36, 41, 47. Каптыкакта. Длина всех жгутов 70 см, ширина 4 см. Изготовлены из ровдуги, края обшиты серой тканью, по центру прочерчена синяя полоса, конец раздвоен (табл. 19, 14).

38. Эргивлен. Длина 60 см, ширина 3 см. Изготовлен из ровдуги, края по окружности окаймлены бахромой. По всей плоскости хвоста подшита серая полоса обметочным швом с прокладкой волоса из подшейного клокка оленя; окаймляется тремя концами иволжистой формы (табл. 19, 7).

42. Эргивлен. Длина 95 см, ширина 3 см, изготовлен из ровдуги, края вкруговую покрыты бахромой. По всей площади нанесена красная полоса, укреплённая обметочным швом с прокладкой волоса из подшейного клокка оленя. На конце булавовидное утолщение и три кисточки (табл. 19, 12).

43. Три ровдужных ремешка длиной 5, 4 и 5 см.

49. Кулин. Длина 75 см, диаметр туловища 1,5 см, хвоста до 0,8 см. Изготовлена путем свертывания ровдуги в трубку и обтяжки сверху светлосерой тканью. По всему телу проходит винтообразная полоса из синей ткани шириной 1 см. Головка с двумя вышитыми белой ниткой глазами отделена от туловища тремя поперечными полосками. К туловищу подшты две пары трехпалых ног (табл. 19, 10).

53. Илькукта. Длина 70 см, на расстоянии 26 см от пояса разделяется на два жгута с кистями на конце. Общая часть жгута обшита ровдугой, при раздвоении один конец — черной, другой — белой тканью, кисти длиной по 10 см, на каждой кисти по 9 лент.

54. Обрыв каптыкакта. Изготовлен из ровдуги.

57. Кулин. Длина 80 см, диаметр наиболее толстой части туловища 2 см, наиболее тонкой 0,8 см. Изготовлена путем скручивания ровдуги и обшивки сверху серой тканью. По туловищу нашито шесть черных полос: три по 3 см и три по 8 см. Имеются две пары трехпалых ног и на голове небольшие черные глазки (табл. 19, 2).

64. Кулин. Длина 70 см, наибольший диаметр 2,5 см, наименьший 0,5 см. На расстоянии 15 см от головы фигурка свернута в кольцо диаметром 8 см. Изготовлена из свернутой ровдуги и сверху обшита светлой тканью. У нее две пары четырехпалых ног и головка с двумя вышитыми глазами (табл. 19, 8).

67. Кулин. Длина 68 см, ширина 1,5 см, изготовлена из серого материала. Имеется три пары трехпалых ног, хвост раздвоен. Голова отделена от туловища поперечной светлой полосой, два глаза вышиты синими нитками (табл. 19, 4).

75. Кулин. Длина 82 см, наибольший диаметр 2,5 см, наименьший 0,5 см. Изготовлена из скрученной и обшитой серым материалом ровдуги. По туловищу нашиты три черных полосы: одна узкая и две широких. У нее две пары трехпалых лап и голова с глазами, вышитыми светлыми нитками (табл. 19, 3).

89. Обрыв.

Металлическая атрибутика кафтана состоит из подвесок, изображающих основные кости скелета шамана, а также духов-помощников шамана. Материалом служило железо.

Кости скелета представлены тремя парами конечностей и цепочкой, выполняющей функцию позвоночника. Кости конечностей выполнены из листового железа, среди них можно выделить конечности человека и медведя (точки указывают расположение фигурок на костюме).

Конечности ног человека. Состоят из костей стопы, голени, бедренной и надколенника (табл. 21, 1, 2). Укреплены чуть выше поясной бахромы на полах парки стопами вниз (табл. 17, точки 1, 2). Общая длина 80 см. Длина бедренных костей 39 и 36 см, небольшими расширениями к надколеннику показаны эпифизы. Со стороны таза просверлены отверстия и вставлены небольшие цепочки для крепления. Со стороны надколенника приклепаны петли для соединения с надколенником.

Надколенники выполнены в виде колец диаметром 2,7 и 3,6 см.

Длина костей голени по 35 см, с обеих сторон утолщениями указаны эпифизы. Для соединения с надколенником приклепана петля. Для крепления со стопами просверлены отверстия. В районе эпифизов просверлено по два отверстия.

Стопы изготовлены в виде человеческих следов с пятью пальцами.

Задние конечности ног медведя. Состоят из костей стопы, берцовых, бедренных и отдельно указанных эпифизов коленных суставов (табл. 21, 4, 6). Укреплены стопами вверх за концы рукавов кафтана (табл. 17, точки 3, 4). Общая длина 82 и 79 см. Длина бедренных костей по 28 см. Концы с небольшими овальными выступами, указывающими на места соединения с эпифизами. На них нанесено по три отверстия для крепления.

Эпифизы выполнены в виде костей-бабок, длина 9 и 8,5 см, по обоим концам отверстия для крепления.

Длина берцовых костей по 28 см. У одной конечности малая и большая берцовые кости выполнены одной пластиной, у второй разделены прямоугольной вырубкой. Таким же способом, как и у бедренных костей, указаны места соединения с эпифизами и места для крепления.

Кости стопы изображают след задней лапы медведя с небольшим прогибом посередине, имеют по четыре пальца и отверстие для крепления.

Кости конечностей между собой связаны проволочными звеньями.

Передние конечности ног медведя. Состоят из костей кисти, локтевой, лучевой, плечевой и отдельно указанных эпифизов коленных суставов (табл. 21, 3, 5). Укреплены под мышками на планках кафтана (табл. 17, точки 5, 6). Общая длина 79 и 80 см. Длина плечевых костей по 28 см. Места соединения с эпифизами переданы овальными выступами, на которых по три отверстия для крепления.

Эпифизы изготовлены в виде костей-бабок, длина по 8 см, по концам отверстия для крепления.

Лучевая и локтевая кости представлены одной пластиной, разделяет их прямоугольная выборка на пластине. Длина 26 и 27 см. На концах овальные выступы, указывающие на места крепления с эпифизами, на которых по три отверстия для крепления.

Кости кистей имитируют след передней лапы медведя, на них по пять пальцев и отверстия для крепления.

Цепочка с пятью звеньями, изображающая позвонки медведя, прикрытые лопаткой. Укреплена на спине по центру, на уровне подмышек (табл. 18, точка 7).

Подвески, указывающие на духов-помощников шамана, представлены зооантропоморфными фигурками, животными, птицами, рыбами, змеями и фантастическими существами.

Зооантропоморфная фигурка, символизирующая образ грома и молнии агды. Расположена на самом высоком месте по центру спины (табл. 18, точка 8). Длина 19 см. У агды округлая голова, напоминающая медвежью, с клинообразными длинными ушам, обрамлена небольшими выступами. Туловище изогнуто. Ноги, с указанными коленными суставами и ступнями, расставлены. Трехпалые руки приподняты, в правой руке держит округлый предмет с отходящими лучами. От плечевого пояса отходят крылья, на которых треугольными выступами указаны перья. К концам крыльев приклепаны овальные пластины. Фигура передана в фас (табл. 22, 3).

Летающая гагара. Расположена чуть ниже зооантропоморфной фигуры (табл. 18, точка 9). Длина 20 см. Туловище и хвост эллипсоидных очертаний. Вытянутая шея чуть приподнята. Голова выполнена небольшим утолщением, клюв длинный и немного изогнут. Узкие широкообразные крылья расставлены в стороны и сильно изогнуты (табл. 22, 4).

Медведь. Расположен чуть левее и на уровне гагары (табл. 18, точка 10). Длина 13 см. Приопущенная голова с открытой пастью и небольшим овальным ухом. Выступом отмечен лоб. Шея, холка, спина и круп описаны дугообразным очертанием. Две ноги с выделенными коленными суставами и небольшими ступнями. В холке отверстие для крепления. Фигура передана в профиль (табл. 20, 14).

Утка-кряква. Расположена чуть ниже и правее гагары (табл. 18, точка 11). Длина 20 см. Туловище грушеобразное, хвост полукруглый с небольшими зубринами, изображающими перья. Вытянутая шея оканчивается овальным расширением, указывающим на голову. Расставленные крылья с подчеркнутыми маховыми перьями (табл. 22, 5).

Лебедь. Расположен чуть правее и на уровне кряквы (табл. 18, точка 12₇). Длина 11 см. Эллипсовидное туловище со слегка заостренным хвостом передано контурной выборкой металла. Вытянутая и изогнутая к хвосту шея по форме напоминает пику. Птица изображена в профиль (табл. 20, 9).

Птица, по очертаниям напоминающая гуся. Расположена на одном уровне и чуть правее лебедя (табл. 18, точка 13). Длина туловища 11 см. Голова приподнятая, шея чуть изогнута, грудь выдается вперед. Птица выполнена в профиль (табл. 20, 6).

Фантастическое существо с треугольной головой, на которой по три выступа с каждой стороны. Расположено на одном уровне и немного правее описанной фигуры (табл. 18, точка 14). Длина 28 см. Глаза переданы отверстиями. Туловище вытянуто и в разрезе округлое. Хвост эллипсовидный. Передние ноги короткие, задние длинные, выполнены в виде листов. Фигурка объемная (табл. 23, 2).

Лебедь. Расположен ниже описанного фантастического существа (табл. 18, точка 15). Туловище удлиненное. Ноги переданы небольшим овальным выступом. Шея круто изогнута и лежит почти на спине. Головка передана небольшим утолщением, плавно сужается к клюву. Птица представлена в профиль, на шее отверстие для крепления (табл. 20, 7).

Фаллос, к которому подвешена голова медведя с ободранной шкурой. Расположены на планке левого рукава под мышкой (табл. 18, точка 16). Фаллос с двумя отверстиями для крепления, длина 10 см. Голова медведя передана очень реалистично. Клинообразный выпуклый лоб плавно переходит в тупоносую морду. Вдавлениями указаны ноздри и глаза. Хорошо передана пасть с клыками (табл. 20, 4; 21, 7).

Продолговатые пластины с волнообразными вырезками по бокам (табл. 18, точки 17, 19). Длина 18 см, ширина 10 см (табл. 20, 1). Расположены под мышками.

Двуглавая птица бамул, предназначенная для борьбы с враждебными духами двуглавого царского орла. Расположена под мышкой левого рукава кафтана (табл. 18, точка 18). Длина 30 см. Туловище и головки в разрезе округлые. От головок туловище плавно сужается, образуя острый угол. По туловищу с одной из головок проходит клинообразные полоски. Две небольшие ножки выполнены прямоугольными выступами. По краям крыльев нанесены поперечные полоски, указывающие на перья (табл. 23, 3).

Фаллос, к которому подвешен тигр за хомутик на шее. Расположены на подрукавной планке под мышкой (табл. 18, точка 20). Длина фаллоса 10 см, с обеих сторон отверстия для крепления. Длина тигра 20 см. Голова приопущена, рот раскрыт, небольшой выемкой указаны ноздри, лоб выпуклый, ухо овальное. Хвост изогнут. Две ноги с указанием коленных суставов и лап. По линии контура нанесены треугольные запилы, изображенные покрыты 24 рядами округлых точек (табл. 20, 2, 4).

Фантастическое крылатое существо. Расположено чуть ниже левой подмышки (табл. 18, точка 21). Туловище выполнено в виде трубки, заостренной со стороны головы. Небольшие расставленные крылья по краям с насечками, указывающими на перья (табл. 21, 8).

Животное, похожее по очертаниям на росомуху. Расположено на одном уровне и чуть правее фантастического крылатого существа (табл. 18, точка 22). Голова с длинной овальной мордой приопущена, небольшим бугорком отмечен лоб, ухо передано плавно описанным выступом. Шея, холка, спина и хвост указаны выпуклой линией. Ноги с намеченными коленными суставами и ступнями. В районе живота и холки отверстия для крепления. Зверь показан в профиль. Длина туловища 10 см (табл. 23, 1).

Зверь, напоминающий лису. Расположен немного правее описанной фигуры (табл. 18, точка 23). Длина вместе с хвостом 17 см. Голова передана овалом, с небольшим клинообразным ухом, выступом намечен лоб. Выделены холка и спина с небольшим прогибом. Хвост приопущен. В районе спины отверстие для крепления. Животное передано в профиль (табл. 20, 18).

Двуглавая птица бамул сходна с вышеописанной, только небольшая разница в передаче крыльев и их крепления. У рассматриваемой птицы крылья гораздо более заострены и приопущены. Укреплены на туловище сверху двумя

ваклепами. Расположена правее и ниже лисы (табл. 18, точка 24). Длина 30 см (табл. 21, 9).

Утка, вид определить трудно. Расположена на уровне выше описанной птицы бамул с правой стороны спинки куртки (табл. 18, точка 25). Длина от головы до хвоста 11 см. Голова с массивным клювом приподнята. Шея и нижняя часть туловища описаны полукругом. Спина с горбинкой, хвост клинообразный. В спине отверстие для крепления. Птица передана в профиль (табл. 20, 16).

Олень-бык. Расположен ниже и правее утки (табл. 18, точка 26). Длина 15 см. Голова прямоугольных очертаний. Низко нависают небольшие ветвистые рога. Ухо закругленное. Четко выделена холка. Указан подшейный клоч волос. Ноги с нанесенными коленными суставами и копытами. В спине отверстия для крепления. Животное показано в профиль (табл. 20, 5).

Фантастическая птица. Расположена на одном уровне и правее оленя (табл. 18, точка 27). Длина 20 см. Эллипсоидная головка с торчащими в стороны ушами. Толстая длинная шея плавно переходит в небольшое клинообразное туловище, длинный шилообразный хвост. Крылья Г-образные, с небольшими нарезками по краям, указывающими на шерсть. В районе шеи отверстие для крепления (табл. 23, 4).

Фантастическое животное. Расположено на левой половине спинки кафтана, ниже всех описанных фигур (табл. 18, точка 28). Длина 17 см. Голова не сохранилась. Туловище плавно сужается и переходит в шилообразный хвост. Имеется шесть прямых ног. Животное передано объемно (табл. 22, 1).

Самка пзюбря. Расположена ниже и левее фантастического животного (табл. 18, точка 29). Длина 12,5 см. Голова приподнята, морда прямоугольного очертания, бугорком подчеркнут лоб, длинное листовидное ухо. Круп изображен дугообразной линией. Ноги с указанием коленных суставов и копыт. Животное передано в профиль (табл. 20, 13).

Самка лося. Расположена на одном уровне и чуть правее пзюбря (табл. 18, точка 30). Длина 14 см. Голова приопущена, указан подшейный клоч, подчеркнута нижняя губа. Лоб выпуклый, длинное ухо овальное. Четыре расставленных ноги с намеченными коленными суставами и копытами. В районе холки отверстие для крепления. Животное передано в профиль (табл. 20, 12).

Пластина с закругленными боками и вертикальными эллипсоидными выемками. По низу три отверстия, к которым прикреплены по бокам пластины, небольшие рыбки и фантастическое существо, передающее образ «мамонта» сэли. Расположены почти в самом низу по центру спинки кафтана (табл. 18, точка 31). Длина пластины 16 см, ширина 5 см. Длина рыбок 8,5 и 7,5 см. Длина «мамонта» 34 см. Рыбки с клинообразными головками, на спине по длинному плавнику, хвосты раздвоены, по животу выступают по два небольших плавничка. Изготовлены в профиль.

«Мамонт» напоминает рыбу-пализа. У него большая голова с огромной пастью, из которой торчит пластина с отверстием для крепления. Голова с туловищем соединена при помощи подвижного шарнира. На ней два небольших глаза, выполенных в виде отверстий, сверху укреплены лосиние рога. По спине проходит длинный прямоугольный плавник. Хвост с треугольной выемкой, небольшие прямоугольные ножки (табл. 22, 2).

Медведь. Расположен ниже и правее описанной композиции (табл. 18, точка 32). Длина 11 см. Голова приопущена, морда прямоугольных очертаний, подчеркнут лоб, ухо передано овалом. Ноги валепкообразные. Зверь изображен в профиль (табл. 20, 3).

Головной убор. Состоит из одной замкнутой полосы — обода и наложенных на него сверху перекрещивающихся полос. На лбу укреплено бронзовое зеркало, на затылке железные рога (см. рис. 42). Тыльная сторона и края перекрещивающихся полос и обода обшиты черным материалом. На перекрещивающиеся полосы сверху по центру одна на другую крест накрест наложены черные полосы шириной по 5 см, на черные полосы — красные, шириной 3 см, на красные — белые, шириной 1 см. Все полосы укреплены накладным швом. Снизу по ободу нашита красная полоса шириной 3 см, по центру она разделена двумя строчками, сделанными накладным швом. Длина по ободу 55 см.

Зеркало изготовлено из бронзы. На тыльной стороне отлито ушко для крепления и оставлена зернистая шероховатость от литья. Наружная сторона и бока хорошо отшлифованы. Диаметр 7 см.

Высота рогов 35 см, размах 31 см. Изготовлены из цельного прута железа. Основание эллипсовидное, по центру с выемкой. Сами рога округлые, имеют по шесть заостренных отростков и по одному недоразвитому шипу.

Во внутреннюю часть шапки под зеркалом вшита птица, изготовленная из олова. Она напоминает взлетающего лебедя, служила вместилищем шаманской души (табл. 15, 8).

С внутренней стороны вкруговую по ободу нашито 30 жгутов чуракта с чередующимися ободками из кожи и тканп. Все кожаные ободки без меха. На конце жгутов кисти с разным количеством лент, некоторые ленты окрашены поперечными полосами.

Описание жгутов ведется от центрального спереди, слева направо (табл. 24, 5).

Длина жгутов в см: 17, 17, 20, 22, 17, 17, 18, 19, 17, 17, 15, 13, 17, 14, 23, 16, 16, 10, 15, 15, 30, 15, 15, 15, 17, 16, 17, 11, обрыв, 16. Количество ободков: 3, 3, 7 (3 пз тканп), 4, 2, 3 (2 из тканп), 5, 3, 3, 3, 3 (2 из тканп), 3, 3, 2, 3, 3, 3 (один из тканп), 3, 3, 9, 3, 3, 5, 3, 4, 3, 3 (2 из тканп), нет, 3. Длина кистей в см: 10, 10, 13, 9, 10, 10, 13, 13, 9, 10, 9, 10, 10, 8, 17, 9, 9, 7, 9, 9, 20, 9, 9, 9, 10, 9, 10, 7, нет, 9. Количество лент на кистях: 10, 10, 19, 10, 11, 18, 8, 11, 8, 12, 14, 9, 9, 9, 10, 10, 18, 10, 10, 18, 8, 9, 13, 13, 17, 13, 13, 18, нет, 8. Ленты жгутов 1, 3, 5, 8, 26, имеют поперечных охристых красных полос: 10, 4, 10, 10, 10. У 28-го жгута на лентах по две поперечных полосы из синего и красного материала.

Бубен (табл. 25). Овальной формы, 75 см в продольном сечении, 58 см в поперечном. Обечайка эллипсовидных очертаний, изготовлена из ливеницы, в продольном сечении 61 см, в поперечном 44 см, ширина 12 см. На внешней стороне восемь резонаторов: четыре больших сверху, снизу и по бокам и четыре маленьких, расположенных между большими. Резонаторы конусообразной формы, изготовлены из шести березовых палочек, высота больших резонаторов по 12 см, маленьких по 6 см. Сверху на резонаторы положены ровдужные лоскутки, вкруговую по внешней стороне обечайки обтянутые жильной ниткой. В обечайке вовнутрь больших резонаторов прорезаны четыре щели.

Обечайка вместе с резонаторами обтянута невделанной лосиной кожей с обскобленным мехом. С тыльной стороны кожа приклеена к обечайке клеем. Внутри бубна в обечайку напротив больших резонаторов вбиты четыре М-образные скобки. К ним металлическими пластинами прикреплена железная крестовина. Крестовина с внешней стороны ограничена металлическим овалом, а внутри, в месте сплетения полос — кругом. Круг и лучи крестовины обтянуты ровдужными лентами. Внутри бубна к скобам вкруговую прикреплены железная проволока, на которой подвешены шесть железных рыбок. На брюшке четыре рыбки имеют по одному плавнику, одна — два и одна — три (табл. 23, 5, 6; 26; 8—11).

С внешней стороны бубна по всей окружности нанесены две красных полосы, между ними ромбовидная красная линия. Сверху, снизу и от боков отходят четыре фигурки, напоминающие наличники на окнах (табл. 26, 3). Около них изображены зоантропоморфные фигурки, похожие по очертаниям на стоящих на задних лапах медведей. Фигурки нанесены в профиль, высота 6 и 7 см. У них овальные головки с треугольными ушками. Ноги от таза плавно сужаются и заканчиваются ступнями. Передние конечности приподняты (табл. 26, 4—7).

В верхней части бубна нанесены солнце и месяц. Солнце передано кругом, внутри которого шесть сходящихся линий (табл. 23, 8). Месяц изображен полукруглостью с отходящим треугольным выступом (табл. 23, 9).

Между зоантропоморфными фигурками расположены медведь, пзюбрь, лось и лосиха. Все животные изображены в профиль и по контуру залиты краской: медведь черной, все остальные красной.

Медведь с клинообразной мордой, длинным треугольным ухом. Шея изогнута. Холка, спина, круп и задняя нога описаны плавной дугообразной линией. Конечности слегка изогнуты, обрисованы ступни (табл. 26, 1).

Изюбрь изображен очень реалистично. У него огромные рога, выставленные вперед, легкая голова с заостренной мордочкой. Длинное ухо передано овалом. Голова приподнята, выделена холка, спина с небольшим изгибом, небольшой треугольный хвостик. На ногах показаны коленные суставы и небольшие, слегка намеченные копыта (табл. 26, 2).

Лось с массивным туловищем, голова приопущена, морда слегка изогнута и заострена. Небольшие рога с тремя отростками. Ухо передано овалом, обрисован подшейный шлок. Выделена холка. Прямая спина и круп описаны дугообразной линией. Выделены коленные суставы и копыта (табл. 23, 7).

Лосиха изображена в состоянии быстрого бега. Приопущенная голова наклонена вперед. Круп передан клином. Ноги согнуты в коленных суставах и сведены, копыта не указаны.

ШАМАНСКИЕ АТРИБУТЫ С Р. БОЛЬШОЙ ОЛЬДОЙ

Один кафтан хранится в Амурском областном музее краеведения г. Благовещенска, второй с нагрудником — в районном музее краеведения г. Зеи (был передан из Благовещенского музея). По опросным данным удалось выяснить, что они принадлежали Семену Афанасьевичу Григорьеву из рода Каптугар, 1862 г. рождения, район кочевок — левые притоки верховья Амура: Большой и Малый Ольдой, Амуткачи, Чичатка. Шаманские атрибуты были изъяты в 1926 г. И. Чалкиным и доставлены в г. Сковородино.

Костюм № 1

Кафтан (табл. 27, 28) из Амурского областного музея краеведения г. Благовещенска. Он сильно пострадал от пожара, и первоначальный вид установить невозможно. Был описан до пожара. Это описание является единственным источником, по которому можно представить первоначальный облик кафтана.

Общая длина 125 см, длина куртки 68 см, ширина спины 70 см, выемка горловины со спины 23 см, длина низа спины 85 см. Длина полы 62 см, длина низа полы 42 см. Выемка горловины спереди 28 см. Спереди, от горловины до подмышек полы имеют клинообразную выемку и не сходятся. Длина рукава 60 см, окружность рукава по запястью 45 см. Куртка изготовлена из ровдуги лося, хорошо продумлена. Передняя и задняя части куртки совершенно одинакового покроя, только спереди имеется разрез для пол и более глубокий вырез горловины. Сшита по плечам, рукавам и бокам шпунтовочным швом. Горловина обшита тонкой ровдугой. По краям бортов пришиты четыре пары ровдужных ремешков.

Во всю спину кафтана нанесено изображение шкуры рыси. Длина от морды до конца хвоста 63 см, между концами передних лап 74 см. Внешняя полоса по контуру фиолетовая, внутренняя красная. Шкура передана в развернутом виде. Лапы расставлены по сторонам, хвост опускается до самого низа куртки. Морда почти касается ворота. От верхней части морды отходят девять фиолетовых полосок. Такие же полоски нанесены на концах лап: на передней правой пять полосок, левой четыре; на задней правой четыре, левой пять.

Ноги, хвост и туловище покрыты прямыми и серпообразными мазками, 40 красных и 32 фиолетовых. Места глаз и ушей отмечены фиолетовым цветом (табл. 14, 9).

Вкруговую, по груди через плечи и спину кафтана подшита бахрома, состоящая из 177 лент. Длина лент 10 см, все прокрашены семью поперечными красными линиями.

По окружности рукавов на расстоянии 2 и 20 см от края нанесены по две красных полосы. По нижнему шву рукавов подшита бахрома. На правом рукаве у бахромы 25 лент, расширяющихся постепенно в сторону бокового шва, шириной от 3 до 10 см. На ленте бахромы нанесено от одной до трех поперечных красных полос. На левом рукаве у бахромы 24 ленты, которые имеют от одной до трех поперечных красных полос. С обеих сторон бахромы ленты опускаются, образуя угол, концы лент расположены на расстоянии 1 см от края рукава, 5 см от бокового шва, вершина угла — на расстоянии 15 см от бокового шва. На правом рукаве на расстоянии 16 см от края укреплено кольцо из белой ткани (ширина полосы ткани 2,5 см), сверху на него нашита лента из красной ткани шириной 2 см.

На правом рукаве спереди вдоль верхнего шва нашито 17 жгутов чуракта (табл. 27, 2).

Длина жгутов в см: 20, 15, 15, 15, 13, 13, 10, 10, 18, 13, 18, 12, 12, 12, 11, обрыв, 13. Расстояние жгутов от края рукава в см: 2, 6, 10, 17, 21, 23, 25, 25,

2, 8, 32, 36, 40, 40, 40, 40, 40, 41. Расстояние крепления жгутов от верхнего шва в см: 4, 3, 3, 3, 2, 1, 1, 1, 1, 1, 1, на шве, 1, 3, 6, 10, 14. Количество ободков из камуса: 8, 4, 5, 3, 3, 3, 3, 2, 4, 2, 4, 4, 4, 2, нет, 3. Длина кистей в см.: 11, 7, 7, 7, 7, 9, 4, 4, 12, 7, 12, 7, 7, 7, 6, нет, 7. Количество лент на кистях: 16, 13, 15, 15, 14, 6, 24, 29, 8, 12, 8, 9, 8, 11, 10, нет, 8. На четвертую ленту 12-го жгута нанесено пять черных поперечных полос, а на пятую — по четыре черных и четыре красных. На лентах 14-го жгута нанесено по четыре черных и по четыре красных поперечных полосы.

На правом рукаве сзади вдоль верхнего шва нашито 12 жгутов чуракта (табл. 28, 2).

Длина жгутов в см: обрыв, 18, 16, 16, 16, обрыв, 18, обрыв, 18, 8, 12, 17. Расстояние от края рукава в см: 4, 9, 12, 17, 21, 22, 24, 26, 30, 34, 38. Расстояние крепления жгутов от верхнего шва в см: 3, 3, 2, 1, 4, 3, 3, 1, 3, 10, 9, 5. Количество меховых ободков: нет, 2, 4, 4, 3, нет, 3, нет, 4, 1, 2, 3. Длина кистей в см: нет, 11, 10, 10, 10, нет, 11, нет, 10, 6, 7, 9. Количество лент в кистях: нет, 6, 4, 5, 7, нет, 6, нет, 5, 12, 10, 6. Количество красных поперечных полос на лентах: нет, 6, 5, 5, 5, нет, 5, нет, 5, 3 красных и 3 черных, нет, 5.

На левом рукаве спереди вдоль верхнего шва нашито 16 жгутов чуракта (табл. 27, 2).

Длина жгутов в см: обрыв, 18, обрыв, 18, 16, 18, 15, 12, 18, 13, 10, 13, 13, 15, 15, 13. Расстояние жгутов от края рукава в см: 3, 7, 10, 12, 16, 20, 25, 30, 32, 34, 40, 40, 42, 42, 42, 42. Расстояние жгутов от шва в см: 1, 1, 1, 1, 1, 1, на шве, 1, на шве, 1, 1, 4, 9, 11, 16, 21. Количество кожаных ободков: нет, 1, 5, 1, 4, 1, 4, 2, 2, 4, 4, 3, 5, 2, 4, 3. Длина кистей в см: нет, 11, нет, 12, 10, 12, 6, 7, 12, 7, 6, 7, 7, 8, 8, 7. Количество лент в кистях: нет, 7, нет, 8, 13, 9, 9, 14, 8, 7, 8, 8, 13, 9, 15, 14. На лентах на 11-м и 12-м жгутах нанесено по три черных и по три красных поперечных полосы.

На левом рукаве сзади вдоль верхнего шва нашито 13 жгутов чуракта (табл. 28, 2).

Длина жгутов в см: обрыв, обрыв, 18, 18, 18, 17, 17, 18, 14, 11, 13, 13, 13. Расстояние нашивки жгутов от края рукава в см: 4, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 42, 42, 42, 42, 42. Расстояние от верхнего шва в см: 5, 5, 5, 5, 5, 5, 6, 11, 16, 1, 1, 1. Количество кожаных ободков: нет, нет, 3, 4, 3, 3, 3, 3, 2, 2, 2, 2, 2. Длина кистей в см: нет, нет, 10, 10, 10, 10, 10, 11, 6, 6, 7, 7, 7. Количество лент в кистях: нет, нет, 4, 4, 4, 6, 5, 5, 10, 10, 7, 7. На лентах жгутов 3 и 8 нанесено по пять поперечных красных полос.

Чуть ниже подмышек на расстоянии 30—32 см от низа куртки круговую по кафтану нашито ряд жгутов чуракта и кольцо, изготовленное из монеты. Все жгуты однотипны, исключение представляют двоянные жгуты, укрепленные по центру спинки. На правой поле расположено девять жгутов (табл. 29, 1), на спине — 18 жгутов и кольцо (табл. 30, 2), на левой поле — девять жгутов (табл. 29, 1). Описание ведется с края правой поля.

Длина жгутов в см: 25, 13, 23, 13, 23, 12, 23, 13, обрыв, 15, 22, 13, 22, 20, 15, обрыв, 23, 20, 13, обрыв, 20, 15, 12, 23, 13, 20, 15, 25, 15, 23, 14, 24, 14, 26. Количество кожаных ободков: 5, 3, 3, 3, 3, 3, 4, 3, нет, 3, 4, 3, 4, 3, 3, нет, 4, 4, 3, нет, 5, 3, 3, 3, 3, 4, 3, 4, 3, 3, 3, 3, 3, 3. Длина кистей в см: 13, 10, 13, 13, 13, 12, 13, 9, нет, 11, 13, 9, 13, 13, 11, нет, 13, 10, 8, нет, 12, 10, 8, 12, 8, 12, 12, 12, 12, 13, 9, 14, 10, 16. Количество лент на кистях: 5, 8, 5, 6, 6, 7, 5, 8, нет, 6, 5, 7, 5, 8, 6, нет, 5, 7, 6, нет, 7, 7, 9, 7, 4, 6, 6, 7, 8, 5, 4, 6, 5. Ленты на жгутах 1, 3, 5, 7, 11, 13, 17 имеют по пять красных поперечных полос; 18, 21, 24, 26, 28 — по шесть таких же полос; 14 — по четыре красных и по три черных, чередующихся между собой.

Кольцо, изготовленное из медной монеты 1916 г. достоинством в 3 коп., вшито между 12-м и 13-м жгутами с правой стороны на спинке.

Два шпильки вместе жгута длиной 80 см. пришитые по центру спинки между 17-м и 19-м рассмотренными жгутами, имеют: правый 25 кожаных ободков, левый 23.

На расстоянии 20 см от начала оба жгута обшиты одним кожаным ободком шириной 3 см. Кисть правого жгута длиной 45 см с 25 лентами, на которых по 16 поперечных полос: 12 красных и четыре черных. Кисть левого жгута такой же длины с 14 лентами, на которых по 15 поперечных полос: 11 красных и четыре

черных. К левому жгуту на расстоянии 6 см от начала дополнительно пришит еще один жгут длиной 15 см, имеет три кожаных ободка, кисть длиной 10 см с 22 лентами.

Ниже первого кругового ряда жгутов, в 10 см от низа куртки, нашит второй такой же круговой ряд жгутов чуракта. На правой поле расположено девять жгутов (табл. 29, 3), на спине — 18 (табл. 30, 3), на левой поле — 12 жгутов (табл. 29, 3). Описание ведется с края правой полы по окружности парки.

Длина жгутов в см: 65, 45, 65, 35, 70, 65, 35, 65, 35, 65, 40, 33, 65, 40, 65, 33, 30, 40, 65, 40, 65, 33, 65, 33, 54, 65, 70, 40, 65, обрыв, 65, 33, 70, 65, 33, 33, 65, 35, 70. Количество кожаных ободков: 9, 11, 10, 3, 24, 9, 3, 9, 3, 9, 13, 3, 10, 3, 13, 3, 3, 13, 3, 13, 3, 13, 3, 7, 9, 13, 3, 9, нет, 9, 3, 22, 9, 3, 2, 9, 1, 30. Длина кистей в см: 35, 20, 40, 30, 25, 35, 30, 35, 30, 35, 15, 23, 35, 25, 35, 23, 20, 25, 35, 25, 35, 23, 35, 23, 25, 35, 40, 30, 35, нет, 35, 23, 34, 35, 23, 25, 35, 20, 25. Количество лент в кистях: 7, 13, 5, 13, 10, 5, 16, 5, 11, 4, 16, 7, 7, 5, 5, 8, 5, 8, 5, 8, 5, 9, 5, 15, 10, 6, 8, 15, 6, нет, 5, 16, 9, 5, 16, 15, 6, 14, 12. Ленты на жгутах 1, 6, 8, 13, 29, 34, 37, 39 имеют по 11 красных поперечных полос; 2, 7, 9, 12, 16, 22, 25, 32, 33, 35, 36, 38 — по четыре красных и по четыре черных, чередующихся между собой поперечных полосы; 3 — 12 красных, 4, 28 — по пять красных и по пять черных, чередующихся между собой поперечных полос; 10, 15, 26, 31 — по 13 красных; 14, 20, 21, 23 — по пять красных и по четыре зеленых, чередующихся между собой поперечных полосы; 18, 19 — по пять красных и по пять зеленых, чередующихся между собой поперечных полос; 25 — 25 серых. К 11-му и 12-му жгутам подшиты две ленты из красного материала длиной по 30 см.

По внутренней стороне низа куртки нашит третий круговой ряд, состоящий из жгутов чуракта и плюккута. На правой поле пять жгутов (табл. 29, 1), на спине 12 (табл. 30, 4), на левой поле пять жгутов (табл. 29, 1). Описание ведется с края правой полы.

Длина жгутов в см: 17, 17, 13, 13, 13, 17, 13, 25, 25, 12, 25, 12, 17, 12, 13, 13, 13, 13, 17, 13, 17. Количество ободков на жгутах: 1, 1, нет, нет, нет, 1, нет, 6, 6, 2, 6, 2, 1, 2, нет, нет, нет, нет, 1, нет, нет. Длина кистей в см: 10, 10, 9, 7, 9, 10, 9, 15, 9, 8, 15, 8, 10, 8, 9, 9, 9, 9, 10, 9, 10. Количество лент в жгутах: 6, 6, 6, 9, 5, 7, 7, 21, 21, 21, 15, 20, 7, 17, 8, 7, 6, 8, 6, 7, 6, 6. Ленты на жгутах 1, 2, 3, 4, 13, 15—17, 19, 20—22 имеют по две черных и по одной красной поперечной полосе. Жгут 9 укреплен ровдужной лентой длиной 22 см.

На расстоянии 26—27 см от выреза горловины, левее от центра, по спине нашиты три «хвоста» эргивлен и два жгута чуракта, а ниже и правее — еще один эргивлен и два чуракта (табл. 30, 1).

Описание ведется от центра влево.

1. Эргивлен. Длина 85 см, на расстоянии 53 см от начала делится на три жгута длиной по 32 см; длина кистей 17 см. Основной жгут имеет 27 кожаных ободков. Первый дополнительный жгут имеет восемь ободков, четыре из зеленой ткани, три из красной и один кожаный, кисть с 11 лентами, на которые нанесено по 13 красных поперечных полос. Второй дополнительный жгут имеет 10 кожаных ободков, кисть с девятью лентами, на которых по 12—13 красных поперечных полос. Третий дополнительный жгут имеет восемь ободков, три из красного материала, три из зеленого и два кожаных, кисть с 13 лентами, на которые нанесено по 13 красных поперечных полос.

2. Чуракта. Длина 85 см, имеет 51 ободок, три из красного материала, три из зеленого и 45 кожаных; кисть длиной 22 см с 10 лентами.

3. Эргивлен. Длина 78 см, на расстоянии 49 см от начала делится на три дополнительных жгута. Участок длиной 49 см имеет 24 кожаных ободка. Правый дополнительный жгут длиной 28,5 см имеет восемь ободков, по три из красного и зеленого материала и два кожаных; кисть длиной 15 см с 15 лентами, на которых по 10 красных поперечных полос. Второй дополнительный жгут длиной 28 см имеет 11 кожаных ободков, кисть длиной 15 см с 13 лентами, на которых по 10 красных поперечных полос. Третий дополнительный жгут длиной 30 см имеет восемь ободков, три из красного материала, три из зеленого и два кожаных, кисть длиной 14 см с восемью лентами, на которых по 10 красных поперечных полос.

4. Эргивлен. Длина 79 см, на расстоянии 49 см делится на три дополнительных жгута длиной по 30 см, кисти по 16 см. На участке основного жгута длиной 49 см 32 кожаных ободка. Первый дополнительный жгут имеет 10 ободков, по четыре из красного и зеленого материала и два кожаных, кисть с 14 лентами, на которых по 8—11 красных поперечных полос. На втором дополнительном жгуте 12 кожаных ободков, кисть с 12 лентами, на которых по 11 красных поперечных полос. На третьем дополнительном жгуте 10 ободков, по четыре из красного и зеленого материала и два кожаных, кисть с 10 лентами, на которых по 10—11 красных поперечных полос.

5. Чуракта. Длина 85 см, имеет 40 ободков, три из красного материала и 37 кожаных, кисть длиной 43 см с 27 лентами — 11 лент без поперечных полос, а 16 лент имеют 30 черных и красных полос, чередующихся между собой.

6. Чуракта. Длина 70 см, имеет 33 ободка, 13 из красного материала и 20 кожаных, кисть длиной 25 см с 19 лентами, на которых по 12 красных поперечных полос.

7. Чуракта. Длина 55 см, 29 кожаных ободков, кисть длиной 25 см с 15 лентами, на восьми лентах по 23 красных поперечных полосы, на семи полос нет.

8. Чуракта. Длина 50 см, имеет 17 кожаных ободков, кисть длиной 13 см с 20 лентами, на которых по восемь красных поперечных полос.

На кисти первого кругового ряда жгутов, посередине спинки куртки нашита ровдужная горизонтальная планка длиной 18 см и шириной 3 см, от нее с небольшим наклоном к левому боковому шву отходит вторая — длиной 30 см и шириной 3 см (табл. 29, 2). С правой стороны горизонтальной планки подшит жгут длиной 19 см, на нем три кожаных ободка, кисть длиной 13 см с восемью лентами, на которых по четыре красных и по три черных чередующихся поперечных полосы.

На расстоянии 3 см от жгута укреплена коническая трубка 13 см длиной с крючком для крепления (табл. 31, 15).

По центру горизонтальной планки проходят шесть лент длиной по 30 см, шириной до 2 см. Верхними концами ленты укреплены на расстоянии 22 см от горловины спинки. На нижнем конце к ним прикреплены конические трубки диаметром от 0,9 до 1,8 см. Левее их в одной точке пришито еще четыре ленты длиной от 18 до 20 см. К их концам подвешены такие же конические трубки, как и на более длинные ленты (табл. 31, 17).

К левому краю горизонтальной планки подшит жгут длиной 85 см, на расстоянии 65 см он расходится на три дополнительных жгута длиной по 20 см, кисти по 12 см. На общем участке длиной 65 см девять кожаных ободков, дополнительные жгуты имеют по семь ободков, по три из черного материала, по два из красного и по два кожаных. Кисти имеют по 13 лент, на каждой нанесено 6 фиолетовых поперечных полос.

По верхнему краю наклонной планки нашито 18 лент длиной от 10 до 13 см, одна лента 33 см; концы лент зажаты коническими трубками, как и вышеописанные (табл. 31, 17).

Металлическая и выполненная из ровдуги атрибутика кафтана символизирует кости скелетов шамана и его духов-помощников,местилища духов-помощников и небесные тела.

Цепочка (бронза). Длина 75 см, состоит из 36 звеньев, напоминающих цифру 8, к 26-му и 27-му звеньям укреплены еще по одному дополнительному звену. Расположена по центру спинки куртки с внутренней стороны на расстоянии 10 см от горловины (табл. 27, 1, точка 1).

Пластинки (железо). Длина 5,5 см, ширина 2 см. Одна сторона с прямыми углами и отверстием для крепления, вторая полукруглая. Укреплены на плечевых швах в 10 см от горловины (табл. 27, точки 2, 5; 31, 16).

Круги (железо). Диаметр 4,5 см, по центру по два отверстия для крепления. Укреплены на плечевых швах в 65 см от горловины (табл. 27, точки 3, 4; 32, 8).

Изображения кукушек (ровдуга). Длина одной 7 см, головка с треугольным клювом приподнята. Верхняя часть туловища и хвост описаны изогнутой линией, ножки выполнены небольшими отростками, хвост прямоугольный (табл. 32, 12). Нижнее изображение длиной 6 см, ликообразная головка вытянута. Хвост клинообразный (табл. 32, 11). Расположены на правом плече в 10 см от плечевого шва (табл. 27, точки 6, 7).

Изображения дятлов (ровдуга). Длина 6 и 7 см. У них округлые головки с треугольными носами (табл. 32, 3, 4). Расположены на левом плече в 10 см от плечевого шва (табл. 27, точки 8, 9).

Кости скелета (бронза). Длина 10,5 см. Представлены позвоночным столбом, от которого отходят семь пар ребер и тазовый пояс. В верхней части позвоночного столба и в тазовых костях три отверстия для крепления (табл. 32, 10). Укреплены на краю левого борта в 10 см от горловины (табл. 27, точка 10).

Округлые диски (железо). Диаметр по 11 см, по центру имеют по два отверстия для крепления. Укреплены на груди в 20 см от плечевого шва (табл. 27, точки 11, 12).

Изображение птицы (бронза). Длина 12 см. Шея вытянута, головка обозначена небольшим утолщением, с одной стороны имеет два бугорка, крыло прижато к туловищу, часть туловища и второе крыло обломаны (табл. 32, 5). Снизу к фигурке птицы проволокой привязан железный предмет, с одной стороны с округлым отверстием, напоминающий каменный топор (табл. 32, 6, 7). Укреплена подвеска на краю левого борта в 20 см от горловины (табл. 27, точка 13).

Объемное изображение птицы, отлито из олова и обшито ровдугой. Длина от носа до хвоста 6,5 см. Головка с заостренным треугольным носиком приподнята, туловище округлое, хвост овальный, ножки выполнены небольшими выступами (табл. 32, 9). Вшит под мышкой правого рукава и снаружи не видна (табл. 27, точка 14).

Колокольчик (бронза). Полукруглой формы, диаметр 2,2 см. В верхней части два отверстия и квадратное ушко с отверстием для крепления (табл. 33, 10). Укреплен внизу правого рукава (табл. 27, точка 15).

Кости предплечья (железо). Длина 17 см. Выполнены одной подвеской, разделены выборкой в форме ивового листа. На концах расширениями указаны эпифизы и отверстия для крепления (табл. 31, 20). Укреплены по верхней части рукавов со стороны спины (табл. 28, точки 16, 19).

Плечевые кости (железо). Длина 17 см. По краям расширениями указаны эпифизы, на которых проделаны отверстия для крепления (табл. 31, 19). Укреплены по верхней части рукавов, со стороны спины, выше костей предплечья (табл. 28, точки 17, 18).

Плоскостное изображение головы рыси (железо). Длина 6,3 см. Морда выполнена овалом с небольшими треугольными выступами по бокам. Верхняя часть головы срезана прямой линией. Две ноздри и глаза выполнены отверстиями (табл. 33, 1). Укреплена по центру спинки на расстоянии 3 см от горловины на морде изображенной шкуры рыси (табл. 28, точка 20).

Рога (железо). Высота 7 см, размах 8 см. Один имеет пять отростков, второй — четыре (табл. 32, 1). Укреплены в 12 см от горловины по центру спинки (табл. 28, точка 21).

Ровдужный ремешок, на который надето 25 железных ободков. Длина 65 см. После третьего металлического ободка отходит жгут чурачка длиной 28 см. На нем 17 ободков, по семь из красного и черного материала и два кожаных, кисть длиной 14 см с 12 лентами (табл. 32, 13). Укреплен в 18 см от горловины по центру спинки (табл. 28, точка 22).

Рога (железо). Высота 7 см, размах 10,5 см. Имеют по два отростка (табл. 32, 2). Укреплены в 23 см от горловины по центру спинки (табл. 28, точка 23).

Круг с насечками по краям (бронза). Диаметр 4 см, по центру имеет два отверстия для крепления (табл. 31, 2). Укреплен в 26 см от горловины по центру спинки (табл. 28, точка 24).

Круг (бронза). Диаметр 7 см, по центру два отверстия для крепления внутри окружности, вокруг которой нанесено 30 насечек, вписанных во вторую окружность (табл. 31, 1). Укреплен чуть ниже и левее описанного круга (табл. 28, точка 25).

Часть скелета, состоящая из туловища, костей ног и печочки, символизирующей позвоночник (железо). Кости туловища выполнены одним очертанием. Длина 9 см. Плечевой пояс сверху заострен, талия заужена, таз передан двумя выступами. В плечевом поясе одно отверстие, по талии и в поясе таза по два. От плечевого пояса отходит печочка, имеющая 12 звеньев и кольцо, за которое она закреплена. Кости ног прикреплены к талии, у них указаны кости стопы, голени и бедренные. Соединены между собой и с туловищем проволочными петлями.

Длина костей стопы 3,8 см. Представляют прямоугольную планку, плавно расширяющуюся и заканчивающуюся пятью пальцами. В одной стопе один палец отломан.

Кости голени представлены одной подвеской длиной 11,5 см, по краям имеют отверстия для крепления и слегка расширены.

Бедренные кости длиной по 10,5 см, расширениями указаны эпифизы, по краям имеют отверстия для крепления (табл. 33, 11). Весь костяк укреплен в 35 см от горловины по центру спинки (табл. 28, точка 26).

Система подвесок, символизирующих ребра, и погремущки (железо) (табл. 29, 4; 31, 3, 6). Укреплены на четырех проволоках, которые подвязаны к кольцам (табл. 28, точки 27—31).

На расстоянии 40 см от горловины спинки укреплено кольцо, с небольшим наклоном от него влево и вправо на расстоянии по 20 см укреплены еще два кольца, связанные с центральным проволокой. На эти проволоки наизано по восемь погремущек. Погремущки длиной по 16 см и по 2 см в диаметре, с одного конца расширены и имеют отверстия для крепления (табл. 31, 18).

На расстоянии 11 см от центра и от подвески №22 закреплены два кольца, соединенные с наклонными рядами погремущек проволокой, на которую надето по трубке длиной по 14 см. С одной стороны трубки расплющены и имеют отверстие для крепления (табл. 31, 13) и по восемь пластинок с отверстиями по обеим сторонам (табл. 31, 14). Трубки символизируют ключицу, пластинки ребра.

Круг с отходящими отростками (бронза). Диаметр 4 см, имеет два отверстия для крепления (табл. 33, 9). Укреплен с левой стороны спинки на расстоянии 15 см от низа и в 10 см от бокового шва (табл. 28, точка 32).

Круг с отходящими отростками (бронза). Диаметр 2,5 см, имеет два отверстия для крепления (табл. 33, 7). Укреплен в 5 см правее вышеописанного (табл. 28, точка 33).

Бронзовая монета 1916 г. достоинством в 3 коп. с вырубленной середкой (табл. 31, 12). Укреплена четвертой по счету среди первого кругового ряда жгутов (табл. 28, точка 34).

Три скопления кружков из жести. Диаметр кружков от 1,5 до 2,5 см, все имеют по два отверстия для крепления. В скоплении с левой стороны спинки восемь кружков (табл. 28, точка 35; 31, 4, 5, 7—11). В верхнем и нижнем скоплениях с правой стороны спинки по шесть кружков (табл. 28, точки 36, 37; 33, 2—6, 8).

Костюм № 2

Кафтан (табл. 34, 35) из районного музея краеведения г. Зеп. Сохранность удовлетворительная. Куртка цельнокроенная со вставленными продольными клиньями по спинке и груди. Длина 150 см, длина куртки 78 см, ширина спинки 64 см, выемка горловины со спины 22 см, длина низа спинки 95 см. Покрой передней части куртки ничем не отличается от спинки, только гораздо глубже вырез горловины — 85 см и имеется небольшая клинообразная выемка по центру низа. Длина плеча вместе с рукавом 58 см, окружность рукава по запястью 32 см. Высота бокового шва 42 см. Куртка изготовлена из ровдуги лоса. Шита по низу рукавов и бокам штучочным швом. Горловина обшита тонкой ровдугой. С внутренней части правой стороны горловины пришта петля с двумя прорезями. На расстоянии 13 см от верха горловины на груди нашты две планки. Бока и их верхняя часть описаны дугообразным очертанием, низ — прямая линия. Со стороны низа в каждой планке выбраны треугольные выемки, длина низа планок по 18 см. Со стороны спинки в 5 см от горловины во всю спину нашты горизонтальная планка, суживающаяся по центру и краям, длиной 50 см. На расстоянии 10 см ниже подмышек куртки нашты круговая полоса шириной 5 см, к низу куртки с внутренней стороны пришта вторая круговая полоса, край которой обшит черной тканью, ширина полосы 10 см.

П р а в ы й р у к а в (табл. 36, 1—4). В круговую запястье рукава обшито полосой черной ткани шириной 6 см, к этой обшивке примыкает круговая полоса из зеленого материала шириной 1 см. В 11 см от края рукава наложена

вторая полоса из белой ткани шириной 2 см; в 18 см от края рукава проходит третья полоса из белой ткани шириной 2 см; в 25 см от края рукава — четвертая круговая полоса из черной ткани шириной 1 см; в 36 см от края — пятая полоса из зеленого материала шириной 1 см. На расстоянии 43 см от края по окату рукава нанесена шестая полоса из малиновой ткани шириной 1 см. Все поперечные полосы наложены на продольные, которые нашиты вкруговую на рукава примерно через одинаковые промежутки. Общее количество их восемь штук: по четыре из красного и черного материала. Начинаются они от черной окантовочной полосы и касаются последней, малиновой.

После нашивки полос на рукав нанесены две железные пластины прямоугольных очертаний и треугольных в разрезе, выполняющие функцию костей предплечья и плечевой кости. По краям и посередине пластин нанесено по шесть отверстий для крепления; пластины соединены между собой цепочкой из пяти звеньев. Длина пластины, символизирующей кость предплечья, 18,2 см, ширина 2,5 см (табл. 37, 1, 2). Укреплены на задней части рукава (табл. 35).

Сверху металлических планок между четвертой и пятой поперечными полосами на рукав наложена ровдужная лента типа повязки. Сзади во всю ее ширину (6 см) нашита планка из зеленого материала, на которую, в свою очередь, нашита красная планка шириной 3 см; по центру красной проходит белая полоса шириной 1 см. По центру белой полосы укреплена бронзовая крючкообразная скоба длиной 15 см (табл. 37, 10). Спереди планка напоминает кисть руки с отходящими двумя отростками длиной по 20 см из зеленого материала. Кисть обшита зеленой тканью, центральный палец из белой ткани, два пальца, соприкасающиеся с ним, из красной, два крайних из зеленой ткани (табл. 36, 1, 2).

По верхнему краю рукава спереди подшиты семь жгутов чуракта (табл. 36, 4).

Длина жгутов в см: 18, 17, 16, 23, 25, 22, 21. Количество кожаных ободков: 6, 5, 5, 4, 4, 4, 4. Длина кистей в см: 10, 11, 10, 15, 15, 13, 12. Количество лент в кистях: 6, 7, 6, 7, 7, 8, 8. На лентах жгутов 1—3 по две красных и черных поперечных полос. Остальные ленты имеют по три красных и по три черных.

По нижнему шву рукава на расстоянии 10, 17 и 31 см на ровдужных ремешках укреплены конические трубки длиной по 12 см, диаметр в верхней части 1 см, в нижней 1,5 см. На расстоянии от края рукава 9, 12, 17, 18, 20, 22, 31 и 33 см по нижнему шву имеются обрывы от ровдужных ремешков. Видимо, здесь были укреплены подобные трубки.

Со стороны спины на правом рукаве нашит 21 жгут чуракта. Укреплены жгуты чуть ниже металлических планок, символизирующих кости рук (табл. 36, 3).

Длина жгутов в см: 25, 18, 19, 18, 17, 18, 19, 18, 20, 23, 17, 25, 27, 26, 26, 23, 26, 23, 26, 23, 25. Количество кожаных ободков: 6, 3, 8, 3, 7, 3, 5, 8, 5, 6, 3, 5, 5, 3, 5, 5, 5, 5, 5, 3. Длина кистей в см: 16, 9, 10, 8, 12, 9, 10, 7, 7, 17, 10, 15, 15, 15, 19, 17, 19, 17, 19, 18, 19. Количество лент в кистях: 7, 8, 7, 8, 9, 8, 7, 7, 6, 11, 6, 7, 8, 8, 9, 10, 8, 12, 9, 10, 7. На лентах жгутов 2, 4, 6, 8, 16, 18, 20 нанесено по семь красных поперечных полос; 10, 12, 15 — по три красных; у 14-го — пять красных; 11-й не имеет полос. На остальных лентах жгутов наложено по три красных и черных полосы.

На левом рукаве расположено столько же поперечных полос и такого же цвета, как и на правом, разница в том, что они наложены на другом расстоянии от швов и низа рукава. Накладные пластины, символизирующие кости рук, одинаковы. Продольных полос больше — десять длинных и одна короткая, пять красных и пять черных, маленькая красная. Они чередуются между собой (табл. 36, 5, 6): спереди три черных и три красных, сзади две черных, две красных и маленькая красная. Между второй и пятой поперечными полосами укреплена серповидная фигура, похожая на месяц. По внешней дугообразной линии этой фигуры нашито 26 треугольных выступов: 10 из красной ткани, пять из белой, три из серой, шесть из черной, две из голубой и один из синей. Они нашиты следующим образом (справа налево): серый, белый, черный, синий, красный, голубой, белый, красный, черный, красный, белый, красный, черный, красный, голубой, белый, черный, серый, красный, черный, черный, красный, красный, серый, белый, красный (табл. 38, 6).

По верхнему краю рукава спереди подшиты семь жгутов чуракта. Описание ведется от края рукава (табл. 36, 8).

Длина жгутов в см: 18, 19, 18, 21, 30, 25, 30. Количество ободков вдоль жгутов: 5, 3, 5, 3, 5, 3, 3. Длина кистей в см: 10, 10, 11, 12, 20, 15, 18. Количество лент в кистях: 6, 8, 7, 7, 9, 8. На лентах 1, 3, 4-го жгутов наложено по две красных и черных поперечных полосы; 2-го — по две черных и по одной красной; 5-го и 7-го — по четыре красных и по три черных; 6-го — по 13 красных и по три черных.

Снизу, по шву левого рукава, укреплены на расстоянии 6, 17, 21, 25 и 29 см от края рукава пять конических трубок. По размерам и форме они точно такие, как на правом рукаве, укреплены на ровдужных ремешках длиной 3—4 см, шириной 1 см. На расстоянии 5 и 12 см обрывы. В 9 см от края укреплен конический железный стержень с петлей для крепления, длина 12 см.

Со стороны спины на левом рукаве чуть ниже металлических планок, симметризирующих кости рук, укреплены 17 жгутов чуракта и четыре обрыва от жгутов (табл. 36, 7). Описание ведется от края рукава.

Длина кистей в см: 25, 18, 16, 16, 16, 15, 15, 16, 20, 22, обрыв, обрыв, 21, обрыв, обрыв, 25, 26, 27, 20, 20, 16. Количество ободков: 6, 6, 6, 7, 6, 6, 6, 5, нет, нет, 5, нет, нет, 5, 5, 5, 3. Длина кистей в см: 20, 15, 11, 10, 10, 10, 11, 12, 14, 15, нет, нет, 14, нет, нет, 15, 16, 18, 11, 13, 10. Количество лент в кистях: 7, 7, 5, 7, 6, 6, 7, 6, 7, 9, нет, нет, 7, нет, нет, 10, 7, 8, 8, 8, 8. На лентах жгутов 2, 4, 6, 8, 16, 18, 20 нанесено по семь красных поперечных полос; 10 — по четыре красных. Остальные ленты имеют по три красных и по три черных поперечных полосы.

Первый круговой ряд напшт на 10 см ниже подмышек, содержит жгуты чуракта, «хвосты» эргивлен, конические трубки, пластины и подвески. Описание ведется спереди от правого бокового шва (табл. 36, 10).

1, 43. Овальная пластина (железо). Длина 9,6 см, верх, низ и одна боковая сторона описаны дугообразной линией, вторая боковая сторона — волнутой. Выпуклостерне в форме листа швы, вверху по центру — округлые (табл. 37, 6).

2, 12, 16, 18, 29, 30, 26. Конические трубки (железо). Длина варьирует от 14 до 22,5 см, диаметр в нижней части 1,5 см, в верхней 1 см. Подвешены на ровдужных ремешках путем сплющивания трубки в верхней части (табл. 37, 4, 7).

3, 7, 9, 15, 22, 27, 32. Продольные пластины с закругленными углами (железо). Длина от 14 до 17 см, ширина от 1 до 1,5 см. Вверху отверстие для крепления. Подвешены на ровдужные ремешки (табл. 37, 8).

4, 5, 8, 13, 14, 17, 19, 20, 23, 25, 28, 31, 34, 38, 41. Чуракта. Длина в см: 39, 16, 43, 40, 35, 39, 32, 38, 32, 37, 38, 40, 40, 38, 40. Количество кожаных ободков: 3, 5, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 4, 2, 3, 3, 3, 4. Длина кистей в см: 26, 9, 31, 22, 30, 22, 30, 20, 30, 24, 24, 31, 27, 28, 24. На лентах 5-го жгута нанесено по восемь красных поперечных полос, 34-го — по восемь красных и по семь черных, 41-го — по пять красных и по четыре черных, 13-го — по семь красных; у 20-го их нет. Остальные ленты жгутов имеют по четыре черных и по четыре красных полосы.

6, 21, 24. Цилиндрические трубки (железо). Длина от 15 до 17 см, диаметр от 0,5 до 1,2 см, сверху имеют дугообразное ушко с отверстием для крепления. Подвешены на ровдужных ремешках (табл. 37, 5).

10, 11, 26, 29, 33. Обрывы.

37. Шаровидный колокольчик со срезанной нижней половиной (бронза). Диаметр 3,6 см, имеет три отверстия по окружности, сверху — прямоугольное ушко для крепления (табл. 37, 9).

39. Пластина (железо). Длина 14 см, ширина 1,8 см, с нижнего конца углы прямые, верхний конец треугольный, с отверстием для крепления. Крепится ровдужным ремешком (табл. 37, 3).

Продолжение описания ряда ведется сзади от левого бокового шва (табл. 36, 9).

42, 46, 64, 67, 81, 82, 90, 91, 92, 93, 96, 97, 98, 99, 104. Цилиндрические трубки (железо). Длина от 16,5 до 19 см, диаметр от 1,2 до 2 см. Сверху расплющены и имеют дугообразные ушки с отверстиями для крепления, подвешены за ровдужные ремешки (табл. 37, 5).

44. Шаровидный бронзовый колокольчик, диаметр 4 см, в верхней и нижней частях по четыре отверстия. Снизу они соединены между собой крестообраз-

ной прорезью, сверху укреплено прямоугольное ушко с отверстием для крепления (табл. 37, 9).

45, 57, 80, 94, 107, 109, 112, 114, 115. Чуракта. Длина в см: 21, 35, 39, 74, 40, 38, 40, 40, 34. Количество ободков: 2, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3. Длина кистей в см: 17, 21, 28, 28, 32, 21, 30, 32, 24. Количество лент в жгутах: 7, 8, 8, 20, 8, 8, 7, 8, 8. На лентах 57-го жгута нанесено пять красных поперечных полос; 80-го и 112-го — по четыре красных и по четыре черных; 94-го — 12 красных; у 107-го и 114-го полосы отсутствуют; 109-го — по шесть красных и по шесть черных; 115-го — по четыре красных.

47. Эргивлен. Длина 82 см, на расстоянии 58 см делится на три дополнительных жгута, обшитых черной тканью, длиной по 22 см. Длина кистей по 12 см, общий жгут имеет 12 кожаных ободков. У первого дополнительного жгута четыре ободка из красной материи, кисть с девятью лентами, на которых по пять-шесть красных поперечных полос. У второго дополнительного жгута три ободка из красной материи, кисть с девятью лентами, на которых укреплено по шесть-семь красных поперечных полос. Третий дополнительный жгут имеет четыре ободка из красной материи, кисть с 11 лентами, на семи лентах по пять красных поперечных полос, на одной одна и на трех нет вообще.

47, 61, 111. Обрывы.

49, 51—56, 58, 70—76, 82, 84, 100—103. Конпческие трубки (железо). Длина от 14 до 23 см, диаметр в нижней части до 2 см, в верхней до 1,2 см. Прикреплены к ровдужным ремешкам путем сплющивания трубки в верхней части (табл. 37, 4, 7).

50, 63, 68, 78, 95, 110, 113. Продольная пластина (железо). Длина от 14 до 15 см, ширина от 1,3 до 1,5 см. Углы закруглены, сверху отверстия для крепления. Подвешены на ровдужных ремешках (табл. 37, 8).

59, 110. Пластины (железо). Длина 13 и 17 см, ширина 2 и 2,5 см. Снизу углы прямые, в верхней части конец треугольный и с отверстием для крепления. Подвешены на ровдужных ремешках (табл. 37, 3).

60. Ровдужная полоса длиной 17 см, шириной 2 см, на расстоянии 8 см от начала раздваивается.

62. Эргивлен. Длина 83 см, на расстоянии 64 см от начала делится на три дополнительных жгута, обшитых черной тканью. Основной жгут имеет 23 кожаных ободка. Первый дополнительный жгут: длина 19 см, с тремя ободками из красного материала, кисть длиной 11 см с 11 лентами; на трех лентах по семь красных поперечных полос, на восьми лентах полос нет. Второй дополнительный жгут точно такой же, с шестью лентами, на двух лентах по две красных поперечных полосы, на четырех полос нет. Третий дополнительный жгут: длина 21 см, имеет три ободка из красного материала, кисть длиной 13 см с четырьмя лентами, на которых по 15 красных поперечных полос.

65. Эргивлен. Длина 82 см, на расстоянии 62 см делится на три дополнительных жгута длиной по 20 см, кисти по 13 см, обшиты черным материалом. Основной жгут имеет 26 кожаных ободков. Первый дополнительный жгут с четырьмя ободками из красного материала, кисть с 14 лентами, на которых по семь красных поперечных полос. На втором дополнительном жгуте пять ободков из красного материала, кисть с 16 лентами, на которых по пять красных поперечных полос. Третий дополнительный жгут с четырьмя ободками из красного материала, кисть с 15 лентами, на которых по семь красных поперечных полос.

66. Ровдужная лента длиной 12 см, на расстоянии 4 см от начала делится на две полосы.

69. Эргивлен. Длина 82 см, на расстоянии 56 см от края делится на три дополнительных жгута длиной по 26 см, кисти по 18 см, обшиты черным материалом. Основной жгут имеет 21 кожаный ободок. Первый дополнительный жгут с тремя ободками из красного материала, кисть с девятью лентами. У второго дополнительного жгута три ободка из кожи, кисть с семью лентами. Третий дополнительный жгут имеет три ободка из красного материала, кисть с семью лентами, на которых по семь поперечных полос.

77. Эргивлен. Длина 68 см, на расстоянии 35 см делится на три дополнительных жгута длиной по 32 см, обшитых черным материалом. Основной жгут имеет 16 кожаных ободков. Первый дополнительный жгут с шестью ободками из красного материала, кисть 22 см длиной с 14 лентами, на которых по семь

красных поперечных полос. У второго дополнительного жгута шесть ободков из красного материала, кисть 24 см длиной с 11 лентами, на которых по шесть красных поперечных полос. Третий дополнительный жгут имеет восемь ободков из красного материала, кисть 21 см длиной с 12 лентами, на которых по шесть-семь красных поперечных полос.

79. Эргивлен. Длина 32 см, на расстоянии 15 см делится на три дополнительных жгута длиной по 17 см, кисти по 10 см длиной и имеют по семь лент, обшиты черной тканью. У основного жгута пять кожаных ободков, у дополнительных по три.

85. Эргивлен. Длина 83 см, на расстоянии 50 см разделяется на три дополнительных жгута длиной по 33 см, обшиты черным материалом, кисти по 21 см длиной, имеют по восемь лент, на которых по четыре красных и по три черных поперечных полосы.

86. Эргивлен. Длина 68 см. Расположен по центру спинки и является главным, центральным, «хвостом». На расстоянии 9 см от него отходит дополнительный жгут длиной 30 см, имеет восемь кожаных ободков, кисть 15 см длиной с 26 лентами, на которых по четыре, пять или шесть красных поперечных полос, часть лент полос не имеют. На расстоянии 51 см отходит ровдужная лопаточка длиной 25 см (табл. 38, 1—3). С одной стороны лопаточки нанесено красной охрой изображение тигра, вторая чистая. Изображение тигра длиной 16,5 см выполнено в реалистической манере. Типично кошачья голова с двумя небольшими треугольными ушками. Холка чуть приподнята, спина с изгибом, круп описан выпуклым очертанием. Хвост приподнят. Четыре расставленных ноги со ступнями. По туловищу и ногам нанесено 36 поперечных полос. Зверь изображен в профиль.

Сверху и по бокам лопаточки подшито 10 жгутов. Длина жгутов по 12 см, имеют по два кожаных ободка, длина кистей от 8 до 10 см, на них от 10 до 12 лент.

88. Равнобедренный треугольник из алюминия. Высота 6 см, основание 3,5 см, углы закруглены. По площади выбито девять округлых пятен, у вершины отверстие для крепления (табл. 39, 4).

89. Эргивлен. Длина 50 см, на расстоянии 34 см делится на три дополнительных жгута по 16 см длиной, обшитых черным материалом, кисти по 9 см длиной, на каждой по восемь лент с четырьмя красными поперечными полосами. Основной жгут имеет 10 кожаных ободков, дополнительные — по три из серой ткани.

105. Эргивлен. Длина 26 см, на расстоянии 10 см расходится на три дополнительных жгута длиной по 16 см, длина кистей 10 см, лент 8 см. У основного жгута три кожаных ободка, у дополнительных по четыре.

106. Эргивлен. Длина 75 см, на расстоянии 50 см делится на три дополнительных жгута длиной по 25 см, обшитых черным материалом, кисти длиной по 13 см. Основной жгут имеет 25 кожаных ободков. У первого дополнительного жгута три ободка из красного материала, четыре из серого, кисть с восемью лентами, на которых по три черных и по две красных поперечных полосы. На втором дополнительном жгуте пять ободков из красного материала и три из серого, кисть с 11 лентами. Третий дополнительный жгут имеет три ободка из красного материала и три из серого, кисть с девятью лентами, на которых по три красных и по две черных поперечных полосы.

На расстоянии 10 см от низа куртки нашит второй круговой ряд бахромы, содержащий жгуты чуракта и железные пластины. Описание ведется спереди от правого бокового шва (табл. 36, 12).

1, 2, 4, 5, 7, 10, 12, 14, 16, 18, 20, 22, 24, 26, 28, 30, 31, 33, 35. Чуракта. Длина в см: 40, 56, 35, 60, 35, 38, 35, 35, 40, 40, 37, 35, 50, 35, 35, 38, 38, 42, 35, 35. Количество ободков из кожи: 3, 6, 4, 5, 1, 1, 3, 4, 4, 4, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3, 3. Длина кистей в см: 25, 40, 23, 38, 38, 28, 28, 25, 30, 30, 25, 25, 30, 25, 25, 28, 28, 28, 25, 25. Количество лент в кистях: 8, 8, 9, 10, 8, 8, 8, 8, 6, 8, 8, 8, 7, 6, 11, 8, 8. На лентах 2-го жгута нанесено по 11 красных поперечных полос; 5-го — по 10 красных; 7, 10 и 30-го — по четыре черных и по три красных; 26-го — по пять черных и красных; 28-го — по шесть черных и по пять красных. Остальные ленты на жгутах имеют по четыре черных и по четыре красных поперечных полосы.

3, 6, 9, 11, 15, 21, 32. Пластины (железо). Длина по 18 см, ширина 1,8 см. Нижняя часть пластины срезана на равносторонний угол, верх с прямыми углами и по центру с отверстием для крепления.

8, 34. Обрывы.

13, 17, 19, 23, 25, 27. Продольная пластина с закругленными углами (железо). Длина 14 см, ширина 1,2 см, в верхней части имеет отверстие для крепления (табл. 37, 8).

29. Продольная пластина (железо). Длина 14,5 см, ширина 2 см, углы прямые, сверху отверстие для крепления.

Продолжение ряда от левого бокового шва сзади (табл. 36, 11).

36, 38, 40, 42, 44, 46, 47, 49, 50, 51, 53, 55, 57, 59, 61, 63, 65. Чуракта. Длина в см: 42, 40, 40, 35, 36, 40, 35, 35, 35, 35, 35, 35, 32, 35, 41, 38. Количество ободков: 3, 3, 3, 3, 6, 4, 3, 3, 3, 2, 3, 3, 3, 3, 6, 6. Длина кистей в см: 30, 30, 30, 20, 25, 25, 20, 20, 20, 20, 25, 20, 20, 22, 20, 27, 27. Количество лент в кистях: 8, 8, 8, 8, 8, 8, 6, 6, 6, 8, 8, 8, 8, 9, 8, 7. На лентах 44-го и 65-го жгутов наложено по шесть красных и по пять черных поперечных полос; 46-го — по семь красных и черных; 53-го и 59-го — по пять красных и по четыре черных; 57-го и 61-го — по четыре черных и по три красных. Остальные ленты имеют по четыре красных и по четыре черных, чередующихся между собой поперечных полосы.

37, 45, 48, 54, 58. Продольные пластины (железо). Длина от 13 до 17 см, ширина от 1,8 до 2,5 см. Нижний конец треугольный, верхний с прямыми углами и отверстием для крепления. Подвешены на ровдужных ремешках.

41. Прямоугольная пластина (железо). Длина 15 см, ширина 2,5 см, сверху отверстие для крепления. Подвешена на ровдужном ремешке.

52, 56, 62, 64, 66. Продольные пластины с закругленными углами (железо). Длина от 13 до 22 см, ширина от 1,5 до 2,5 см. Сверху отверстия для крепления. Укреплены на ровдужных ремешках.

60. Кольцо, закрепленное проволокой, к которому подвешены ровдужными поводками две пластины. Одна пластина с прямыми углами, длина 14,5 см, ширина 2 см, в верхней части отверстие для крепления. Вторая пластина длиной 13 см, шириной 1,8 см. Низ треугольный. Верх с прямыми углами и отверстием для крепления.

Третий круговой ряд поясной бахромы найдет на нижней круговой ленте с внутренней стороны. Описание ведется от правого бокового шва спереди куртки. Содержит 66 жгутов чуракта.

Длина жгутов в см: 10, 28, 14, 28, 15, 26, 26, 12, 30, 15, 34, 14, 36, 14, 32, 16, 26, 27, 13, 27, 15, 14, 25, 17, 23, 12, 28, 23, 13, 15, 25, 18, 13, 30, 13, 13, 32, 15, 25, 12, 29, 19, 26, 12, 30, 15, 24, 13, 28, 13, 13, 38, 20, 30, 17, 22, 13, 30, 13, 21, 13, 29, 16, 26, 11, 28. Количество кожаных ободков: 1, 2, 3, 7, 3, 7, 3, 3, 8, 3, 7, 2, 7, 3, 8, 4, 6, 7, 2, 4, 1, 4, 2, 3, 3, 1, 2, 4, 2, 3, 5, 1, 1, 3, 4, 1, 3, 3, 3, 1, 5, 3, 8, 3, 5, 2, 6, 1, 4, 2, 1, 3, 3, 3, 9, 2, 3, 9, 4, 5, 4, 3, 3, 5, 1, 3. Длина кистей в см: 6, 20, 8, 17, 8, 16, 16, 7, 20, 9, 25, 9, 18, 9, 22, 12, 18, 17, 7, 17, 9, 9, 17, 9, 15, 9, 20, 14, 9, 9, 17, 12, 8, 21, 8, 8, 24, 9, 18, 8, 19, 12, 12, 8, 19, 9, 14, 8, 19, 8, 8, 26, 12, 19, 9, 12, 8, 21, 9, 13, 8, 20, 9, 15, 7, 17. Количество лент в кистях: 8, 10, 9, 8, 10, 10, 8, 14, 12, 17, 11, 11, 12, 8, 11, 12, 8, 6, 9, 12, 8, 11, 6, 9, 9, 8, 8, 10, 8, 8, 8, 8, 16, 10, 11, 8, 7, 11, 8, 8, 12, 5, 18, 10, 13, 17, 10, 7, 12, 12, 13, 11, 10, 11, 13, 15, 10, 14, 7, 11, 6, 10, 10, 11, 7, 13, 10. На лентах 2-го жгута нанесено по восемь красных и черных поперечных полос; 4-го — по восемь красных; 7, 15, 23, 52-го — по четыре красных и черных; 9, 27 и 54-го — по три красных и черных; у 11-го с одной стороны по шесть красных, с другой по одной красной и черной; 13-го — по 10 красных; 16-го — по две черных и по две красных; 17-го — по пять красных и по четыре черных; 20-го — по девять красных; 25-го — по четыре красных; 34-го — по шесть синих; 39, 42 и 53-го — по три черных; 43-го — по семь красных; 49-го — по 10 красных и по 10 черных; 58-го — по пять красных и черных; 60-го и 62-го — по три красных и по две черных; 64-го — по пять красных. Остальные ленты на жгутах поперечных полос не имеют.

Со стороны спины по центру наспинной планки за кольцо укреплены два жгута чуракта. Кольцо подвешено за ровдужную петлю диаметром 2 см.

Первый жгут 130 см длиной, имеет 19 кожаных ободков, кисть 50 см длиной с 15 лентами, на которых по 17—19 поперечных полос: по девять красных и по восемь черных или по десять красных и девять черных.

Второй жгут 80 см длиной, у него 20 кожаных ободков, кисть оборвана.

Спереди на правой нагрудной планке ровдужным ремешком подшит округлый диск диаметром 6 см (табл. 39, 3). По краю и центру диска нанесены две окружности диаметром 2,3 см и 5,5 см, от внутренней окружности отходят 16 полосок.

По центру наспинной планки внизу за железные кольца подвешена рамка (табл. 39, 1). Ее длина 30 см, ширина 18 см. По центру рамки шарнир, за счет которого она складывается вдвое. Решетка изготовлена из медного листа, на которую по краям наклепан железный обгон. По бокам рамки две фигурки кукушек длиной по 5 см. По центру и по краям — три петли и кольца для крепления.

Сверху рамки по центру наспинной планки подвешено чеканное изображение головы медведя (табл. 39, 5). Высота 6 см. Небольшие овальные уши, глаза и ноздри выпуклые, по центру отверстия. Сверху отверстие для крепления.

Под рамкой, во всю ее площадь, красной охрой на спине кафтана нанесено изображение тигра (табл. 39, 1, 2). У него длинные ноги, хвост приопущен, пасть открыта. Шея, холка, спина и круп описаны выпуклой линией. Небольшое овальное ухо слегка прижато. Лоб выпуклый. Ноги расставлены. На голове нанесено 10 точек, по туловищу, ногам и хвосту — 42 поперечных полосы. Зверь изображен в профиль.

К правому углу наспинной планки на ровдужных ремешках подвешены изогнутый стержень (табл. 37, 10) и копирующая форму ножа пластинка (табл. 37, 11), которая с выпуклой стороны заточена. Стержень с одной стороны загнут петлей, с другой расплюсчен и заточен, посередине изогнут.

На расстоянии 8 см от левого угла наспинной планки внизу укреплено обшито ровдужой изображение летящей птицы. По очертанию напоминает крестик, длина 4,5 см, размах крыльев 3 см (табл. 15, 9).

Нагрудник (табл. 38, 4, 5). Изготовлен из ровдуги. Общая длина без жгутов 50 см. Очертания нагрудника овальные, напоминают грудину с отходящими ребрами. В верхней части глубокий полукруглый вырез, внизу — округлый мечевидный отросток. Края нагрудника обшиты каймой из красного материала. По центру вертикально расположены нанесенные красной охрой 14 овальных пятен, округленных с обеих сторон красными линиями. Между пятым и шестым (снизу) пятном крест накрест прорезы ровдужные ремешки, подшитые с обратной стороны нагрудника. От центральных пятен с обеих сторон отходят черные полосы, с одной стороны 18, с другой 19. По бокам нагрудника прорезано пять пар пегель для крепления на кафтане. К низу подшиты три жгута чуракта длиной по 11 см с тремя кожаными ободками; кисти длиной по 5 см, на левой 24 ленты, на центральной 22 и правой 18. На всех лентах нанесено по одной красной и по одной черной поперечной полосе. С обратной стороны сверху нагрудника обшитая ровдужными кусочками бронзовая пластинка, ниже — две железные.

КАФТАН С Р. НЮЖКА

Этот костюм неизвестно кем и когда был доставлен в районный краеведческий музей г. Белогорска Амурской области. В 1978 г. передан в Амурский областной краеведческий музей г. Благовещенска. Во время пожара сильно пострадал и сейчас находится в очень плохом состоянии. Зарисовка и описание парки были произведены до пожара (табл. 40, 41).

Общая длина 125 см, длина куртки 60 см, ширина спинки 46 см, вырез горловины со спины 26 см, пройма рукава со спины 23 см, низ спинки 28 см. Длина полы 57 см, вырез горловины со стороны груди 28 см, пройма рукава 25 см, низ полы 37 см. Полы от проймы рукава выпуклой линией заходят на спинку. Длина плеча 16 см, длина рукава 58 см, окат рукава 47 см, окружность по запястью 31 см. Кафтан изготовлен из ровдуги лося, спит штуковочным швом. По низу кафтана и рукавов бахрома, края которой окрашены в красный цвет. Горловина обшита черной тканью, края пол — тонкой ровдужой. Вдоль верхней части рукавов и спинки нашита ровдужная полоса. Длина 152 см, ширина 5,5 см, по краям бахромы длиной 2,5 см, концы которой окрашены в красный цвет. Ширина окрашенной полосы 1 см. Полоса орнаментирована шестью пря-

прямоугольниками, по два на рукавах и два на спине. Эти прямоугольники ассоциируются с плечевыми костями, костями предплечья и лопаточными. Общий фон ровдужной полосы на левом рукаве и спине красный, на правом рукаве черный. Прямоугольники нашиты на ровдужную полосу обметочным швом с прокладкой волоса из подшейного клокля оленя.

Л е в ы й р у к а в. Нижний прямоугольник рассечен линией из красной охры. Фон прямоугольника из белого материала. Длина 24 см, ширина 3,5 см. По центру на него наложена прямоугольная лента из желтого материала длиной 22 см, шириной 2 см. Фон верхнего прямоугольника белый, длина 22 см, ширина 3,5 см. По центру на него наложена желтая прямоугольная лента, длина 20 см, ширина 2 см.

С п и н к а. Оба прямоугольника из черного материала, длина по 23 см, ширина по 3,5 см. На них наложены прямоугольные ленты из белого материала длиной по 21,5 см, шириной по 2 см.

П р а в ы й р у к а в. Общая часть обоих прямоугольников из коричневого материала. Длина верхнего 22,5 см, ширина 3,5 см, длина нижнего 23 см, ширина 3,5 см. На них наложены прямоугольные полосы из серого материала длиной по 21 см, шириной по 2 см.

На высоте 15 см от низа куртки вкруговую нашита вторая ровдужная полоса, длина 83 см, ширина 12 см. Низ ее украшен бахромой шириной 5 см, которая окрашена сантиметровой красной линией. С левой стороны полоса на 5 см не доходит до края борта, с правой — на 14 см. Сверху фон ровдужной полосы покрыт красной линией шириной 7 см. На него нашита прямоугольная лента из черного материала шириной 3,5 см, на ленту нашита вторая лента из серого материала шириной 2 см. Ленты укреплены обметочным швом с прокладкой волоса из подшейного клокля оленя.

Нарукавные прямоугольники между собой соединены железными пластинами, выполняющими функцию элифизов. Длина одной пластины 21,5 см, второй 21 см. По краям пластины расширены и имеют отверстия для крепления (табл. 42, 11, 12).

На левом рукаве к нижнему прямоугольнику подшита пилообразная ровдужная планка длиной 22 см. С выпуклой стороны у нее девять треугольных выступов, к которым подшиты девять жгутов длиной по 14 см. На них надеты трубки длиной 7 см, изготовленные из жести, кисти по 5 см длиной. Количество лент с нижнего края планки: 4, 4, 4, 4, 4, 3, 4, 6, 4.

По рукавам и спине, вдоль нижнего края ровдужной полосы с внутренней стороны подшиты жгуты чуракта, жгуты с металлическими трубками илькукта, погремущки, подвески из металла и ровдуги.

В этом кафтане на жгуты илькукта вместо меховых ободков надеты металлические трубки, конец жгута разрезан на ленты, образующие кисть (табл. 43, 16).

Погремущки изготовлены из алюминия путем наложения большого листа на меньший. Все подвешены на ровдужных ремешках за отверстия в их верхних частях или путем прижима за край. Внутри погремущек помещены мелкие кусочки металла и камешки (табл. 44, 45).

Описание бахромы и подвесок ведется с нижнего края левого рукава через спину и по правому рукаву (табл. 41).

1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 15, 16, 17, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 49, 50, 52, 54, 57, 58, 60, 61, 66, 68, 71, 74, 75, 77, 81. Чуракта. Длина в см: 30, 25, 28, 30, 30, 28, 30, 29, 27, 35, 33, 28, 29, 36, 31, 30, 30, 20, 24, 22, 11, 30, 32, 20, 22, 30, 28, 28, 25, 22, 23, 28. Количество кожаных ободков: 15, 8, 15, 10, 18, 14, 18, 16, 18, 18, 14, 10, 10, 12, 14, 12, 11, 13, 10, 7, 9, 8, 10, 7, 9, 10, 8, 8, 11, 12, 9, 9, 9. Длина кистей в см: 15, 15, 14, 12, 12, 12, 12, 13, 11, 12, 17, 17, 13, 15, 18, 15, 15, 13, 10, 14, 12, нет, 15, 11, 9, 11, 14, 14, 14, 10, 11, 10, 14. Количество лент в кистях: 14, 6, 5, 10, 9, 8, 9, 10, 10, 9, 15, 6, 11, 6, 8, 7, 12, 9, 20, 13, 30, нет, 5, 8, 12, 19, 19, 16, 14, 10, 14, 10, 16.

4, 10, 14, 38, 40, 43. Ровдужные ленты. Длина 15, 17, 20, 39, 12, 9 см.

12, 13, 18, 21, 46, 47, 51, 53, 59, 63, 65, 67, 72, 73, 76, 78, 79, 80. Илькукта. Длина в см: 12, 12, 11, 16, 13, 12, 13, 10, 13, 13, 13, 13, 13, 16, 13, 15, 15. Длина жестяных трубок в см: 6, 6, 6, 6, 6, 7, 7, 8, 6, 6, 6, 6, 7, 8, 7, 6, 6. Длина кистей в см: 6, 6, 4, 8, 5, 5, 4, 3, 5, 6, 6, 6, 6, 4, 7, 5, 6, 6. Количество лент в кистях: 4, 4, 6, 4, 8, 5, 6, 13, 5, 7, 4, 3, 5, 6, 6, 6, 5.

26. Бабочка (табл. 43, 17). Длина 6,3 см, длина туловища 5,4 см, размах крыльев 5,6 см. Туловище представляет собой заостренный с обеих сторон стержень, к которому подшиты четыре ножки. Усы и глаза — из жильных ниток. Крылья эллипсовидные. На одном крыле 18 надрезов и 6 ромбовидных фигур, нанесенных красной охрой, на втором 17 надрезов и 7 ромбовидных фигур. Изготовлена объемно из ровдуги.
27. Бабочка (табл. 43, 18). Длина туловища 3,1 см, размах крыльев 5 см. По краям крыльев по девять треугольных выступов. На одном крыле нанесены четыре ромбовидных фигуры красной охрой, на втором — три. Изготовлена объемно из ровдуги.
28. Бабочка (табл. 43, 19). Длина туловища 3,2 см, размах крыльев 5 см. По краям крыльев по пять овальных выступов. Туловище удлиненное, к нему подшиты две пары ножек. Глаза и усы выполнены жильными нитками. Изготовлена объемно из ровдуги.
29. Бабочка (табл. 44, 1). Длина туловища 6,7 см, размах крыльев 7 см. По краям крыльев по восемь овальных выступов и по шесть ромбовидных фигур. Туловище выполнено в виде заостренного с обеих сторон стерженька, к нему прикреплены три пары ножек и хобот. Усы и глаза выполнены жильными нитками. Изготовлена объемно из ровдуги.
30. Погремушка (табл. 45, 4). Длина 4 см. С одной стороны выбито 33 бугорка, с другой — 24.
31. Погремушка (табл. 45, 7). Длина 4,6 см. С одной стороны выбито 33 бугорка, с другой — 24.
32. Погремушка (табл. 45, 11). Длина 4,3 см. С одной стороны выбито 30 бугорков, с другой — 21.
33. Погремушка (табл. 45, 8). Длина 4,4 см. С одной стороны выбито 30 бугорков, с другой — 33.
34. Погремушка (табл. 45, 6). Длина 3,8 см. С одной стороны выбито 33 бугорка, с другой — 27.
35. Ровдужная лента 17 см длиной, на расстоянии 12 см делится на три конца длиной по 5 см, на одном из них погремушка (табл. 45, 10). Длина 4 см, с одной стороны выбит 21 бугорок, с другой — 18.
36. Железное кольцо, укрепленное на ровдужной петле. К кольцу привязаны два ровдужных ремешка, один 21 см длиной, другой 14 см.
37. Рога (железо). Размах 9 см. Слегка изогнуты, имеют по два отростка. Лоб описан клинообразным очертанием (табл. 42, 13). Укреплены ровдужным ремешком.
39. Ровдужная лента длиной 12 см, на расстоянии 8 см разделена на два конца, к которым подвешены погремушки. Одна погремушка (табл. 43, 2) длиной 4 см, с одной стороны имеет 21 бугорок, с другой — 24. Вторая погремушка (табл. 45, 1) длиной 3,7 см, с одной стороны имеет 24 бугорка, с другой — 18.
41. Два ровдужных ремешка длиной по 6 см, на одном из них погремушка (табл. 44, 2). Округлых очертаний, диаметр 47 см. С одной стороны выбито 87 бугорков, с другой — 69. Многие бугорки выполнены попарно.
42. Железное кольцо диаметром 2,5 см, укрепленное петлей, к нему подвязана ровдужная лента длиной 8 см.
44. Ровдужный ремешок длиной 6 см, на его конце укреплено изображение птицы из железа (табл. 42, 14). Длина 5,2 см, размах крыльев 5,3 см. Туловище прямоугольное, с двумя треугольными выступами сзади. Головка и шея в виде заостренного стерженька. Крылья изогнуты и наклонены назад. По центру отверстия для крепления.
45. Ровдужная петля с железным кольцом диаметром 2 см.
48. Кисть длиной 8 см с четырьмя лентами, на двух из них погремушки. Одна погремушка (табл. 45, 5) длиной 4,7 см, с одной стороны выбито 42 бугорка, с другой — 30. Вторая погремушка (табл. 45, 9) длиной 4,5 см, с одной стороны имеет 32 бугорка, с другой — 21.
55. Ровдужная лента длиной 15 см, на конце погремушка (табл. 44, 3) овального очертания, диаметр 4,3 см. С обеих сторон погремушки выбито по 63 бугорка.
56. На ровдужном ремешке длиной 16 см подвешены два железных кольца, на которых укреплены погремушки. Одна погремушка (табл. 44, 4) длиной 3,5 см,

с одной стороны имеет 24 бугорка, с другой — 18. Вторая погребушка (табл. 44, 7) диаметром 2,5 см, с одной стороны имеет 21 бугорок, с другой — 18.

62. Ровдужный лоскут длиной 10 см, шириной 8 см, на расстоянии 5 см от начала расходуется на 15 лент. На одной из них подвешена погребушка (табл. 44, 9) округлой формы с диаметром 4,5 см, на одной стороне 114 бугорков, на второй — 66.

64. Ровдужный ремешок длиной 14 см, на который надето два железных кольца с погребушками. Одна погребушка (табл. 44, 5) по форме почти квадратная, длина 3,7 см. С одной стороны у нее выбито 45 бугорков, с другой — 48. Вторая погребушка (табл. 44, 8) овальной формы, примерный диаметр 4 см. С одной стороны у нее 42 бугорка, с другой — 45.

69. Кольцо с погребушкой на ровдужной петле (табл. 45, 8). Погребушка округлая. Диаметр 4 см. С одной стороны погребушки выбито 63 бугорка, с другой — 48.

70. На ровдужном ремешке длиной 4 см подвешена погребушка (табл. 44, 6) длиной 4 см. С одной стороны погребушки выбито 48 бугорков, с другой — 63.

Поясная бахрома кафтапа содержит жгуты чуракта, илькукта, ленты каптыкакта, на которые нанесен орнамент, «хвост» эргивлен и подвески.

Описание ведется от края левой полы через спину от правого бокового шва к правой поле (табл. 40, 41). С края левой полы два жгута и четыре ленты, а с края правой полы пять жгутов и четыре ленты подшиты к куртке, остальная атрибутика поясной бахромы укреплена на поясной ленте.

1, 6, 32, 53, 95. Каптыкакта. Длина лент 80 см, ширина 3,5 см, снизу бахромы 8 см длиной. Количество лент: 7, 6, 9, 7, 5. Орнамент состоит из наклонных ромбиков и наклонных полос. Сверху цепочка из трех ромбиков. Далее семь подобных композиций, состоящих из сплошной линии, по обеим сторонам которой расположено по четыре ромбика. Снизу четыре ромбика подчеркнуты просто сплошной полосой.

У 32-й и 53-й лент орнамент нанесен черной краской, у остальных — синей (табл. 43, 11).

2, 16, 54, 105. Илькукта. Длина 75 см, обшита клетчатым материалом с черным фоном, кисти 10 см длиной. Количество лент: 13, 10, 7, 16. На их концах по четыре красных полосы, нанесенных под углом (табл. 43, 14).

3, 7, 12, 23, 47, 63, 71, 80, 82, 85, 96, 103. Каптыкакта. Длина 80 см, ширина 3,5 см, снизу бахромы 6 см длиной. Количество лент: 10, 9, 7, 9, 9, 9, 6, 5, 9, 5, 6, 12, 8. На ленты нанесен рисунок в виде наклонной цепочки из четырех ромбиков. Орнамент включает наклонные цепочки ромбиков и чередующиеся с ними наклонные сплошные линии: сверху два ромбика, затем сплошная полоса, далее цепочка из четырех ромбиков и т. д. Сплошных полос 16. Цепочек, состоящих из четырех ромбиков, 15. У лент 71, 82 и 83 орнамент нанесен синей краской, у остальных — красной охрой (табл. 43, 2).

4, 20, 24, 35, 38, 55, 58, 60, 69, 75. Илькукта. Длина 75 см, обшита серым материалом, кисти 10 см длиной. Сверху обтянуты меховым ободком. Количество лент: 7, 6, 7, 7, 14, 7, 12, 11, 17, 7 (табл. 43, 13). Лента 35 обшита красной тканью.

5, 17, 20, 22, 29, 39, 48, 50, 57, 64, 72, 81, 86, 91, 97, 102. Каптыкакта. Длина по 80 см, ширина по 3 см, внизу бахромы длиной 18 см. Количество лент: 7, 7, 5, 7, 8, 6, 10, 4, 7, 11, 7, 9, 5, 7, 4, 6. Орнамент зигзагообразный, состоящий из цепочек по три ромбика и сплошных полос. Общее их количество 13 штук. У лент 17, 39, 50, 64, 72, 86 и 97 орнамент нанесен черной краской, у остальных — красной (табл. 43, 3).

8, 13, 101, 106—108. Ровдужные ремешки. Длина от 20 до 25 см, ширина от 0,5 до 1 см.

9, 14, 34. Каптыкакта. Длина 80 см, ширина 4 см. Снизу бахромы длиной 16 см. Количество лент: 6, 7, 8. На ленты нанесен рисунок, состоящий из двух сплошных поперечных линий и одной цепочки из пяти ромбов. Орнамент зигзагообразный, включает по 11 наклонных сплошных линий и по одной поперечной, 12 наклонных цепочек из ромбов и одну поперечную. Три цепочки состоят из трех ромбов, одна — из пяти, а остальные — из четырех. У 14-й ленты сплошные линии нанесены черной краской, а цепочки из ромбов красной, у остальных лент орнамент нанесен только красной краской (табл. 43, 4).

11, 25, 44, 56, 67, 76, 92. Каптыкакта. Длина по 80 см, ширина по 3,5 см, снизу длина бахромы 11 см. Количество лент: 8, 7, 7, 8, 7, 7, 7. Снизу и по обоям бокам нанесены красные линии, отделяющие бахрому. Сверху вниз красной охрой нанесено семь прямоугольничков. На каждом из них изображено по поперечной цепочке, состоящей из трех ромбов. Охристые прямоугольнички чередуются с продольно расположенными прямоугольничками из черного и белого материала, четыре из черного, три из белого. Они нашиты на ленту обметочным швом с прокладкой волоса из подшейного клокка оленя. В свою очередь, на матерчатые прямоугольнички по центру наложены дополнительные: на черные — из белого материала, на белые — из серого (табл. 43, 1).

18, 100. Каптыкакта. Длина по 80 см, ширина по 3 см, снизу бахрома 10 см длиной, лент по семь. Орнамент содержит следующие композиционные элементы: наклонная сплошная полоса, с обеих ее сторон расположены цепочки, состоящие каждая из четырех ромбиков. Снизу, захватывая центральные ленты бахромы, вертикальная цепочка из восьми ромбов. Орнамент нанесен красной охрой (табл. 43, 12).

10, 15, 19, 30, 33, 45, 46, 49, 61, 65, 73, 77, 84, 90, 94, 104. Чуракта. Длина в см: 80, 80, 80, 80, 75, 80, 80, 80, 75, 75, 80, 75, 80, 75, 70, 70. Количество кожаных ободков: 39, 37, 47, 57, 55, 42, 44, 30, 36, 32, 48, 45, 41, 43, 12. Длина на кистях в см: 20, 16, 17, 12, 14, 12, 20, 20, 12, 12, 12, 10, 12, 9, 12, 12. Количество лент в кистях: 14, 7, 6, 10, 9, 13, 8, 3, 8, 8, 8, 7, 6, 6, 9, 8, 8. Ленты в жгутах под номерами 10, 15, 19, 45, 46 окрашены с одной стороны в красный цвет.

24, 36. Каптыкакта. Длина по 58 см, ширина 2 см, бахрома длиной 5 см, количество лент пять. На расстоянии 15 см от верха и до бахромы лента обшита красным материалом (табл. 43, 5).

26, 31, 42, 52, 62, 70, 88, 98. Изображения рыбок. Рыбки 52, 70 и 98 изготовлены из железа, остальные — из бронзы. Подвешены через отверстия в глазах за кольца, которые укреплены с помощью ровдужных ремешков на поясной ленте. Длина рыбок от 8 до 8,6 см. Фигурки однотипные, с клинообразными головками, хвосты раздвоены, пасти приоткрыты. На спине и брюшке намечены зарубками по плавнику. Глаза показаны отверстиями. У 88-й рыбки в туловище пять отверстий. По внешнему виду напоминают щук (табл. 42, 3—10).

27. Каптыкакта. Длина 60 см, ширина 2,5 см, снизу бахрома длиной 6 см с девятью лентами. На часть ленты на расстоянии 15 см от верха и до бахромы нашита красная волнистая полоса (табл. 43, 6).

28. Каптыкакта. Длина 80 см, ширина 2 см, снизу бахрома длиной 8 см с шестью лентами. Сверху и снизу обшита серым материалом, по центру — красным (табл. 43, 7). К этой ленте подшит жгут чуракта длиной 80 см, имеющий 44 кожаных ободка, кисть 18 см длиной с семью лентами, три из них окрашены в черный цвет. Сбоку к жгуту подшиты два ровдужных ремешка, на одном из них лента с бахромой.

37. Каптыкакта. Длина 80 см, ширина 3,5 см, снизу бахрома 8 см длиной с шестью лентами. Бахрома отделана поперечной красной матерчатой полосой. Вдоль ленты нанесены 22 наклонных матерчатых полосы, две из серого материала, остальные из красного (табл. 43, 8).

43, 51, 59, 66, 68, 79, 83, 87, 89, 93. Каптыкакта. Длина по 80 см, ширина 3 см, снизу бахрома длиной 5 см. Количество лент: 6, 5, 7, 7, 6, 6, 7, 7, 6. Снизу и сверху обшита красным материалом, середина — клетчатым материалом с красным фоном (табл. 43, 9).

74. Эргивлен. Длина 65 см, ширина 10 см. По периметру окружен бахромой длиной 2 см, конец клинообразный. Во всю площадь «хвоста» по центру наложена полоса шириной 5 см из черного материала, на нее, в свою очередь, полоса в 3 см из красного материала. Матерчатые полосы копируют форму эргивлен, пришиты обметочным швом с прокладкой волоса из подшейного клокка оленя (табл. 43, 10).

78. Ровдужный ремешок с железным кольцом, точно такой же, как те, на которых укреплены рыбки. Скорее всего на этом месте была укреплена девятая рыбка.

Со стороны спины по направлению к подмышкам укреплена ровдужная лента длиной 110 см (табл. 41). Она служит для поддержки шамана во время камланий.

На передней части куртки подшито 12 ровдужных ремешков-завязок длиной от 15 до 23 см. На левой поле у горловины подвешены погремущка и подвеска, напоминающая по форме какое-то насекомое.

Погремущка (табл. 42, 1). Форма овальная, длина 4,7 см. С одной стороны навесено 27 бугорков, один бугорок пробит насковоз, под ним два бугорка вышиты рядом и сливаются. С другой стороны выбито 24 бугорка.

Подвеска (табл. 42, 2). Форма прямоугольная с 10 треугольными выступами. Длина 2 см, изготовлена из железа.

ШАМАНСКИЕ АТРИБУТЫ

Данные о принадлежности отсутствуют. Хранятся в Амурском областном краеведческом музее г. Благовещенска. О них известно лишь то, что они приобретены в Амурской области и принадлежат эвенкам-орочонам.

Кафтан (табл. 46). Находится в плохом состоянии, сохранился частично. Основа кафтана изготовлена из ровдужных ремней. Основные атрибуты кафтана прикреплены к поясному ремню, длина которого 80 см, ширина 3,5 см. На расстоянии 17 см от левого края к нему перпендикулярно подшит второй ремень длиной 80 см, шириной 2 см, который накладывался на плечо и укреплялся на поясе со стороны спины. На расстоянии 35 и 60 см к нему подшиты два горизонтальных ремня, первый длиной 15 см, шириной 4 см, к его треугольному концу и в 6 см от края подшиты две пуговицы (табл. 47, 12). Второй ремень длиной 35 см и шириной 2,5 см, на конце прорезь-петля. Первый и второй ремни застегивались под мышкой. Точно такой же наплечный ремень был подшит на расстоянии 12 см с левой стороны пояса. От него осталась только нижняя часть длиной 18 см. По центру от поясного ремня отходит нагрудная лента. Нижняя ее часть 6,5 см шириной, кверху расширяется, на расстоянии 15 см оборвана.

Эргивлен двумя кольцами крепился на концевые ровдужные вязки по центру спины. Боковые стороны нагрудной ленты и края первого подмышечного ремня обшиты красным материалом.

Бахрама поясного ремня содержит жгуты чуракта и илькукта, конические и цилиндрические трубки (табл. 47, 15, 16), сплюснутые в пластину трубки (табл. 56, 17, 19), пластины из листового металла (табл. 47, 14), трубки, символизирующие конечности копытного зверя (табл. 48, 5, 6). Описание поясной бахромы ведется от правого края к левому.

1, 2, 34, 35, 39, 42, 51, 56, 61, 68, 71, 74, 76, 83, 84, 97. Цилиндрические трубки (бронза). Длина от 9,3 см до 20 см, диаметр от 0,8 до 1,3 см. Верх расплюсчен, имеются отверстия, в которые продеты железные кольца, укрепленные на поясе ровдужными петлями (табл. 47, 16).

3, 9, 10, 15, 17, 19, 21—23, 31, 32, 38, 40, 50, 54, 58, 59, 65, 66, 80, 92, 105, 107, 111—114. Чуракта. Длина в см: 40, 33, 40, 30, 70, 60, 60, 10, 25, 18, 45, 23, 40, 35, 30, 85, 13, 18, 43, 11, 11, 33, 23, 30, 25, 30, 35. Количество кожаных ободков: 9, 7, 12, 9, 8, 14, 7, 2, 7, 3, 12, 4, 12, 6, 4, 38, 4, 4, 7, 2, 5, 11, 5, 12, 11, 12, 12. Длина кистей в см: 20, 20, 20, 15, 35, 30, 30, 6, 11, 11, 25, 13, 20, 20, 15, 20, 6, 8, 27, 7, 13, 15, 13, 15, 15, 15, 20. Количество лент в кистях: 15, 6, 9, 13, 7, 16, 8, 8, 8, 11, 19, 11, 9, 7, 7, 16, 15, 33, 13, 10, 18, 11, 15, 13, 8, 14, 12. На лентах 3-го и 9-го жгутов нанесено по 13 красных поперечных полос; 10-го — по семь голубых; 5, 23, 31, 105, 111-го — по шесть синих; 17-го и 114-го — по 12 красных; 19-го — по четыре пз красного материала; 54-го — по три синих; 65-го — по семь красных; 66-го — по шесть черных и красных; 92-го и 113-го — по семь черных; 107-го — по 13 синих; 112-го — по 12 черных.

4, 5, 14, 20, 28, 52, 69, 87—90, 93—96, 108. Конические трубки (железо). Длина от 14 до 18 см, диаметр снизу от 1,3 до 1,8 см, сверху от 0,7 до 1,1 см. Укреплены на ровдужных ремешках, от 7 до 22 см длиной, путем расплющивания верхних концов трубок (табл. 47, 15).

6, 30, 99, 106. Каптыкакта. Длина в см: 16, 25, 43, 30. Ширина в см: 3, 2, 2, 2.

7, 79. Илькукта. Длина 11 и 25 см, длина кистей 5 и 14 см, кисти содержат по девять лент.

8, 12. На ровдужные петли надеты кольца (железо), от которых отходят

пластины и ровдужные ленты с двумя цилиндрическими трубками (бронза).

Пластины длиной по 16 см и шириной 1,8 см. Нижний конец треугольный, верхний закругленный и имеет отверстие для крепления. Надеты непосредственно на кольцо (табл. 47, 14).

Ровдужный ремень длиной 28 см, на расстоянии 8 см разделяется на два конца, длиной 6 и 20 см, к которым подвешены трубки. Длина их по 10 см, диаметр 1,6 см, с одной стороны сплющены и имеют отверстие для крепления (табл. 47, 16).

18. Кольцо (железо). Подвешено на ровдужной петле. От кольца отходят пластины, символизирующие кости ноги, и ровдужный ремешок длиной 13 см с укрепленными на нем конической трубкой, двумя пластинами и двумя цилиндрическими трубками.

Кости ноги (железо) длиной 58 см, состоят из тазовой, бедренной, костей голени и стопы (табл. 48, 6). Тазовая кость прямоугольных очертаний с обрубленными углами, длина 7 см, сверху отверстие для крепления. Бедренная кость прямоугольных очертаний с закругленными концами, длина 21 см. Кости голени представлены одной пластиной с небольшим сужением к стопе, длина 27 см. Стопа длиной 6,5 см напоминает отпечаток следа с пятью пальцами.

Пластины (железо) длиной по 20 см, шириной 1,8 см, низ треугольный, верх закругленный, с отверстиями для крепления (табл. 47, 15).

Коническая трубка (железо) длиной 10 см, диаметр от 1,5 до 2 см, укреплена путем расплющивания верхнего конца (табл. 47, 15).

Цилиндрические трубки (бронза) длиной по 14 см, диаметр 2 см, сверху расплющены и имеют отверстия для крепления (табл. 47, 16).

24, 36, 41, 43, 44, 62, 63, 72, 73, 81, 85, 86. Пластины (железо). Длина от 14 до 20 см, ширина от 1,5 до 1,8 см, низ треугольный, верх закругленный и с отверстием, подвешены за кольца, укрепленные ровдужными петлями (табл. 47, 14).

25—27, 33, 49, 55, 67. Пластины (бронза). Изготовлены путем расплющивания трубок, длина от 9 до 14 см, ширина по 2 см, прямоугольные, сверху отверстие для крепления. Подвешены за кольца или ровдужными ремешками (табл. 47, 17, 19).

29. Цилиндрическая трубка (железо), длина 11,5 см, диаметр 1,5 см, нижний конец с вырезом в виде копыта оленя, верхний расплющен и с отверстием для крепления. Крепится за кольцо, которое подвешено на ровдужной петле (табл. 47, 21).

45. Цилиндрическая трубка (железо) длиной 11,5 см, диаметр 1,3 см, низ обрезан в виде копыта животного, верх расплющен и с отверстием для крепления. Подвешена за кольцо, укрепленное ровдужными петлями (табл. 47, 22).

60. Металлический предмет, по форме напоминающий лист ивы, плоский, длина 12 см, максимальная ширина 2 см, обшит сверху ровдужой с окантовкой из красной ткани по краям. Снизу к нему подшито кольцо с прямоугольной пластиной из бронзы, имеющей отверстие для крепления. Длина 6,4 см, ширина 1,3 см. На пластине 12 прочерченных поперечных полос. Все это пришито за ровдужу к поясу.

70, 75, 77, 110. Цилиндрические трубки (железо) длиной по 12 см, диаметр по 1,5 см. Нижний конец в форме копыта оленя, верхний сплющен и с отверстием для крепления. Укреплены ровдужными петлями (табл. 47, 20).

78. Колокольчик (бронза) округлых очертаний с небольшими уплощениями сверху и снизу, диаметр 2,3 см. Сверху петля для крепления. По центру круговой ободок. Снизу два отверстия, соединенных между собой прорезью (табл. 47, 13).

91. Пластины (железо), символизирующие кости ног, точно такие же, как вышеописанные, только нет изображения стопы (табл. 48, 5).

108. Эргивлен. Длина 30 см, на расстоянии 10 см разделяется на три дополнительных жгута длиной по 20 см, кисти по 15 см. Количество лент: 14, 13, 16. Основной жгут имеет 10 ободков: по два из белого, красного, зеленого, синего и желтого материала. В дополнительных жгутах по шесть ободков из белого, красного, синего, зеленого, желтого материала и из кожи.

Основной эргивлен крепился двумя бронзовыми кольцами (табл. 47, 10) к боковым ремешкам пояса. Кольца скреплены между собой ровдужной пет-

лей, от которой отходит ровдужная лента длиной 17 см, шириной 2,5 см. К концу ленты подшиты три жгута. Первый, длиной 17 см, имеет пять кожаных ободков, кисть длиной 12 см с 13 лентами. Длина второго 28 см, у него четыре кожаных ободка, кисть длиной 18 см с семью лентами. Третий, 35 см длиной, имеет 20 кожаных ободков, кисть 15 см длиной с 22 лентами. К двум лентам прикреплена кость тазового позвонка оленя. К одному кольцу привязаны шесть лент из цветной материи длиной по 16—18 см: две из красной, две из синей, одна из черной и одна из белой. Ко второму кольцу привязано семь лент длиной по 55 см: по две из красного, синего и белого материала и одна из черного. К одной красной ленте длиной 55 см привязана цилиндрическая трубка длиной 18 см, диаметр 1,4 см.

Нагрудная лента подшита по центру к поясной. По ее фону нанесены три пары наклонных красных полос, у основания пришиты 11 цветных лоскутков длиной от 3 до 10 см (по пять зеленых и серых и один красный) и три жгута. Первый жгут 35 см длиной имеет шесть кожаных ободков, кисть 20 см длиной с семью лентами, на которых по три синих поперечных полосы. Второй жгут 30 см длиной, у него пять ободков, один из черного материала, два из красного, и два кожаных, кисть 15 см длиной с восемью лентами. На одной из лент подшита шкура колонка, на которой укреплены усы из красного материала.

Третий жгут 45 см длиной, на нем 15 кожаных ободков, кисть 15 см длиной с 16 лентами. К этому жгуту подшиты три ленты длиной по 20 см из красного, синего и зеленого материала. К цветным лентам привязаны две шкурки колонка и одна белка. мех на шкурках не сохранился.

На поясной ленте на расстоянии 15, 45 и 80 см от правого края нашиты три диска.

Диск (бронза) овальной формы, по центру два прямоугольных отверстия для крепления, с краю округлое отверстие, от центра четырьмя группами отходят 42 прямые линии: три группы по 11 и 9 (табл. 47, 3).

Диск (железо) с загнутыми краями и продавленной серединой. Внешний диаметр 5 см, внутренний 3 см. По центру два отверстия для крепления (табл. 47, 4).

Бронзовый диск диаметром 10 см, обернутый сверху железным диском диаметром 11 см. По центру два отверстия для крепления (табл. 47, 2).

На расстоянии 45 и 65 см от поясной ленты по вертикали укреплены теслице (железо), птица (железо), диск (бронза) и изображение медведя (железо).

Теслице по своим очертаниям сильно напоминает каменное тесло из неолитических поселений. У него выпуклое жало, обухок описан клином и с отверстием для крепления, бока слегка покатые. Длина 4,4 см (табл. 47, 9).

Птица с приподнятой головой с заостренным носом. Спина с небольшой горбинкой, хвост клинышком. В нижней части туловища отверстие для крепления. Длина 3,6 см (табл. 47, 7).

Диск 10 см в диаметре, край описан волнистой линией, по центру отверстие окружено шестью сквозными заостренными отверстиями, которые, в свою очередь, окружены шестью сквозными клинообразными выбоинами. Весь орнамент описан двумя выгравированными окружностями (табл. 47, 1).

Изображение медведя подвешено к бронзовому диску. Длина 9,5 см. У него выпуклый лоб, морда клинообразная, ухо — небольшой выступ. Шея, холка, спина и круп описаны чуть выпуклой линией, небольшой хвост. Четыре расставленных ноги со ступнями. В районе холки отверстие для крепления. Животное изображено в профиль (табл. 47, 5).

На вертикальном ремне на расстоянии 45 и 58 см от поясного ремня подшиты три жгута чуракта.

Первый жгут 65 см длиной, имеет 20 кожаных ободков, кисть длиной 30 см с 10 лентами, на которых с обеих сторон нашито по 5 поперечных полос из красного материала.

Второй жгут 65 см длиной с 18 кожаными ободками, кисть длиной 30 см с 11 лентами, на которых с обеих сторон нашито по шесть поперечных полос из красного материала.

Третий жгут 60 см длиной, на нем восемь ободков, шесть из красного материала и два из серого, кисть 20 см длиной с 24 лентами, на которых по 10 красных поперечных полос.

На конце первой поперечной ленты нашит жгут 65 см длиной, на расстоянии 40 см разделяется на два дополнительных жгута длиной по 25 см, кисти длиной 21 см, на кистях по девять лент. Основной жгут имеет 35 ободков: 11 из зеленого материала, 10 из красного и 14 кожаных. На дополнительных жгутах по три кожаных ободка, один ободок с когтем рыси. На лентах одной кисти по шесть красных и по пять черных чередующихся полос, на второй — семь красных и шесть черных.

На второй поперечной ленте подшиты бронзовый диск и птица (железо). С левой стороны один жгут, с правой на бронзовом кольце (табл. 47, 6) три жгута.

Бронзовый диск диаметром 5 см, внутри отверстие диаметром 1,5 см. От отверстия к краям диска, в виде лучей, нанесено 57 линий (табл. 47, 4). На нем изображена птица, точно такая же, как вышеописанная (табл. 47, 7).

С левой стороны жгут 15 см длиной, имеет шесть кожаных ободков, кисти длиной 8 см с шестью лентами, на которых по три красных и черных поперечных полосы.

С правой стороны жгуты длиной по 17 см, на двух из них по шесть ободков из красного материала, на одном шесть ободков из черного материала, кисти по 9 см длиной, на них по девять лент.

К вертикальному ремню проволокой были привязаны пластины (железо), символизирующие кости руки (табл. 48, 4). Судя по технике изготовления и манере обработки металла, они относятся к рассматриваемому костюму.

Плечевая кость длиной 22 см, шириной 1,4 см, нижний конец прямоугольный, верхний закругленный и с отверстием для крепления. Кости предплечья переданы одной пластиной длиной 17 см с прямыми углами, разделены между собой желобком. С одной стороны они приклепаны к плечевой кости, с другой — к кисти. Кисть 4,5 см длиной с пятью пальцами. Книзу пластины, символизирующей плечевую кость, привязаны колокольчик (бронза) и три жгута.

Колокольчик полукруглой формы, диаметр 3,5 см, внутри полый. Сверху имеет прямоугольное ушко с отверстием для крепления.

Жгуты длиной по 9 см, на них по три кожаных ободка, кисти длиной 5 см, количество лент: 16, 17, 16.

Нагрудник (табл. 49, 1). Состоит из поясной и нагрудной лент. Поясная лента изготовлена из ровдуги длиной 110 см, шириной 9 см. Нагрудная лента длиной 70 см, шириной 10,5 см. На расстоянии 23 см она разделяется на две ленты по 4 см. Ее края и неразвоенный центр обшита красным, фон — черным материалом. По центру на красную полосу наложена белая полоса длиной 16 см, шириной 1 см.

По центру поясной ленты укреплен бронзовый диск диаметром 9,5 см с волнообразными краями. По центру диска округлое отверстие очерчено тремя гравированными окружностями. Вокруг окружностей сверху и снизу по пять клинообразных сквозных прорезей, по бокам — по две прямоугольных. Рассмотренная композиция дополнительно очерчена двумя гравированными окружностями.

По нижнему краю поясной ленты на четырех петлях подвешены 17 конических трубок (табл. 49, 2) длиной по 15,5 см, диаметром от 1 до 1,8 см. Их верхняя часть расплющена и имеет отверстие для крепления.

С наружной стороны по центру поясной ленты подшиты три жгута.

Центральный «хвост» эргивлен. Длина 80 см, на расстоянии 60 см расходится на три дополнительных жгута длиной по 20 см, кисти длиной 15 см. На каждом жгуте по 12 лент, на них по семь черных и по шесть красных поперечных чередующихся полос. Основной жгут имеет 10 кожаных ободков, дополнительные — по одному.

Левый и правый жгуты чуракта. Длина по 80 см, на них по пять кожаных ободков, кисти длиной 35 см, 12 лент, на лентах по четыре и по три красных поперечных полосы.

Нагрудник (табл. 49, 3). Состоит из поясной и нагрудной лент. Поясная лента эллипсовидная, изготовлена из ровдуги. К ее концам с одной стороны подшита ровдужная петля, с другой — такой же ремешок. Длина 80 см, ширина до 8 см. Нагрудная лента прямоугольная. Сверху вырезана горловина и подшиты два ровдужных ремешка, снизу имеется три клинообразных выступа. Края обеих лент подшиты красным материалом. По всей площади нагрудной ленты красной охрой нанесены 23 пары наклонных линий. По нижним краям поясной и нагрудной лент подшиты девять жгутов чуракта.

Описание жгутов ведется с левой стороны, все ободки на жгутах изготовлены из красного материала.

Длина жгутов в см: 77, 76, 85, 80, 80, 80, 85, 86, 77. Количество ободков: 7, 7, 9, 7, 8, 6, 8, 9, 7. Длина кистей в см: 45, 40, 40, 45, 45, 45, 40, 40, 45. Количество лент в кистях: 7, 7, 5, 4, 9, 8, 5, 5, 7, 7. На лентах жгутов 4, 5 и 6 нанесено по 31 красной поперечной полосе, у остальных — по 24.

Головной убор (табл. 24, 1). Плохо сохранился. Изготовлен из четырех ровдужных клинцев. По ржавым полосам на ровдуже можно предполагать, что на нем была надета железная корона, по низу с ободком и двумя перекрещивающимися на макушке пластинами. Чуть выше обода вокруг шапки нашиты 12 жгутов по 17 см длиной, имеющих по три ободка из красного материала, кисти по 10 см длиной. Количество лент от 7 до 18, на лентах наложено от 6 до 21 красных поперечных полосы. Один жгут спереди длиной 35 см, на расстоянии 17 см расходится на два дополнительных жгута по 18 см длиной, кисти по 12 см. Основной и дополнительные жгуты имеют по четыре ободка из красного материала. Одна кисть дополнительного жгута с 18 лентами, вторая с 21, на лентах по 12 красных поперечных полос.

Выше обода на ровдужном фоне нарисованы четыре птицы (табл. 24, 2—4, б), напоминающие фазанов. У трех птиц голова, шея, туловище и хвост окрашены в черный цвет, крылья не окрашены, на них четыре-пять красных полосок. У одной птицы голова, шея, туловище и крыло окрашены в черный цвет, хвост не окрашен, на нем три красные поперечные полоски. У одной птицы хвост на конце раздвоен. У всех птиц нанесено по одной ножке с тремя пальцами.

Шаманский бубен № 1 (см. рис. 43, табл. 50). Общая длина в продольном сечении 82 см, в поперечном 60 см. Длина обечайки в продольном сечении 69 см, в поперечном 53 см. Высота 11 см. Обечайка изготовлена из ливневницы, на ее внешней стороне укреплены восемь резонаторов конусообразной формы, изготовленных из корней ливневницы. Семь резонаторов высотой по 3 см, один нижний высотой 10 см. С внутренней стороны обечайки к ним прорезаны щели в виде клинцев. По резонаторам, вкруговую по обечайке натянуты жильные нитки. Бубен обтянут кожей лося с обскобленной шерстью. На внутренней стороне обечайки по всему периметру вбито 12 скоб: восемь больших и с четырех сторон крест накрест четыре маленьких. К маленьким скобам ровдужными ремнями привязана крестовина. На большие скобы надето по девять округлых железных пластинок.

С внутренней стороны бубна нанесены шесть рисунков (табл. 51). В расширенной части бубна нарисованы две вписанные друг в друга окружности. Они соединены между собой 12 полосками и рассечены крест накрест двумя линиями. Правее нанесена окружность с антропоморфной фигуркой, у которой одна рука приподнята, а вторая прижата к туловищу (табл. 51, 2).

Выше описанных фигур переданы две летящие птицы с расставленными трехпальными ногами (табл. 51, 5, б). Ниже изображение животного с девятью пятнами по туловищу и восьмиконечная звезда (табл. 51, 3, 4)

Изображения антропоморфной фигурки и животного выполнены фиолетовым карандашом. Внешний и внутренний круги изображены белой краской, вся остальная композиция — розовой.

Шаманский бубен № 2 (табл. 52). Общая длина в продольном сечении 72 см, в поперечном 62 см. Длина обечайки в продольном сечении 65 см, в поперечном 55 см. Высота обечайки 7 см. Обечайка изготовлена из ливневницы, сшита корнями ливневницы, на ее внешней стороне укреплено семь резонаторов конусовидной формы, на которые надеты железные колпачки. Высота резонаторов по 3,5 см, изготовлены из тонких корешков ливневницы.

Бубен обтянут кожей лося без шерсти. По внутренней стороне обечайки укреплены четыре скобы для крестовины и девять проволочных петель для подвесок, которые представлены шестью типами (табл. 52, 3—8). Крестовина на бубне не сохранилась. На внутренней части бубна нанесены пять кружочков: один в центре, а остальные с четырех сторон бубна. Они соединены между собой линиями, образуя крестообразную фигуру. От центрального кружка отходят 13 полосок, описанных овалом. Все окружности переданы голубым цветом, линии — красным.

Колотушка (табл. 53, 2). Длина 56 см, длина лопаточки 42 см. Изготовлена из ливневницы. Лопаточка с небольшим изгибом, обтянута камусом с ног лося.

Ручка оканчивается изображением головки лося, на которой переданы треугольные ушки и овальный подшейный клок. В районе подшейного клока проделано отверстие, через которое продета ровдужная петля с двумя жгутами. Жгуты по 10 см длиной, имеют по три кожаных ободка, кисти длиной по 5 см, на каждой по девять лент, на которых по четыре красных поперечных полосы.

Колотушка (табл. 53, 3). Длина 56 см, длина лопаточки 38 см. Изготовлена из лиственницы. Лопаточка с изгибом, обтянута камусом с ног оленя. Ручка оканчивается изображением головки оленя, через которую продет жгут с кистями на концах. Жгут длиной 20 см, имеет девять кожаных ободков, кисти по 5 см длиной (с одной стороны одна кисть, с другой две), на каждой по девять лент, на которых по три красных поперечных полосы.

Колотушка (табл. 53, 4). Длина 56 см, длина лопаточки 38 см. Изготовлена из лиственницы. Лопаточка с небольшим изгибом. Ручка оканчивается стилизованным изображением головы лося, на которой отмечены прижатые ушки и подшейный клок.

Колотушка (табл. 53, 1). Обнаружена в жертвеннике у писаницы в устье р. Онён, правого притока Нюкжи. Длина 35 см, длина лопаточки 23 см. Изготовлена из лиственницы. Лопаточка с изгибом, обтянута камусом с ног лося, по ее центру два прямоугольных углубления. Ручка обтянута ровдужной и оканчивается изображением головы змеи.

ТАБЛИЦЫ

Табл. 1. Наму № 1. Изготовлено И. Н. Ивановым.

Табл. 2. Наму № 2. Изготовлено Ф. Г. Боярковой.

Табл. 3. Наму № 3. Изготовлено Н. И. Антоновым.

Табл. 4. Амулет *синкен* к детской колыбели для мальчика (1) и детская колыбель с амулетом *синкен* (2).

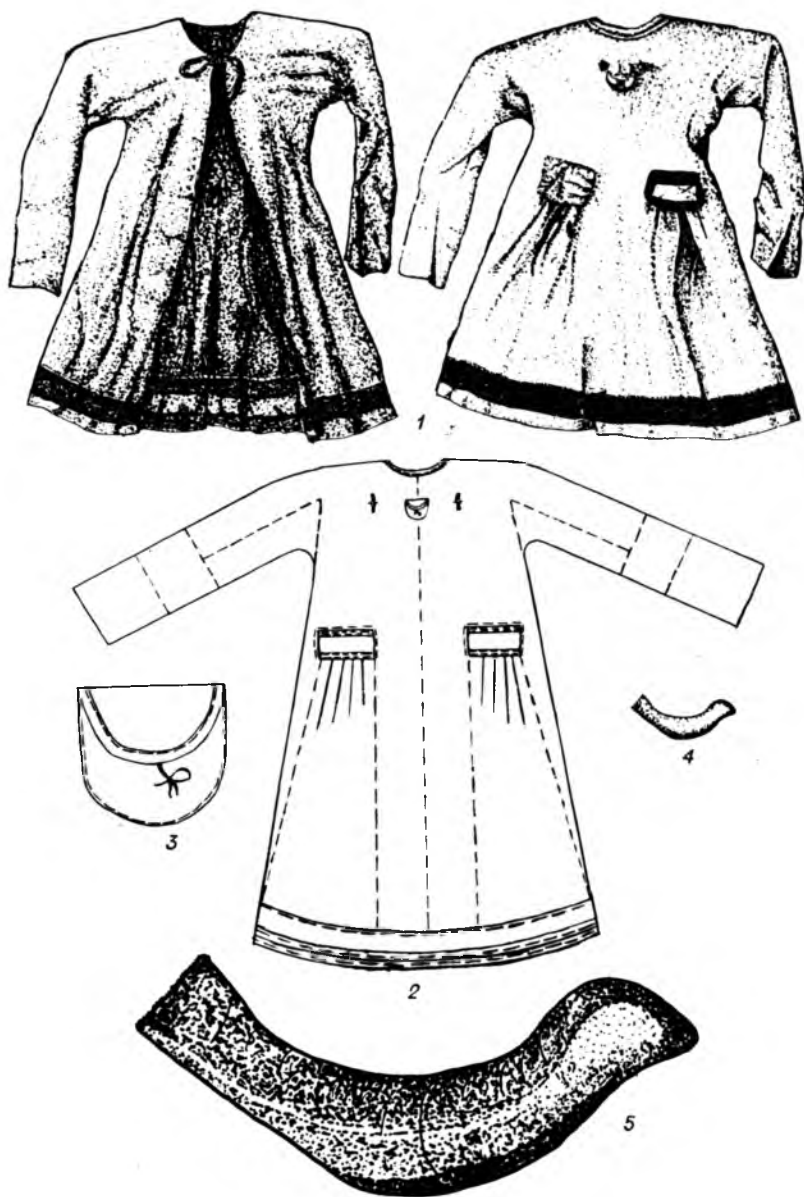

Табл. 5. Детская одежда с амулетами-хранителями детской души (1, 2); кошелек для денег (3); птичка — чипиче-чиче в натуральную величину (4); то же, в увеличенном виде (5).

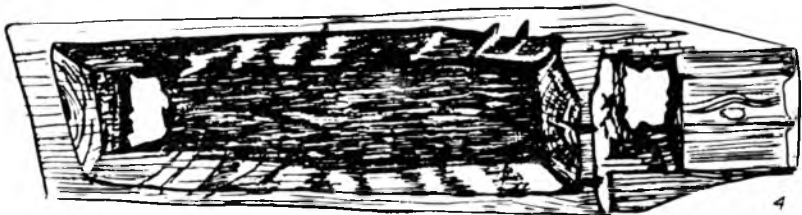
1

2

3

4

5

Табл. 6. Гробница верхового захоронения.

1 — общий вид; 2 — вид сверху; 3 — вид сбоку; 4, 5 — вид в раскрытом положении.

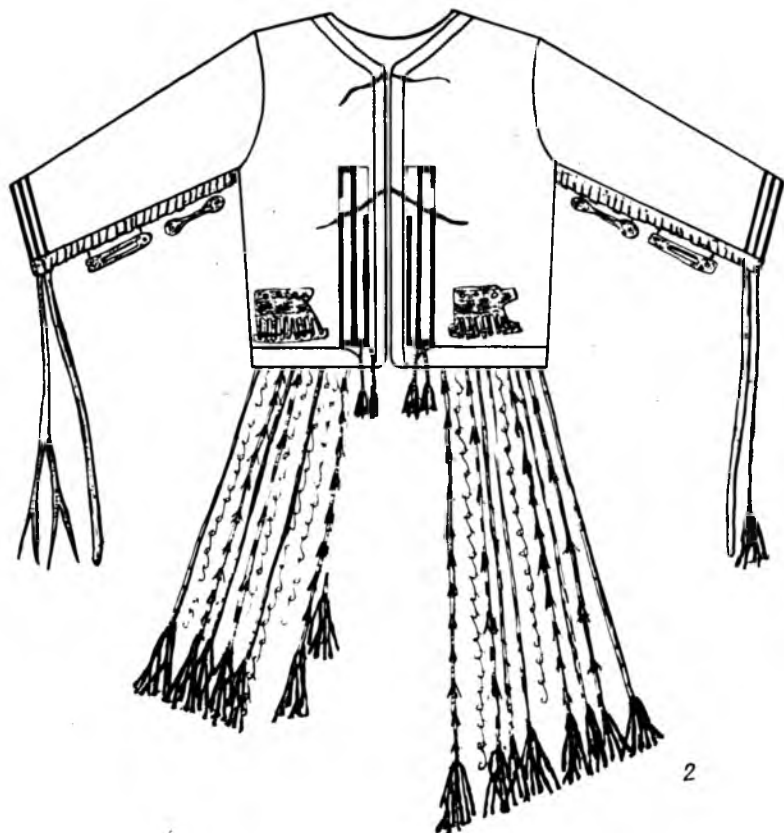

Табл. 7. Кафтан (1) и шаманский костюм (2) И. И. Яковлева из рода Буллёт. Вид спереди.

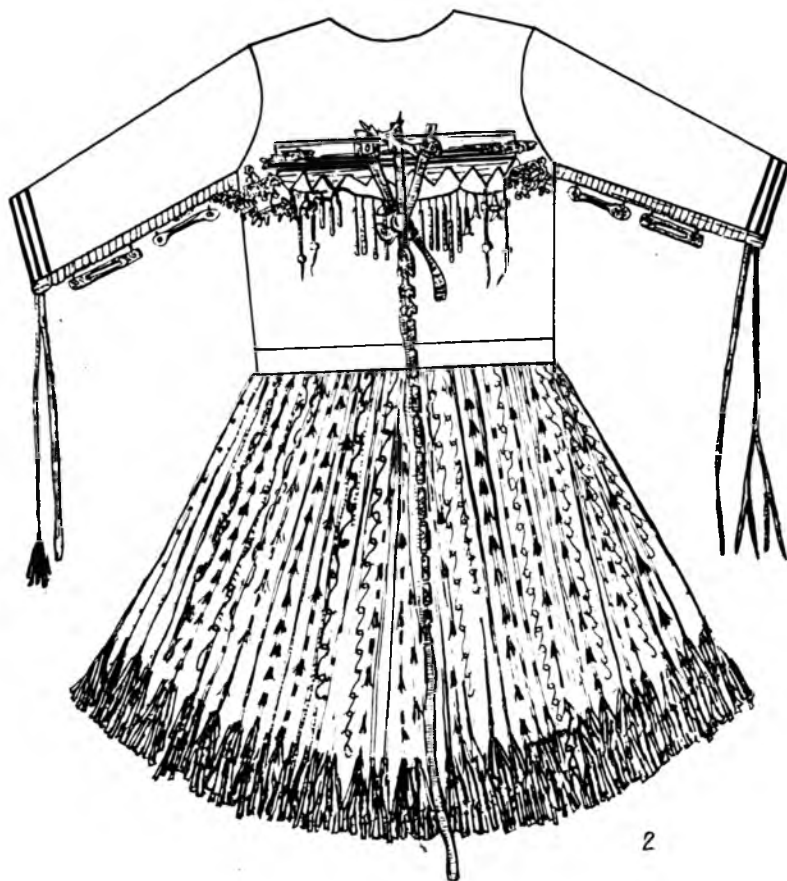
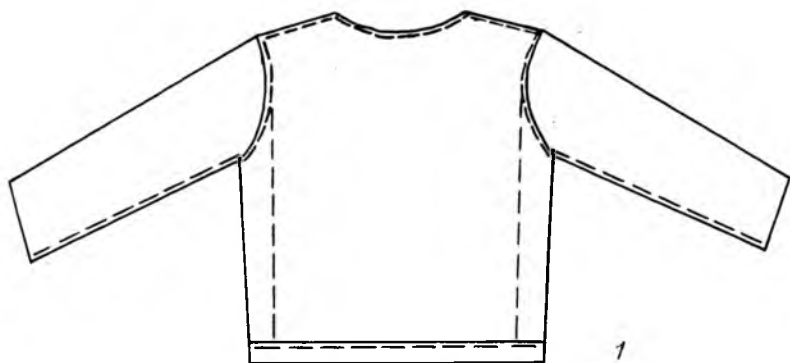

Табл. 8. Кафтан (1) и шаманский костюм (2) И.И. Яковлева из рода Буллёт. Вид сзади.

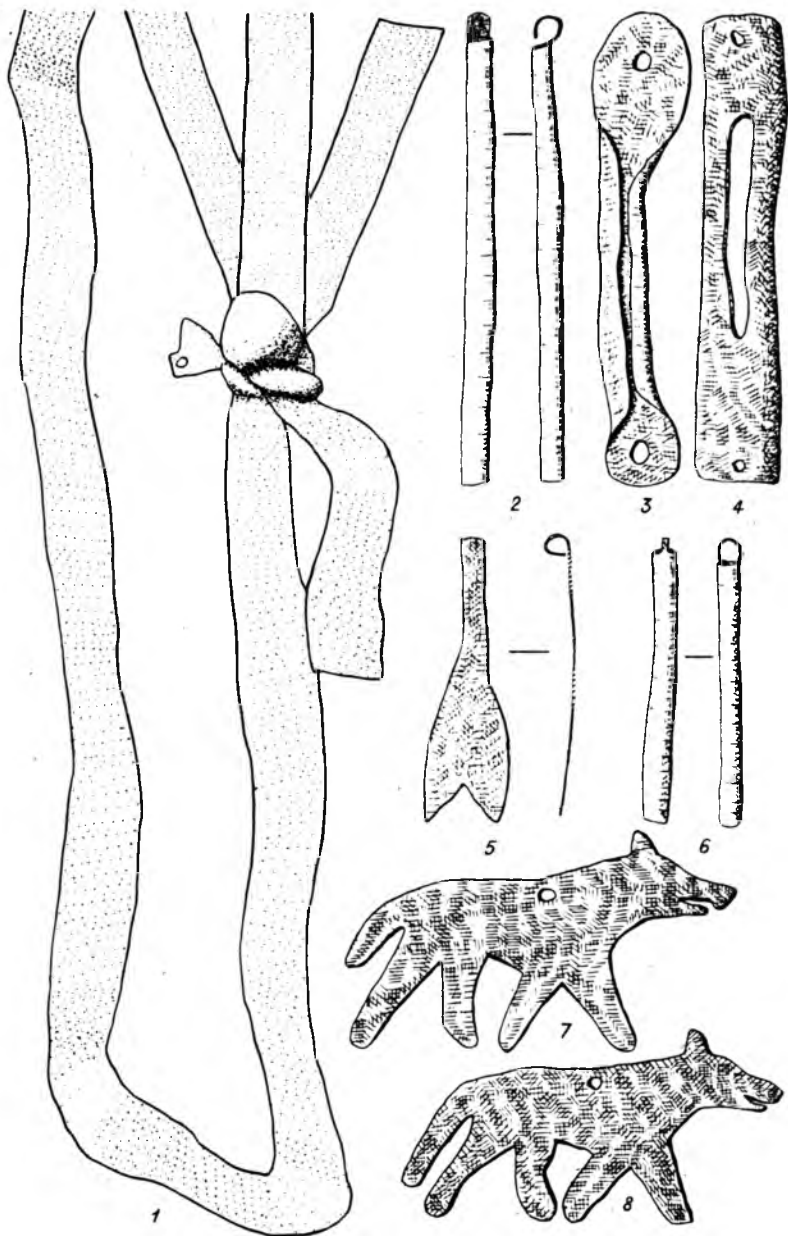

Табл. 9. Детали шаманского костюма И. И. Яковлева.

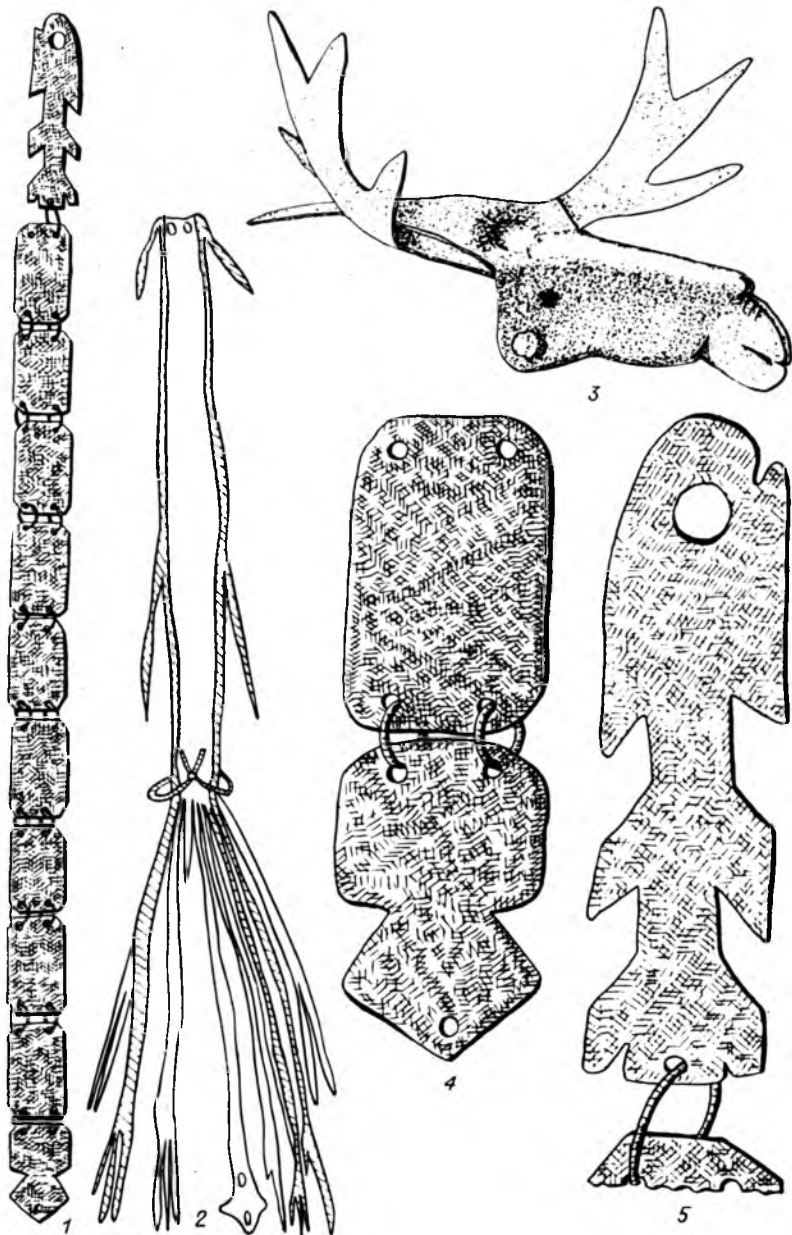

Табл. 10. Детали шаманского костюма И. И. Яковлева.

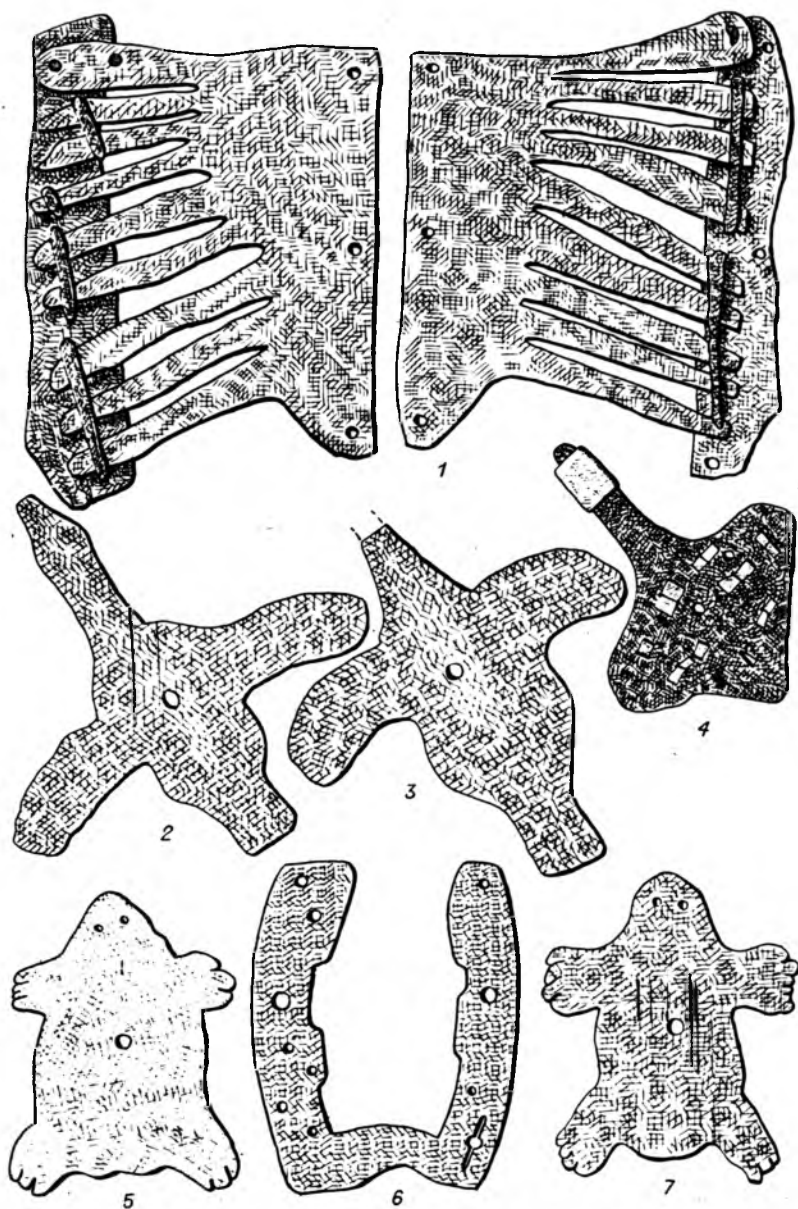

Табл. 11. Детали шаманского костюма И. И. Яковлева.

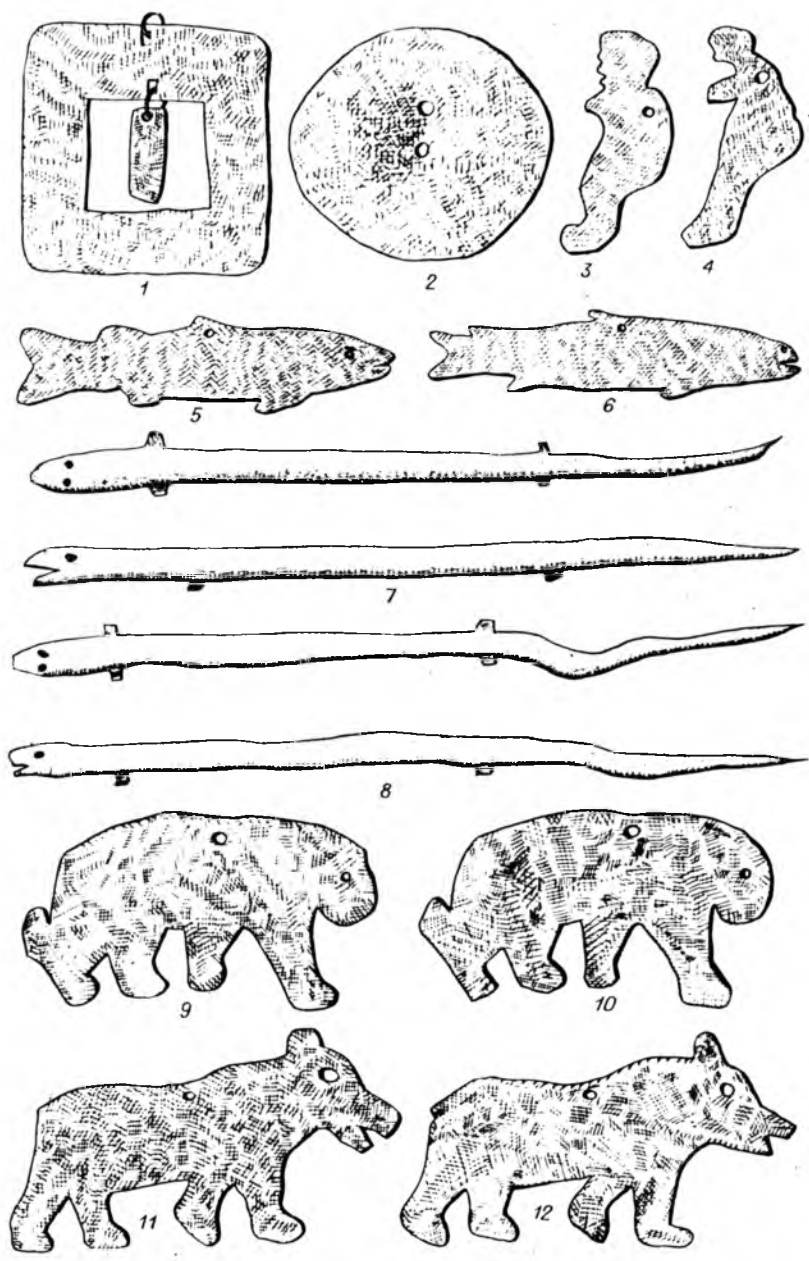

Табл. 12. Детали шаманского костюма И. И. Яковлева.

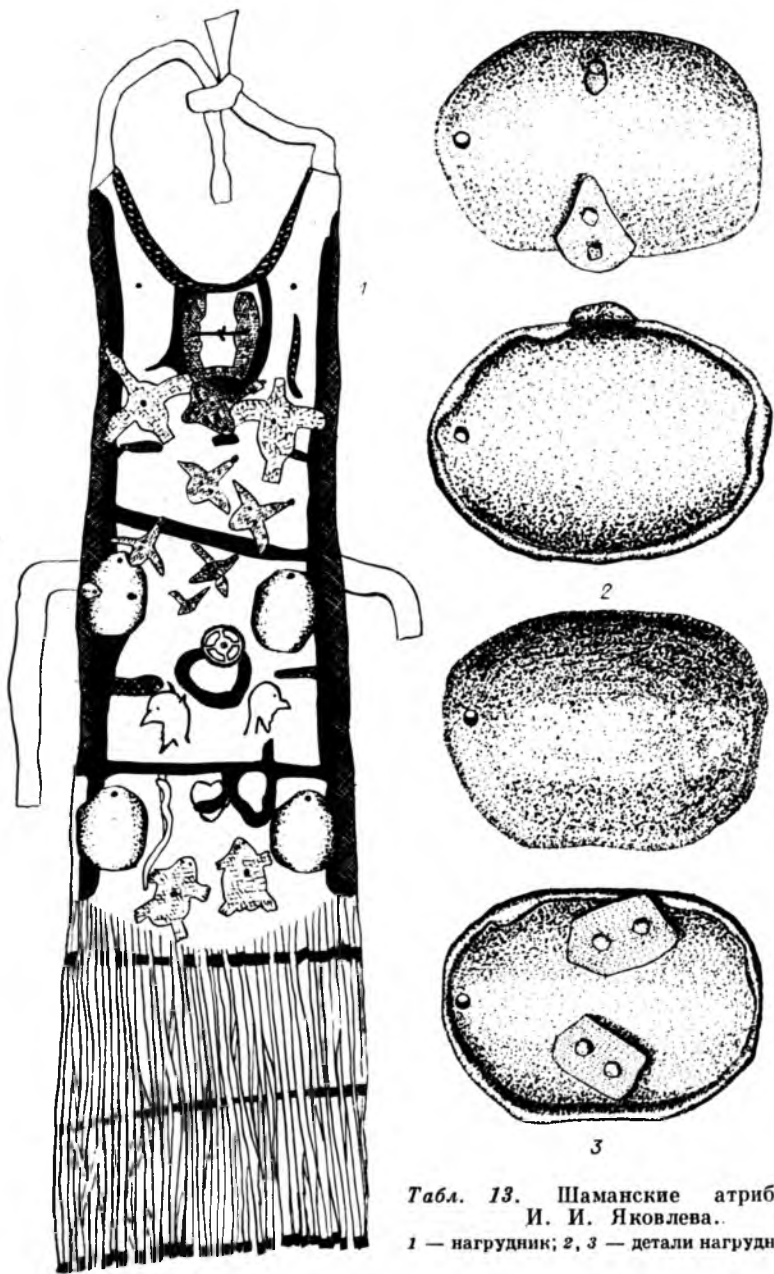

Табл. 13. Шаманские атрибуты
И. И. Яковлева.
1 — нагрудник; 2, 3 — детали нагрудника.

Табл. 14. Шаманские атрибуты И. И. Яковлева.

1—5 — детали нагрудника; 6, 7 — детали бубна; 8 — детали колотушки; 9 — деталь шаманского костюма № 1 С. А. Григорьева из рода Каптугар.

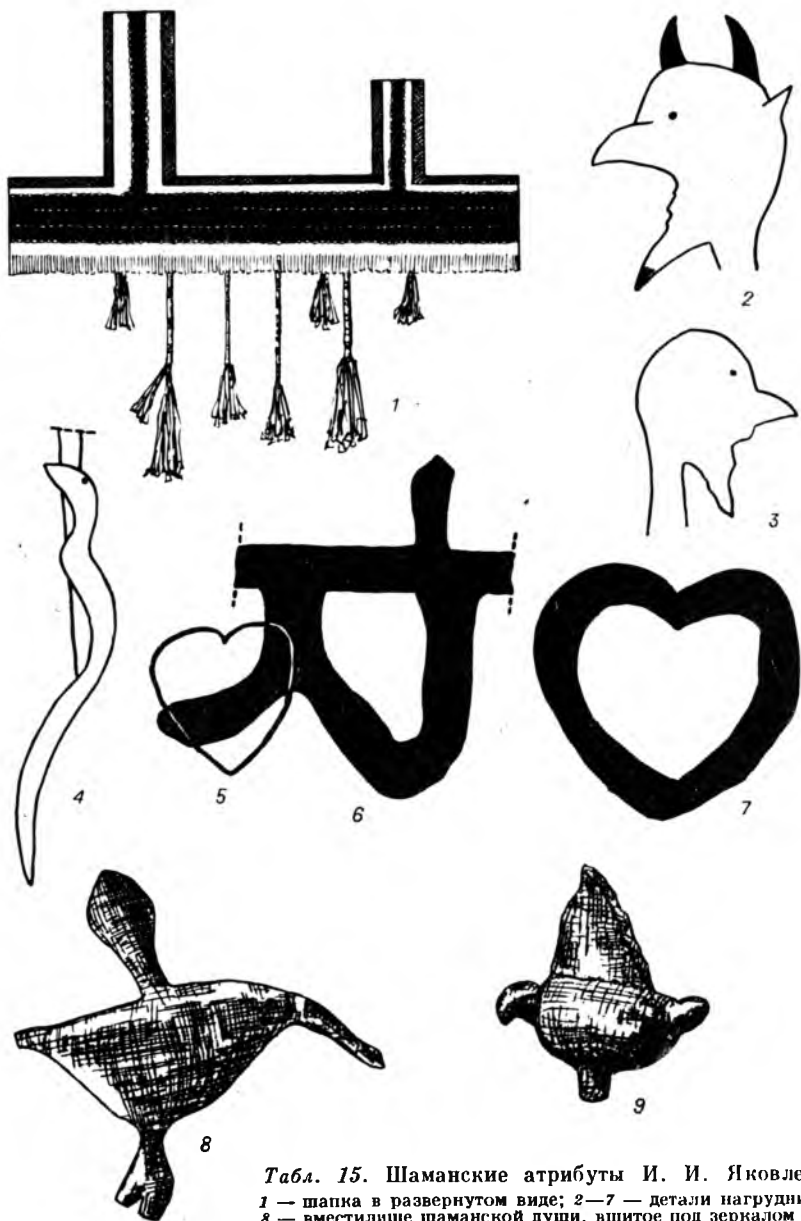

Табл. 15. Шаманские атрибуты И. И. Яковлева.

1 — шапка в развернутом виде; 2—7 — детали нагрудника;
 8 — вместилище шаманской души, шитое под зеркалом шаманского головного убора А. И. Ростолова из рода Ниноган; 9 — вместилище шаманской души, подвешенное на шаманском костюме № 2 С. А. Григорьева из рода Каптугар.

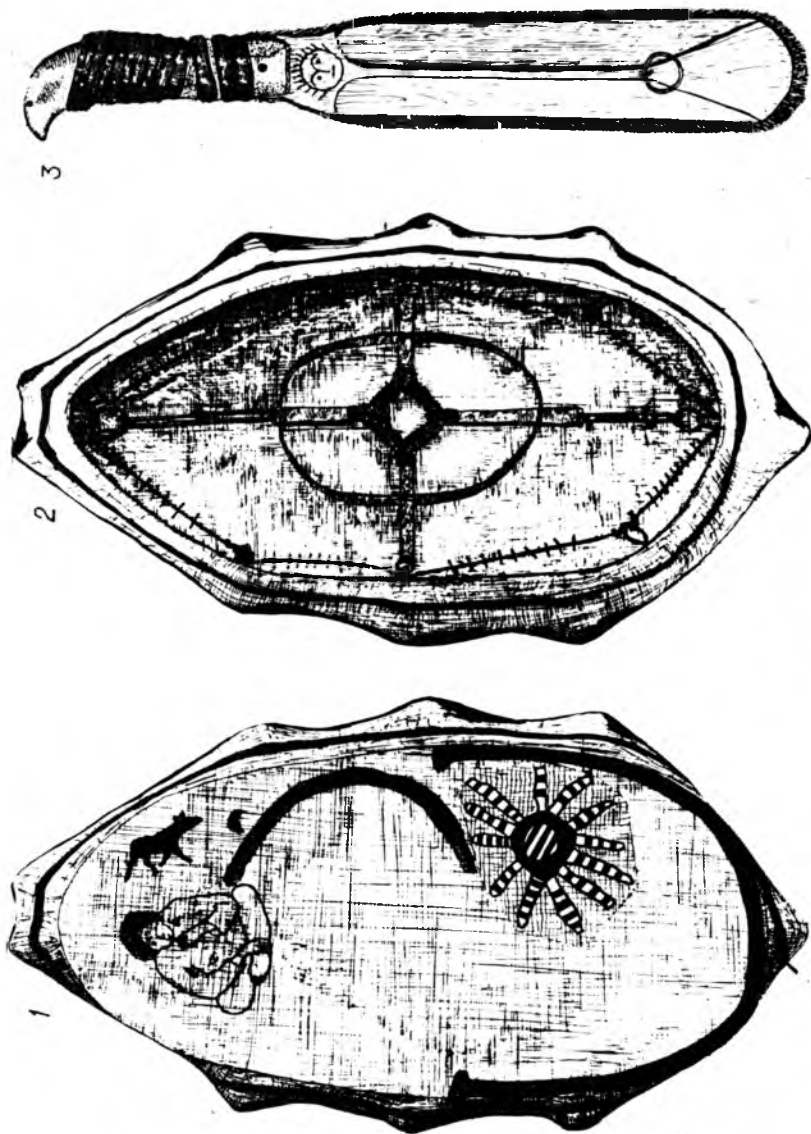

Табл. 16. Шаманские атрибуты верхнезейского шамана И. И. Яковлева.
 1 — бубен; 2 — колотушка.

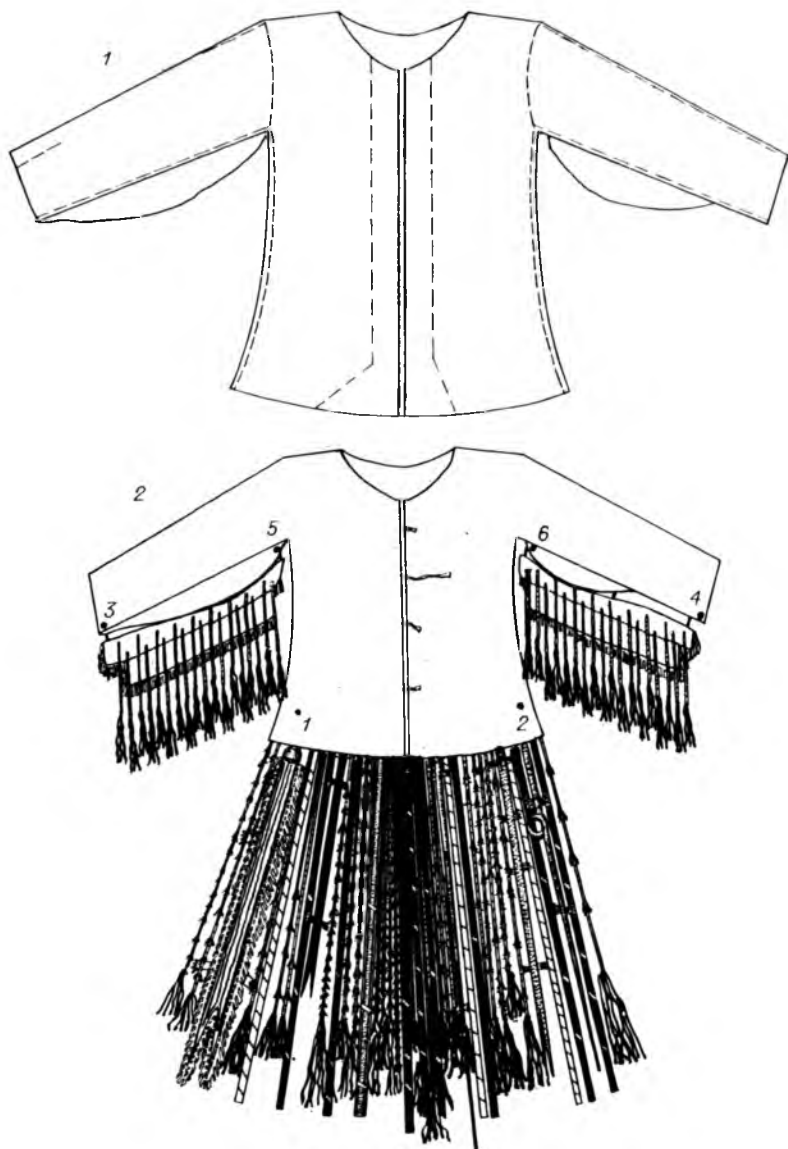

Табл. 17. Кафтан (1) и шаманский костюм (2) А. И. Ростолова из рода Нинюган
Вид спереди.

Табл. 18. Кафтан (1) и шаманский костюм (2) А. И. Ростолова из рода Ниноган Вид сзади.

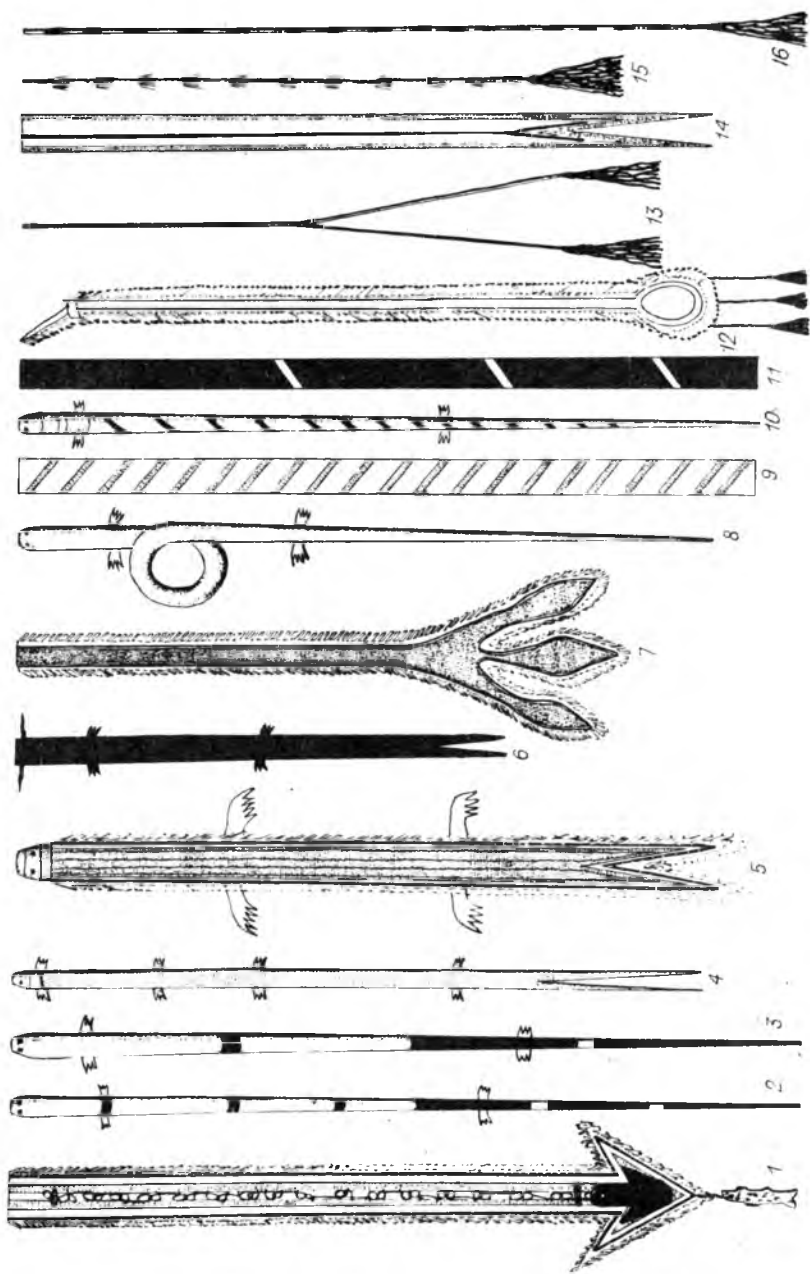

Табл. 19. Детали шамаского костюма А. И. Ростолова.

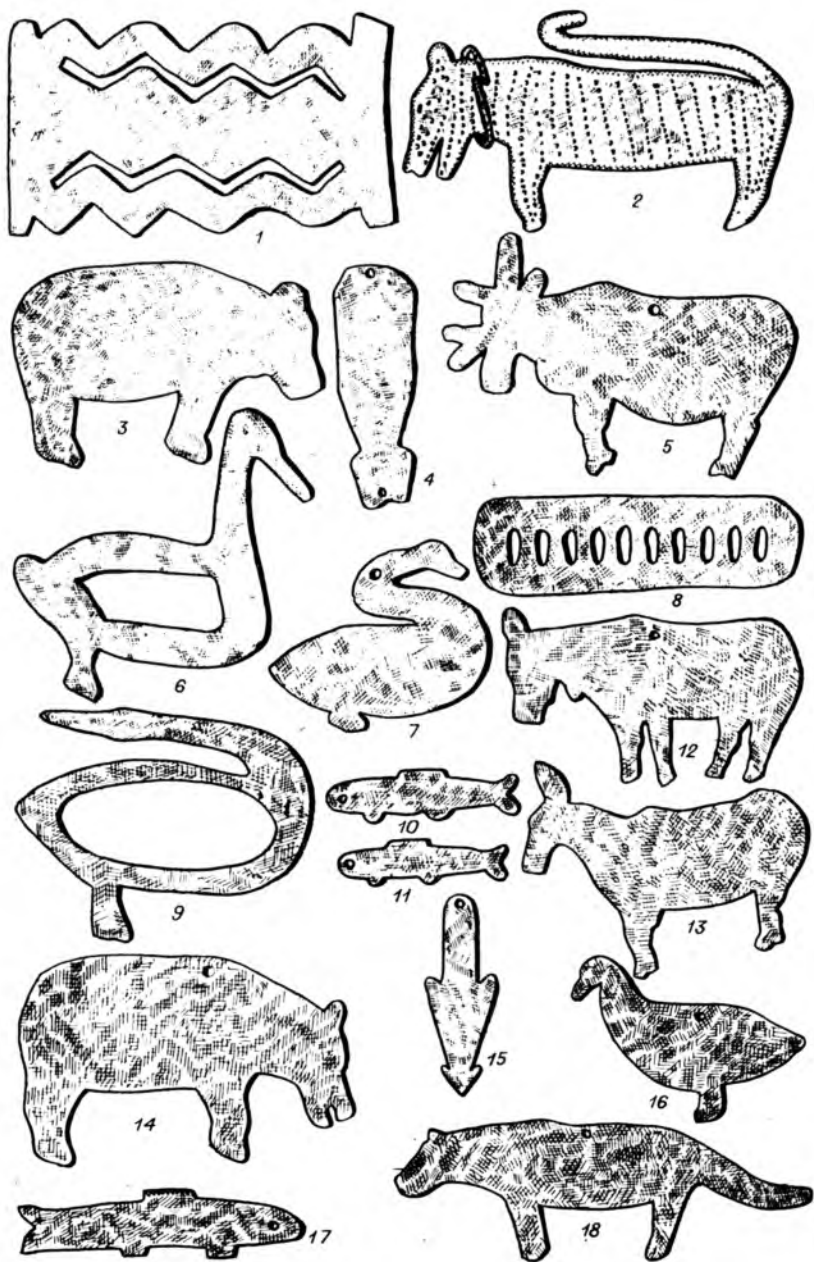

Табл. 20. Детали шаманского костюма А. И. Ростолова.

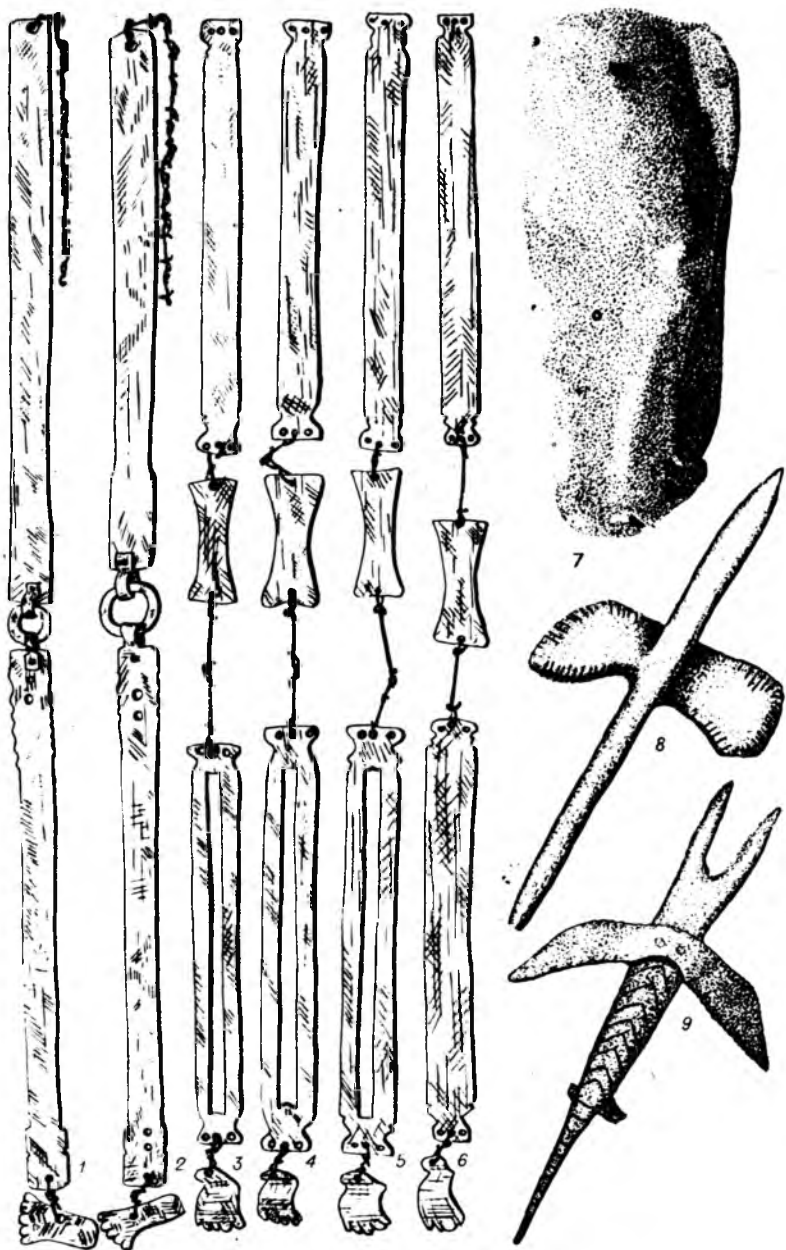

Табл. 21. Детали шаманского костюма А. И. Ростолова.

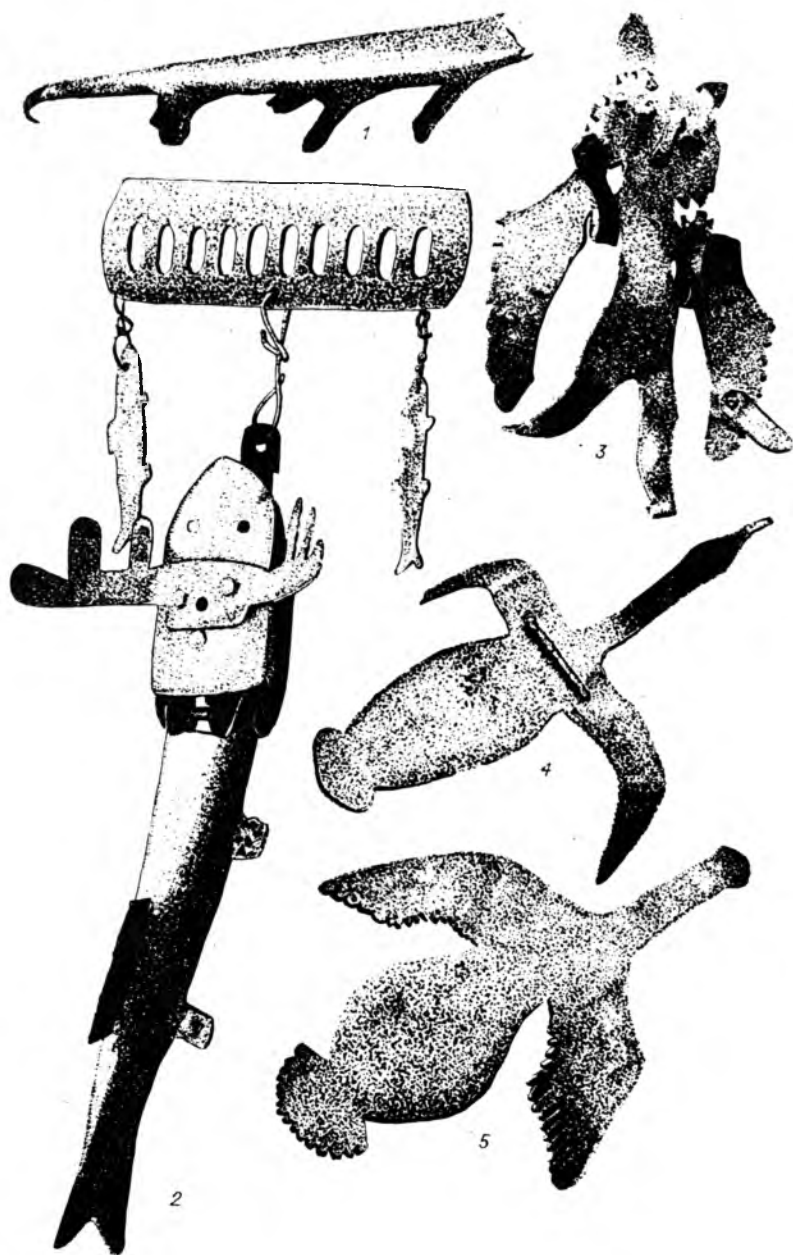

Табл. 22. Детали шаманского костюма А. И. Ростолова.

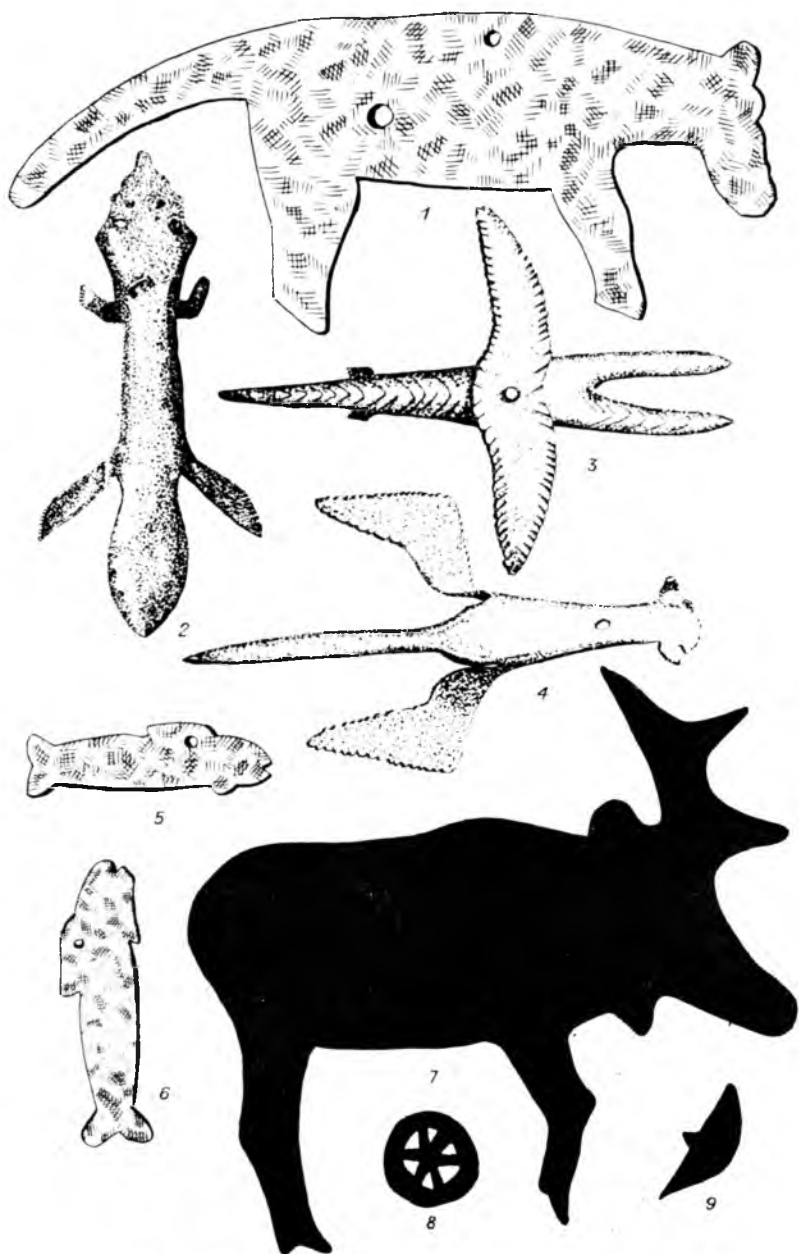

Табл. 23. Шаманские атрибуты А. И. Ростолова.
 1 — 6 — детали костюма; 7—9 — детали бубна.

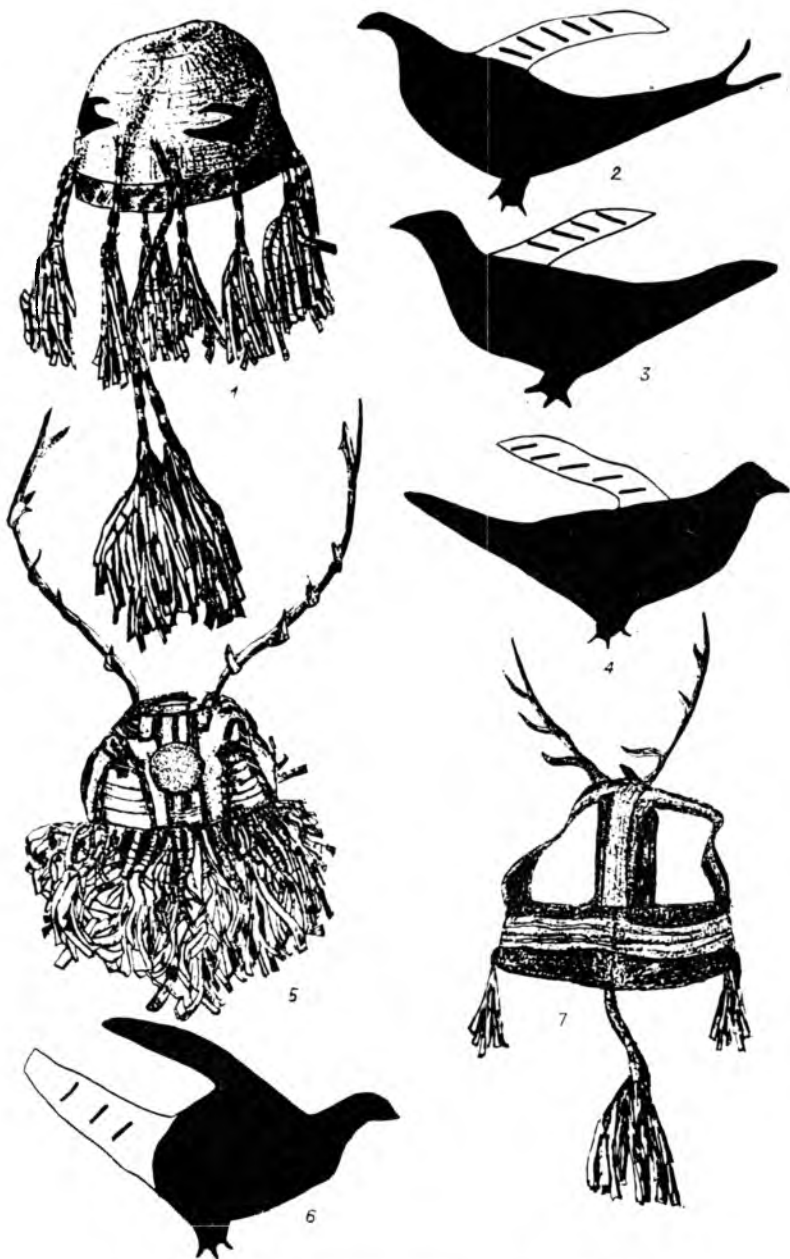

Табл. 24. Шаманские шапки и их детали.
 1—4, 6, 7 — происхождение неизвестно; 5 — шапка А. И. Ростолова.

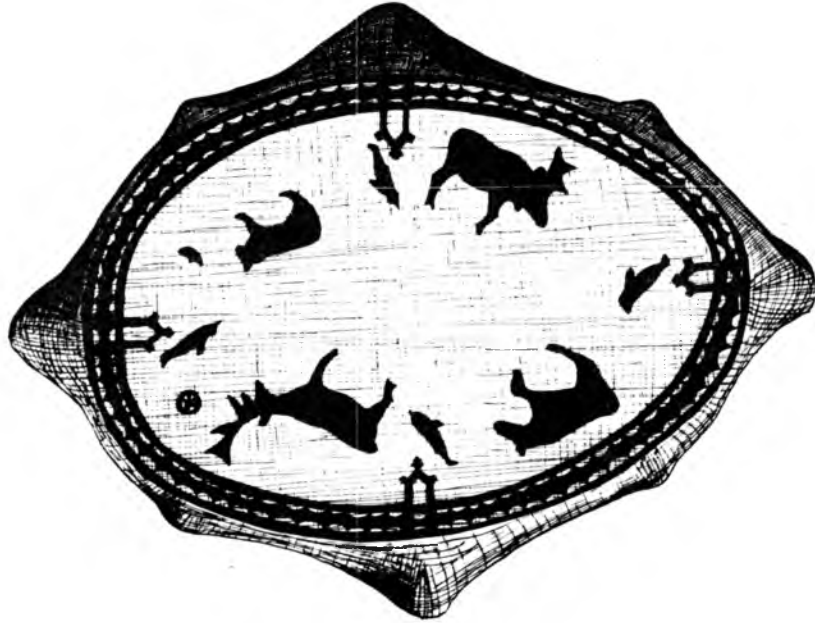
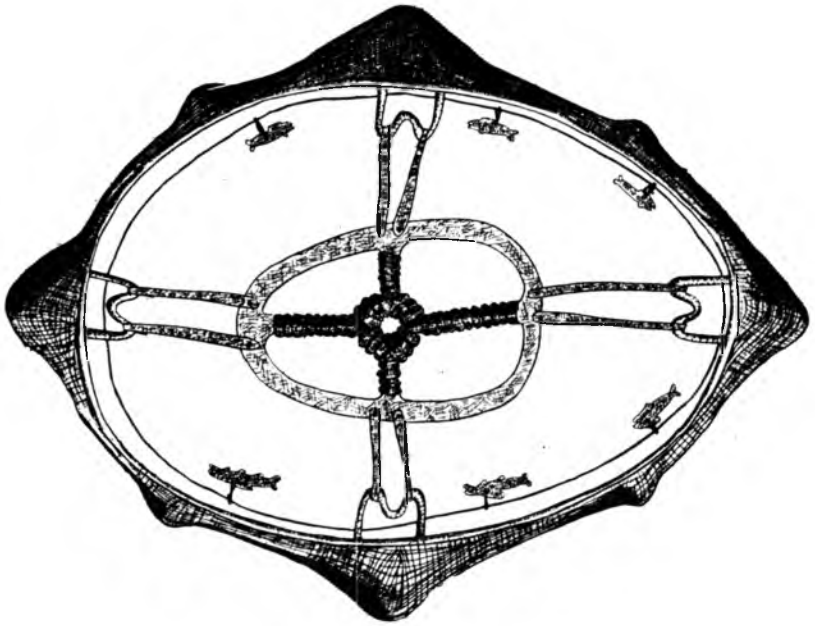

Табл. 25. Шаманский бубен А. И. Ростелова.

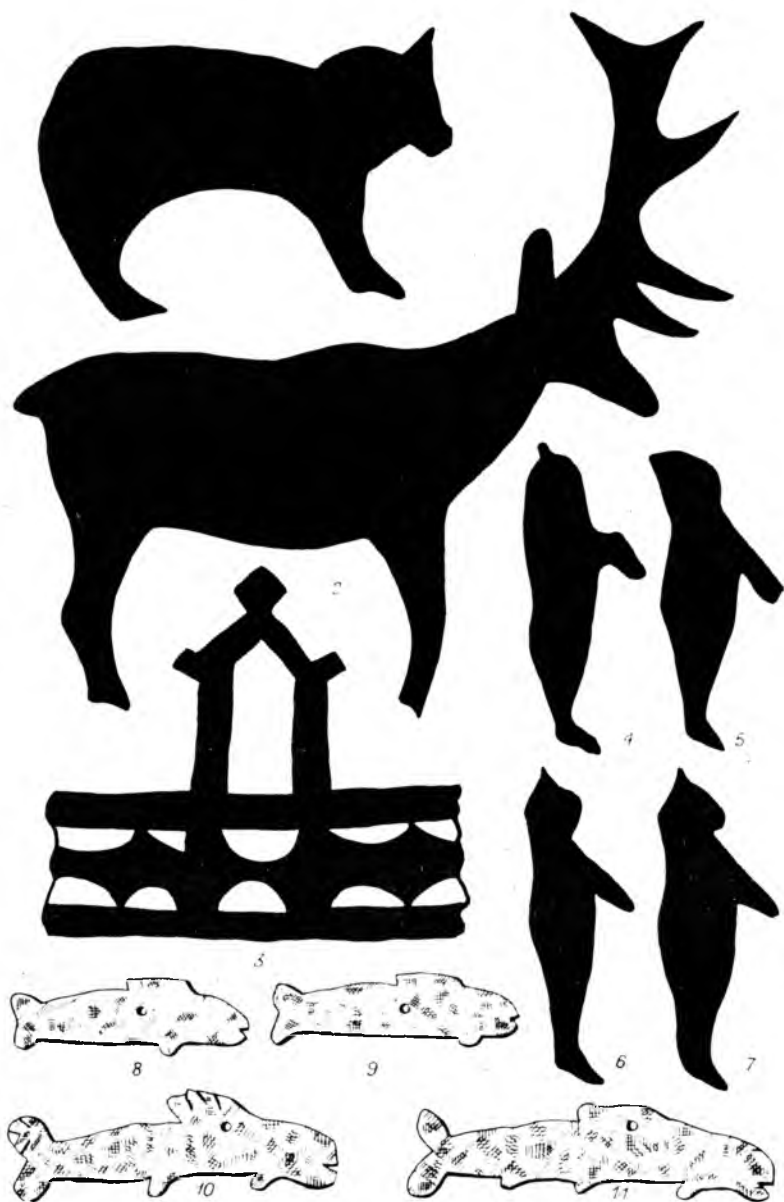

Табл. 26. Детали шаманского бубна А. И. Ростолова.

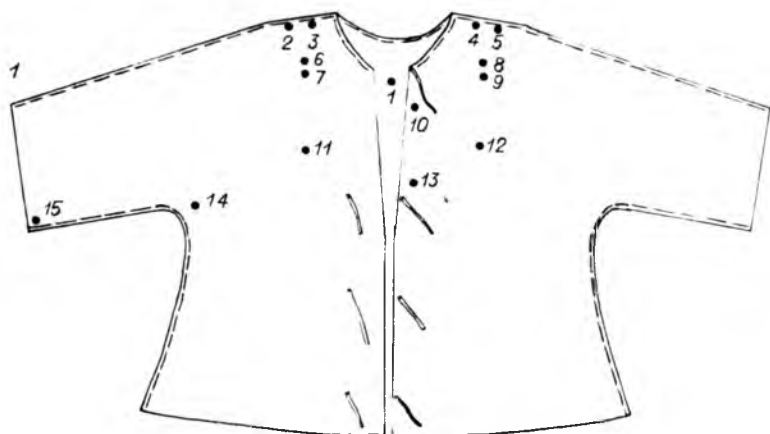

Табл. 27. Кафтан (1) и шаманский костюм № 1 (2) С. А. Григорьева из рода Кэпугар. Вид спереди.

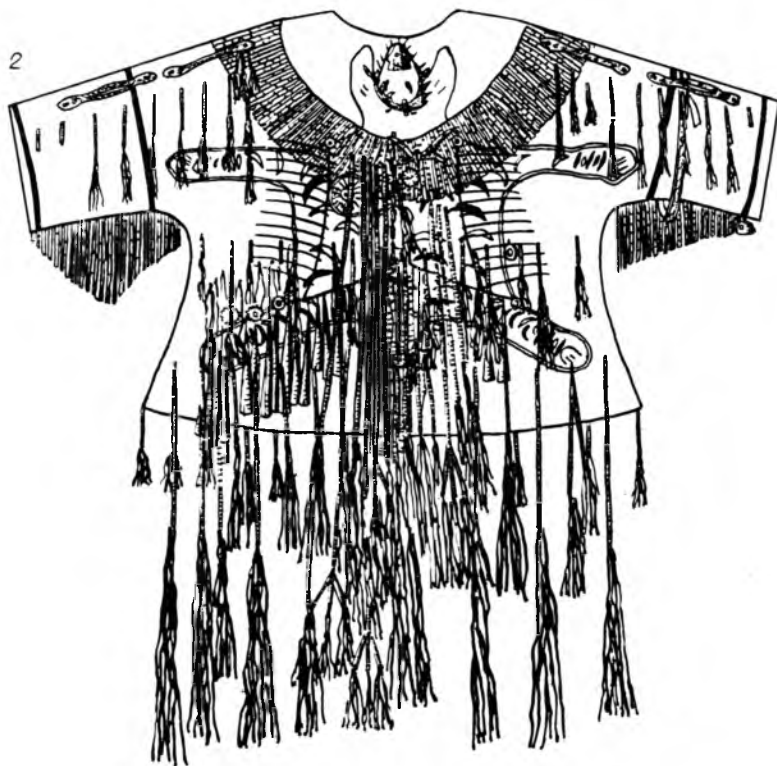
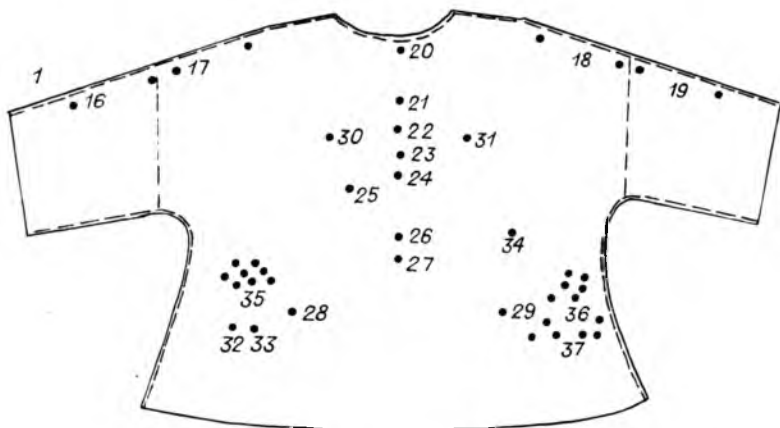

Табл. 28. Кафтан (1) и шаманский костюм № 1 (2) С. А. Григорьева из рода Капугар. Вид сзади.

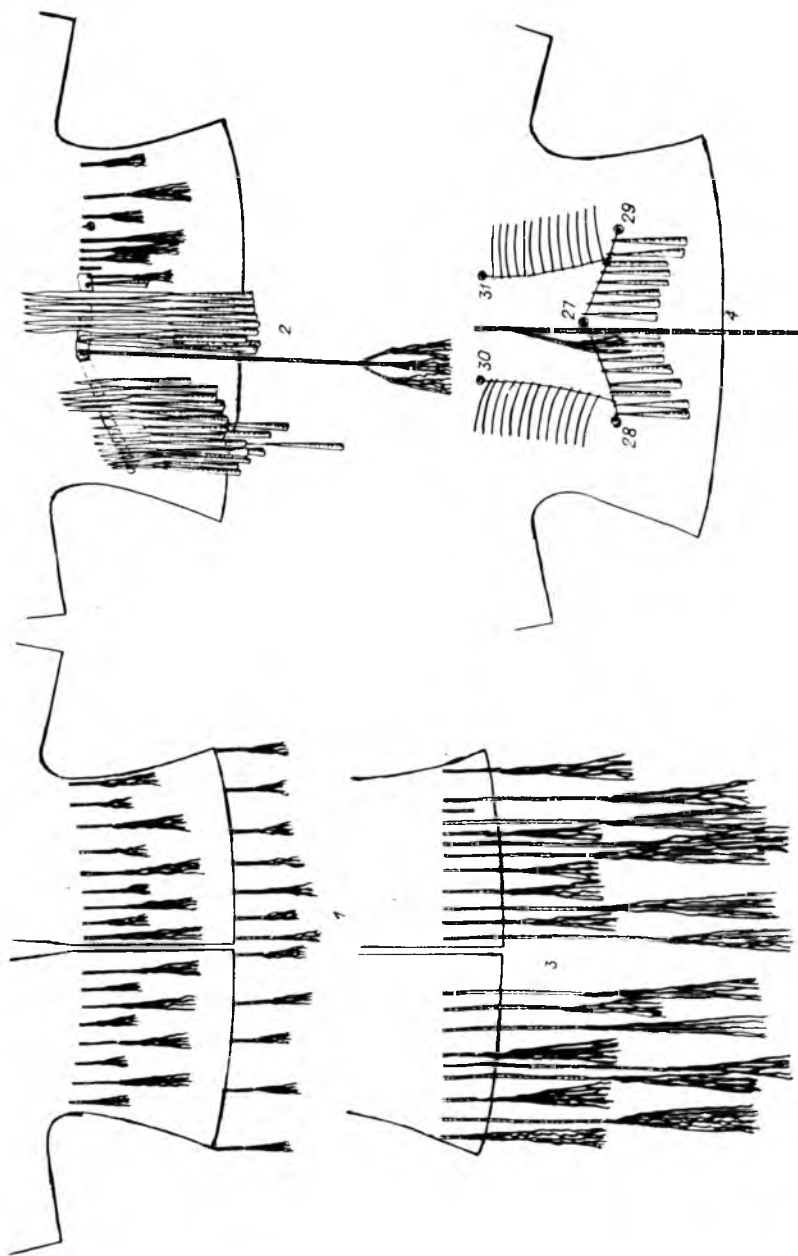

Табл. 29. Шаманский костюм № 1 С. А. Григорьева.

1, 3 — последовательность нанесения поясной бахромы спереди; 2, 4 — последовательность нанесения поясной бахромы сзади.

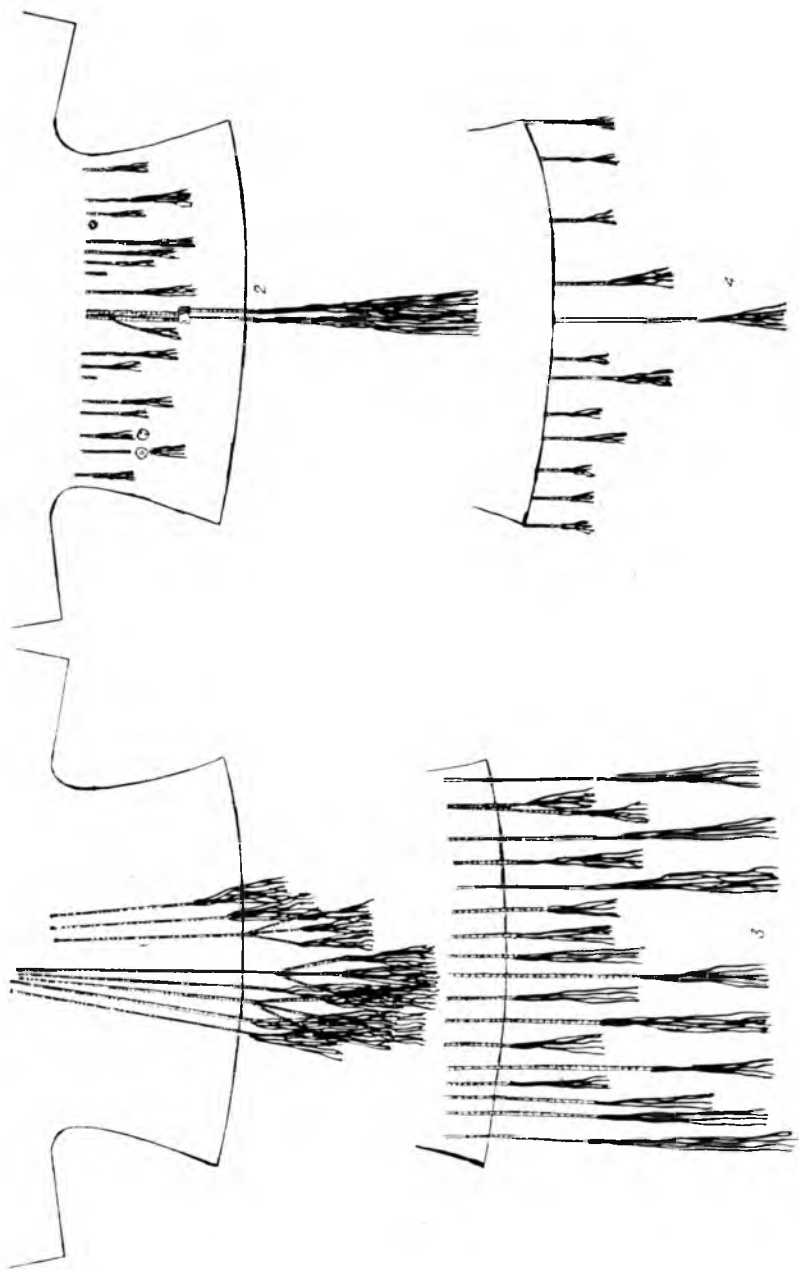

Табл. 30. Шаманский костюм № 1 С. А. Григорьева. Последовательность нанесения поясной бахромы сзади.

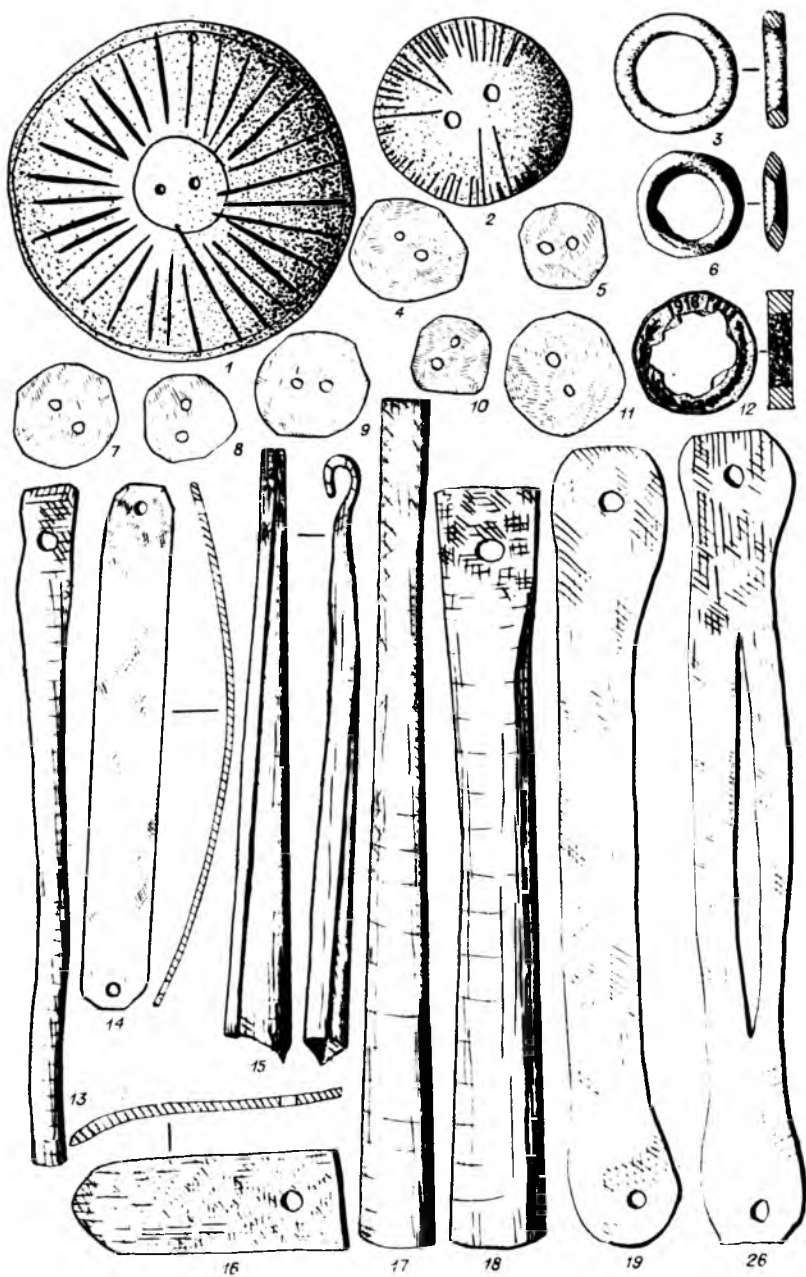

Табл. 31. Детали шаманского костюма № 1 С. А. Григорьева.

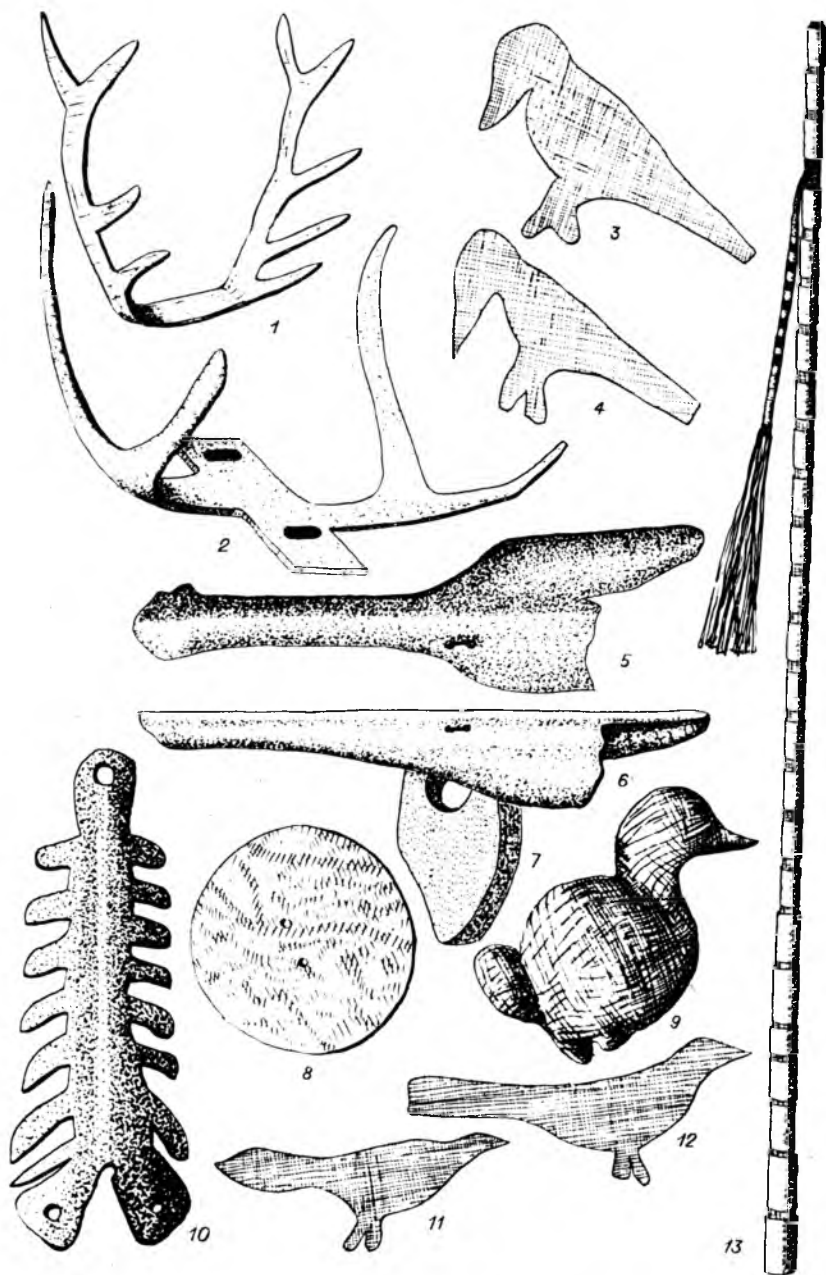

Табл. 32. Детали шаманского костюма № 1 С. А. Григорьева.

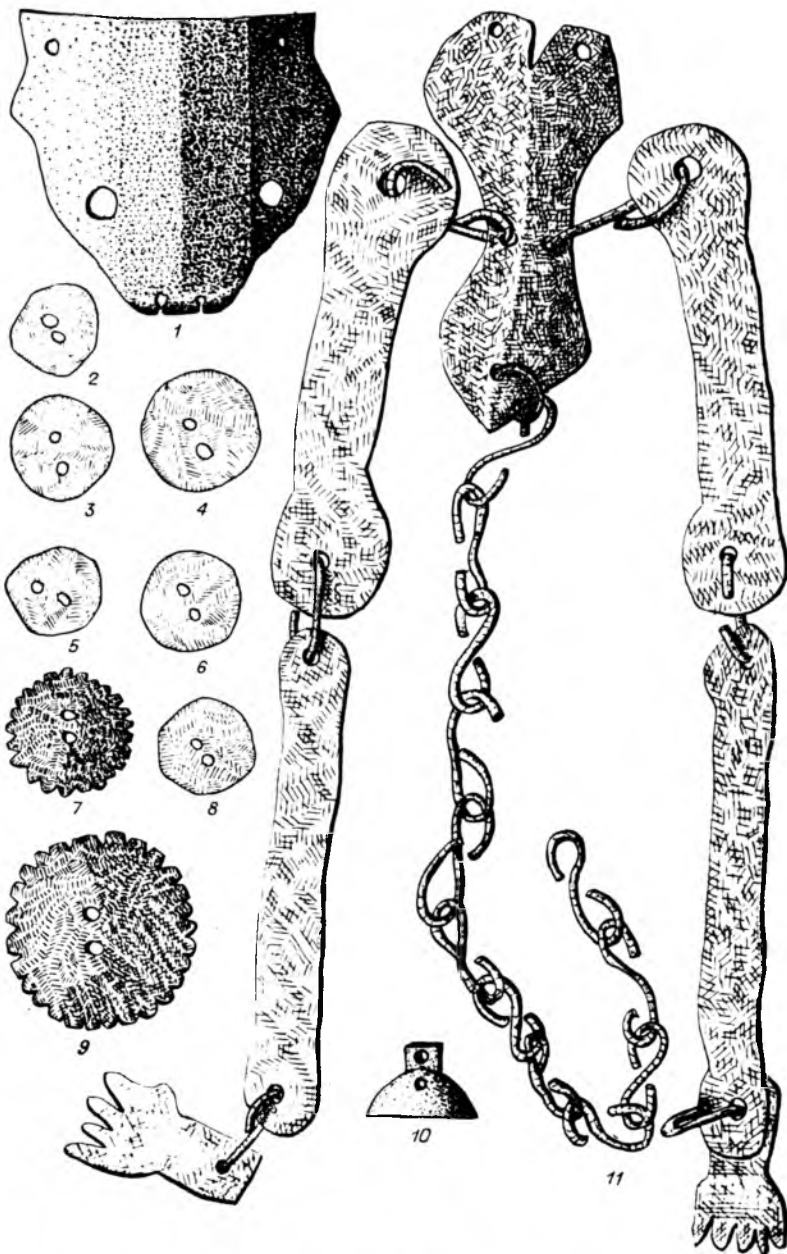

Табл. 33. Детали шаманского костюма № 1 С. А. Григорьева.

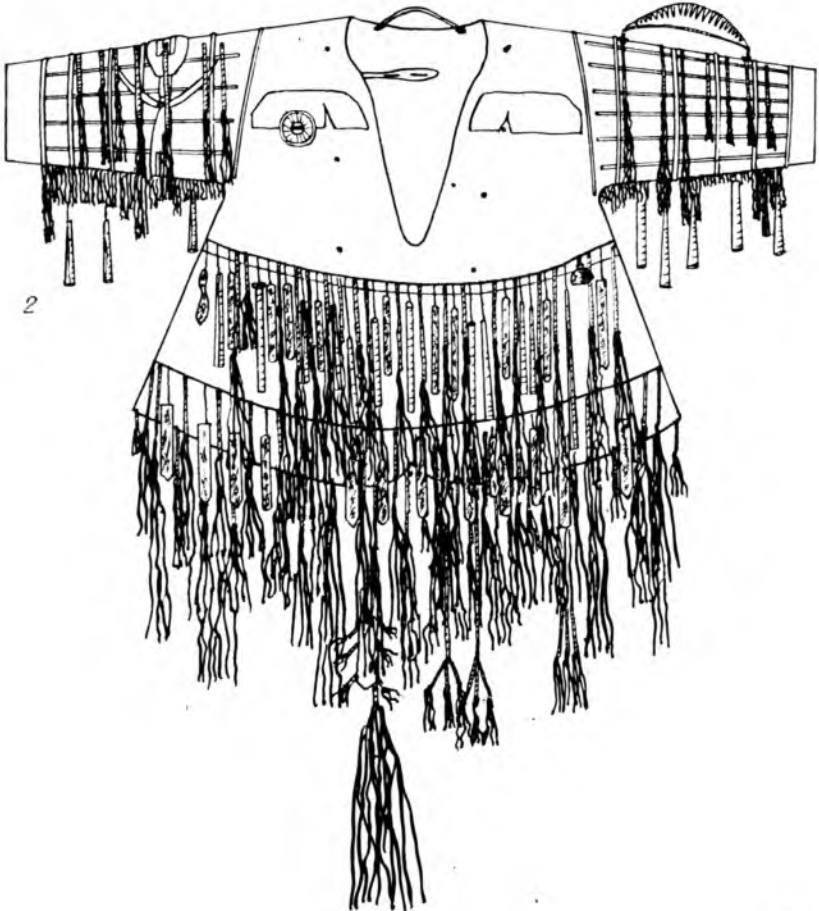
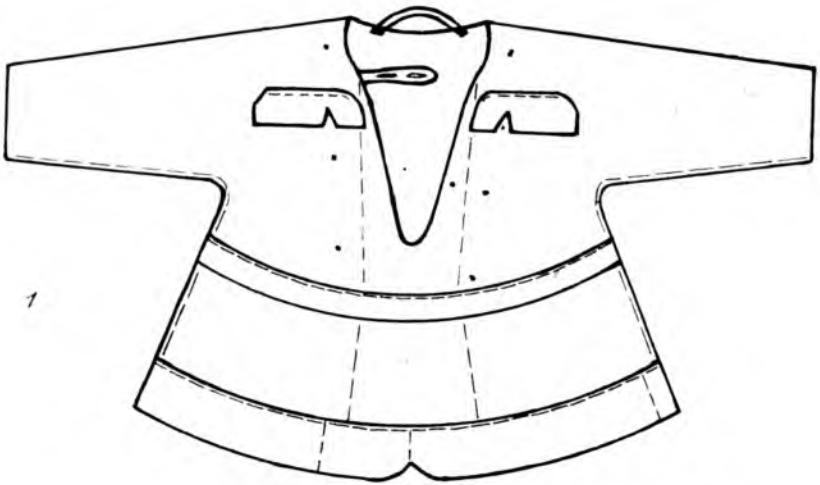

Табл. 34. Кафтан (1) и шаманский костюм № 2 (2) С. А. Григорьева. Вид сзади.

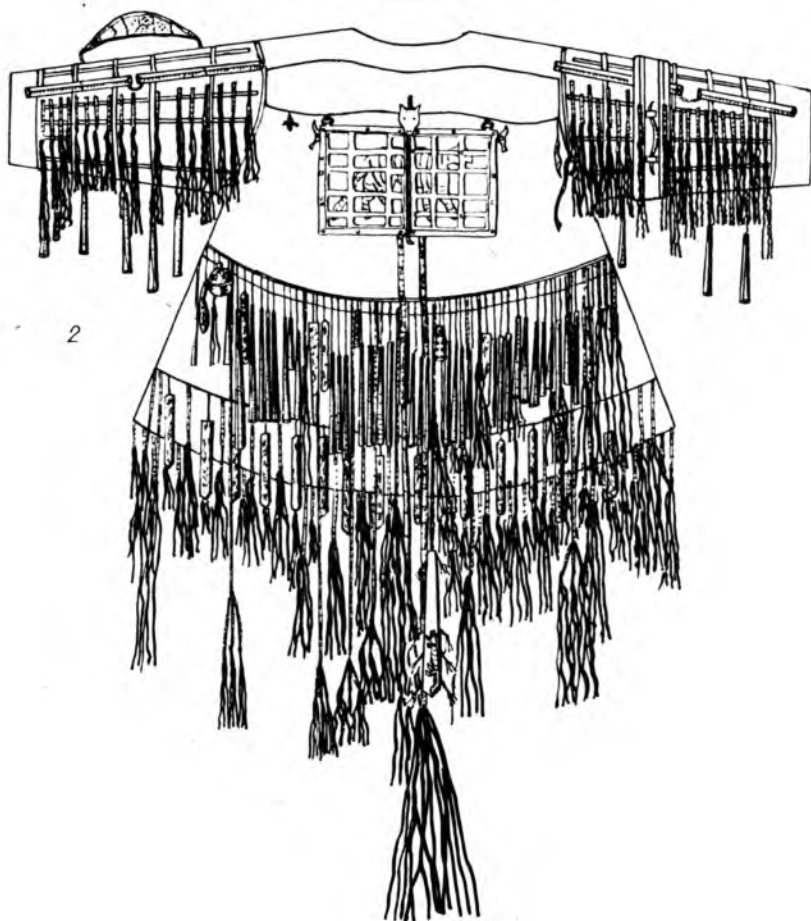
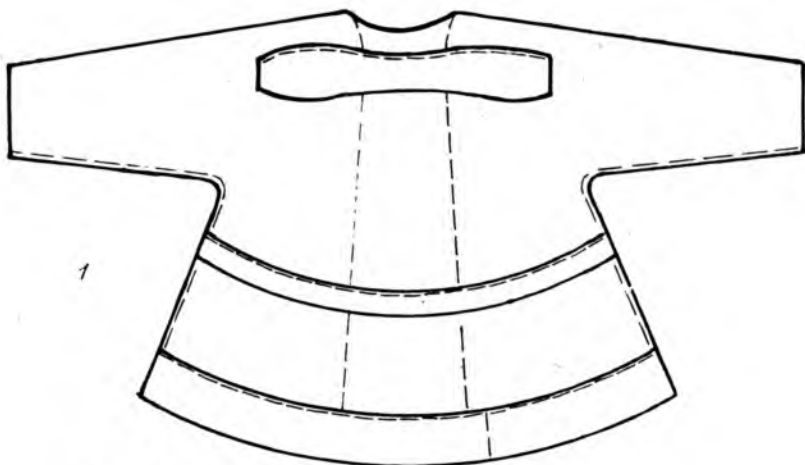

Табл. 35. Кафтан (1) и шаманский костюм № 2 (2) С. А. Григорьева. Вид сзади.

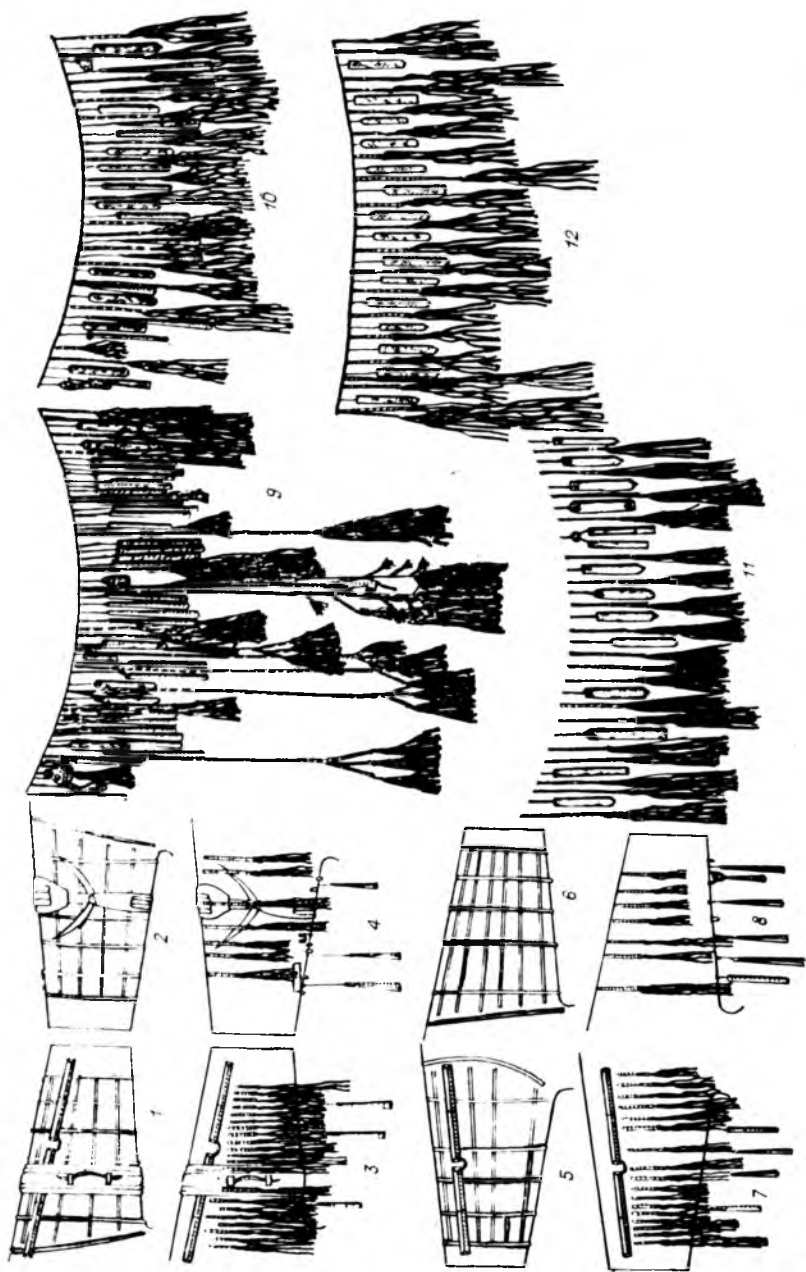

Табл. 36 Шаманский костюм № 2 С. А. Григорьева.

Наложение деталей: 1, 3 — на правый рукав сзади; 2, 4 — спереди; 5, 7 — на левый рукав сзади; 6, 8 — спереди; 9, 11 — бахрома сзади; 10, 12 — бахрома спереди.

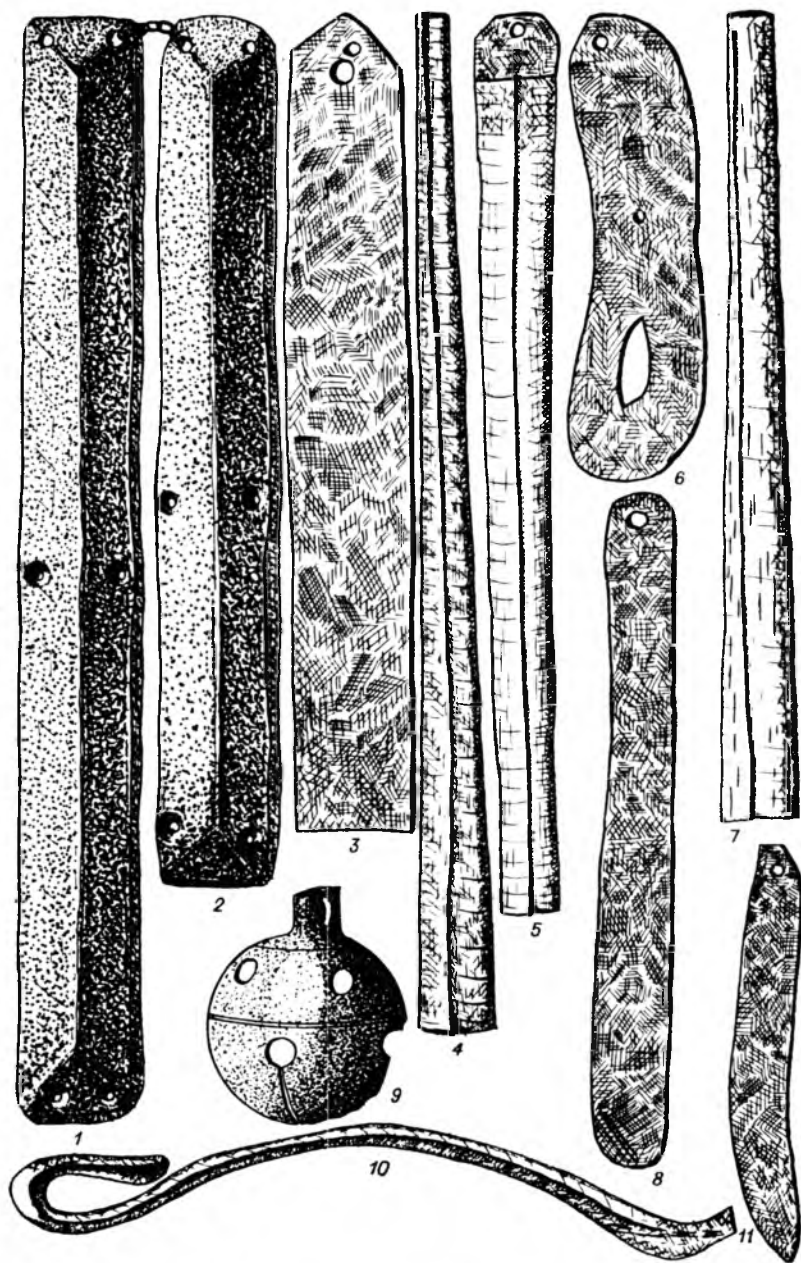

Табл. 37. Детали шаманского костюма № 2 С. А. Григорьева.

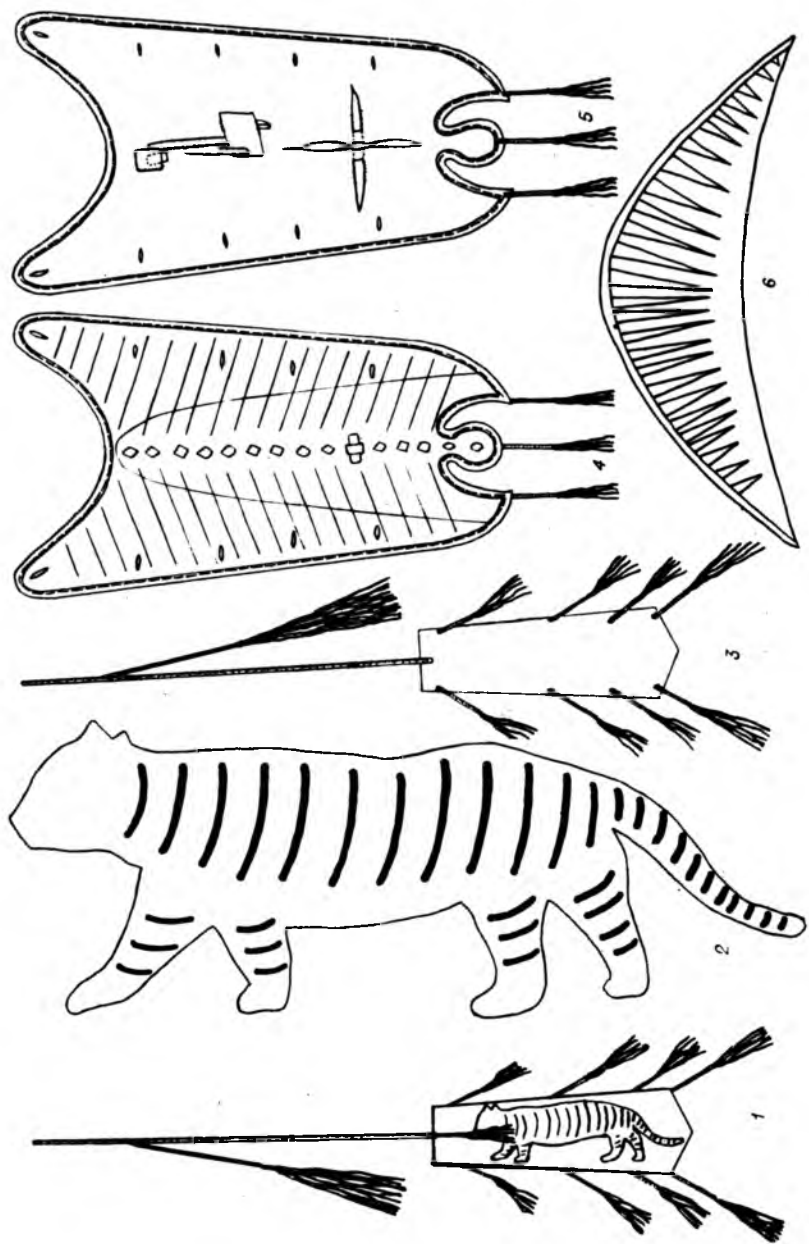
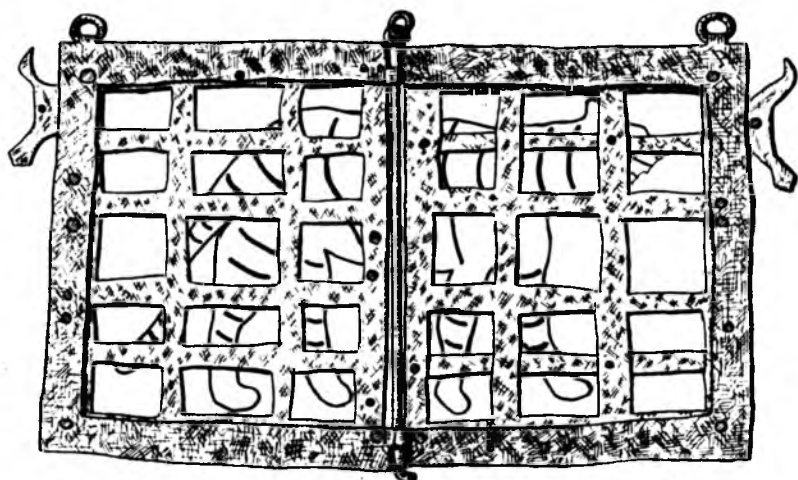
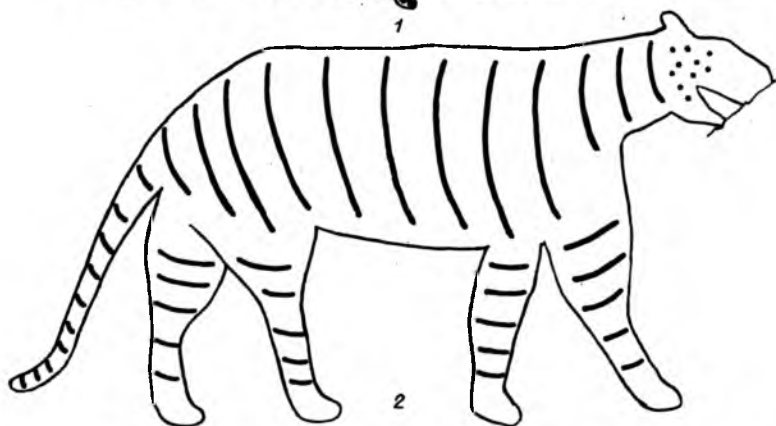

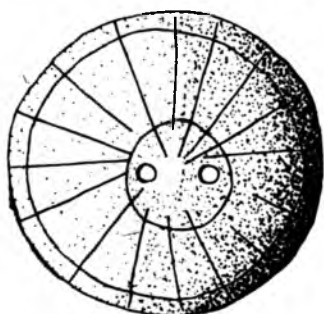
Табл. 38. Шаманские атрибуты С. А. Григорьева.
 1—3, 6 — детали шаманского костюма № 2; 4, 5 — нагрудник.

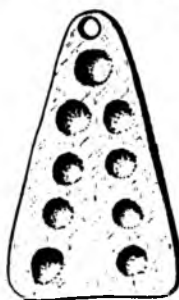
1

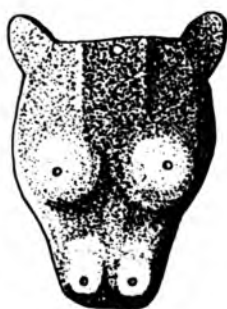
2

3

4

5

Табл. 39. Детали шаманского костюма № 2 С. А. Григорьева.

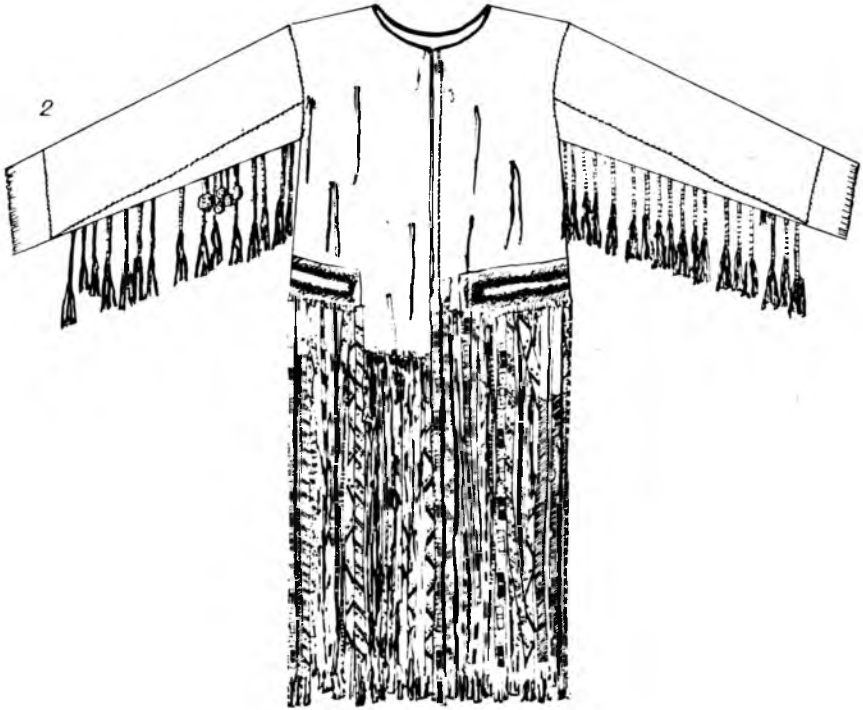
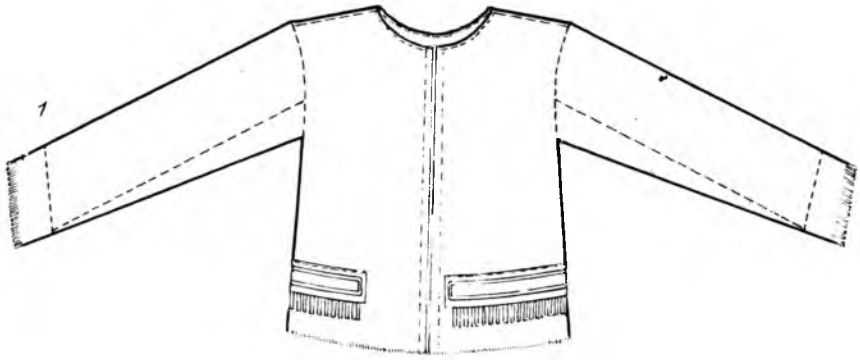

Табл. 40. Кафтан (1) и шаманский костюм (2) с р. Нюкжи. Вид спереди.

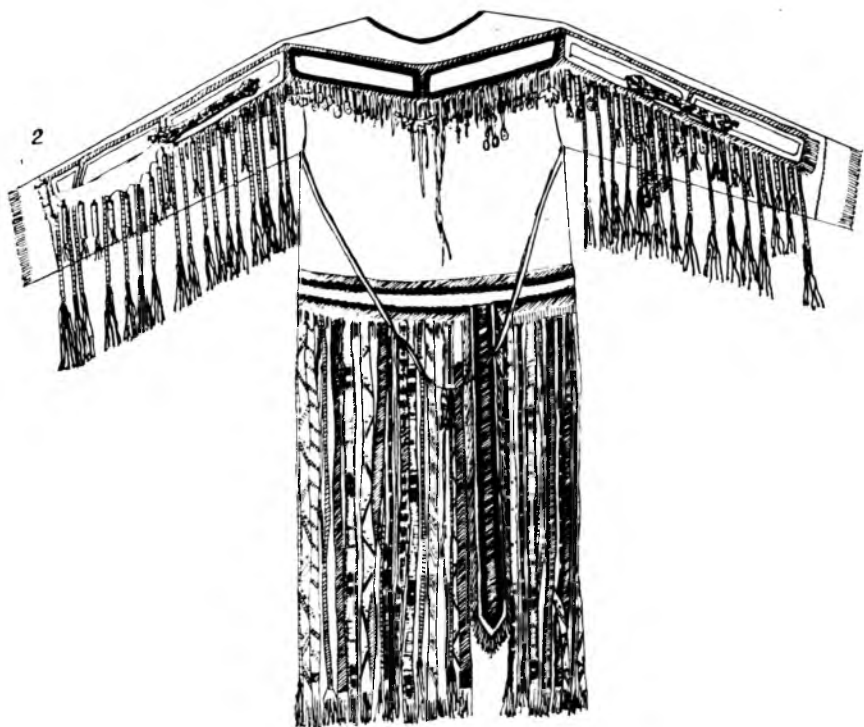
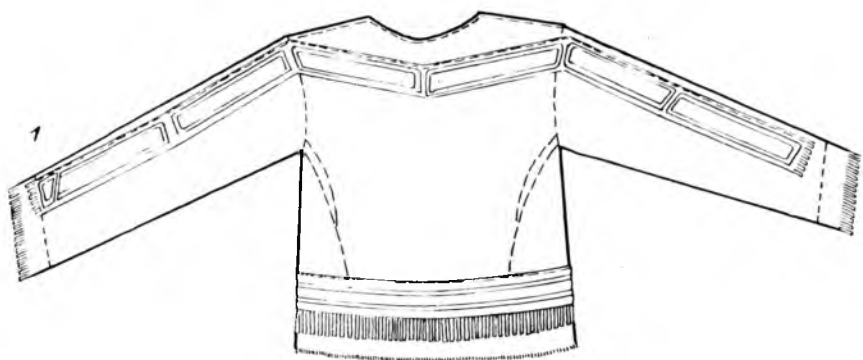

Табл. 41. Кафтан (1) и шаманский костюм (2) с р. Нюкжи. Вид сзади.

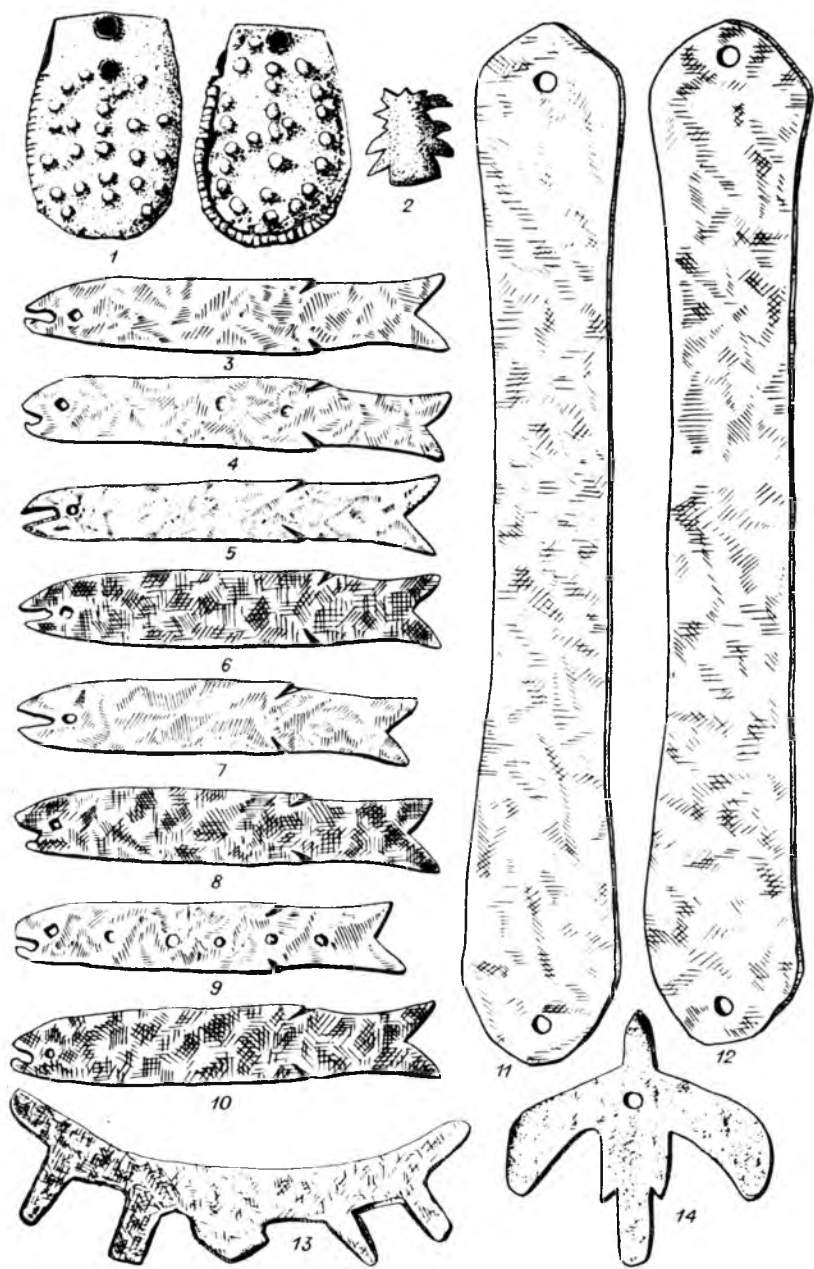

Табл. 42. Детали шаманского костюма с р. Нюкжи.

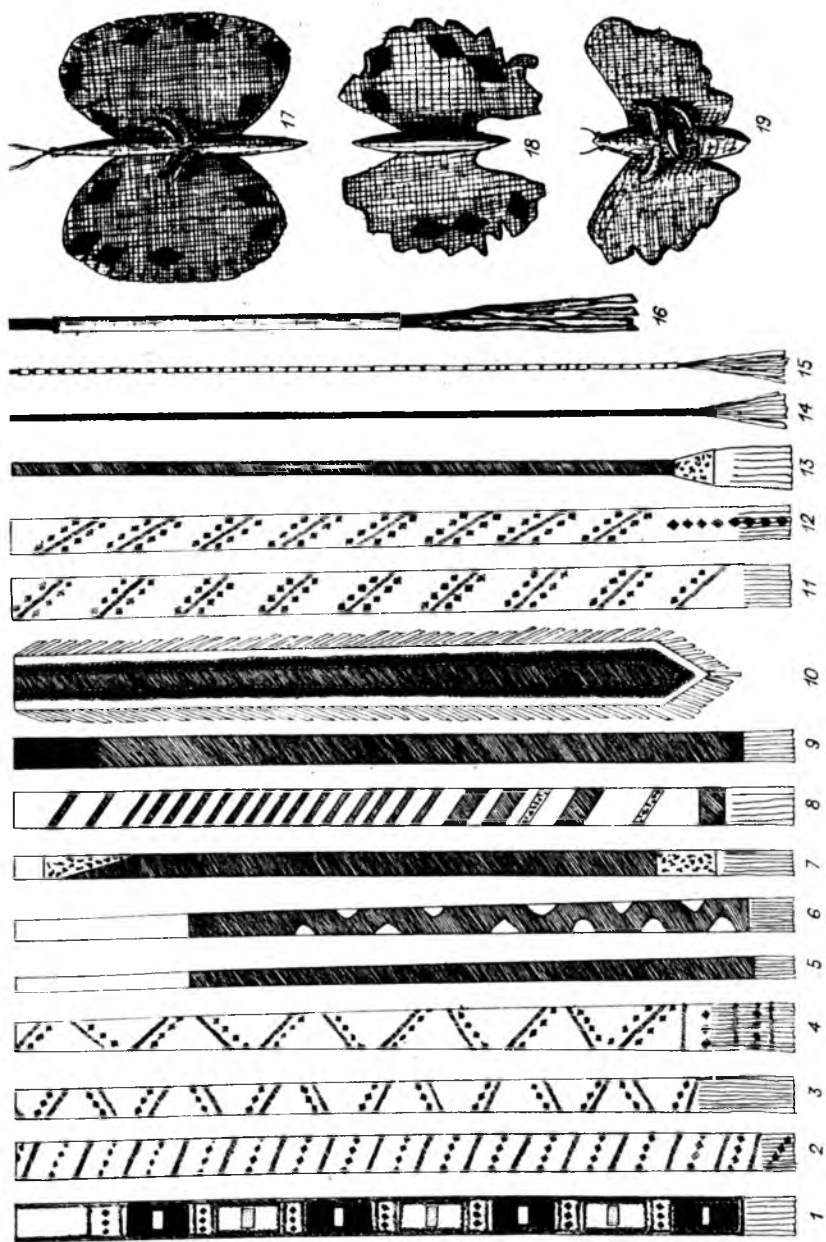

Табл. 43. Детали шаманского костюма с р. Нюкжял.

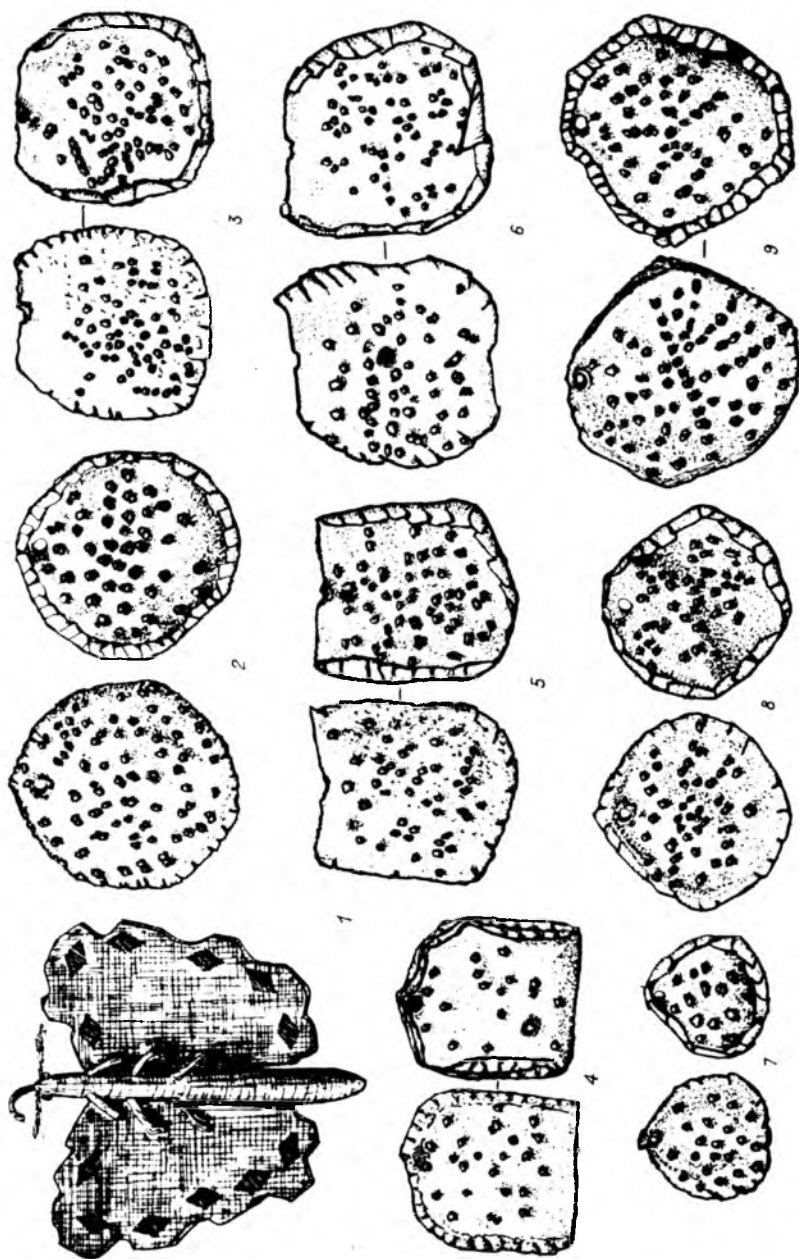

Табл. 44. Детали шаманского костюма с р. Нюкжи.

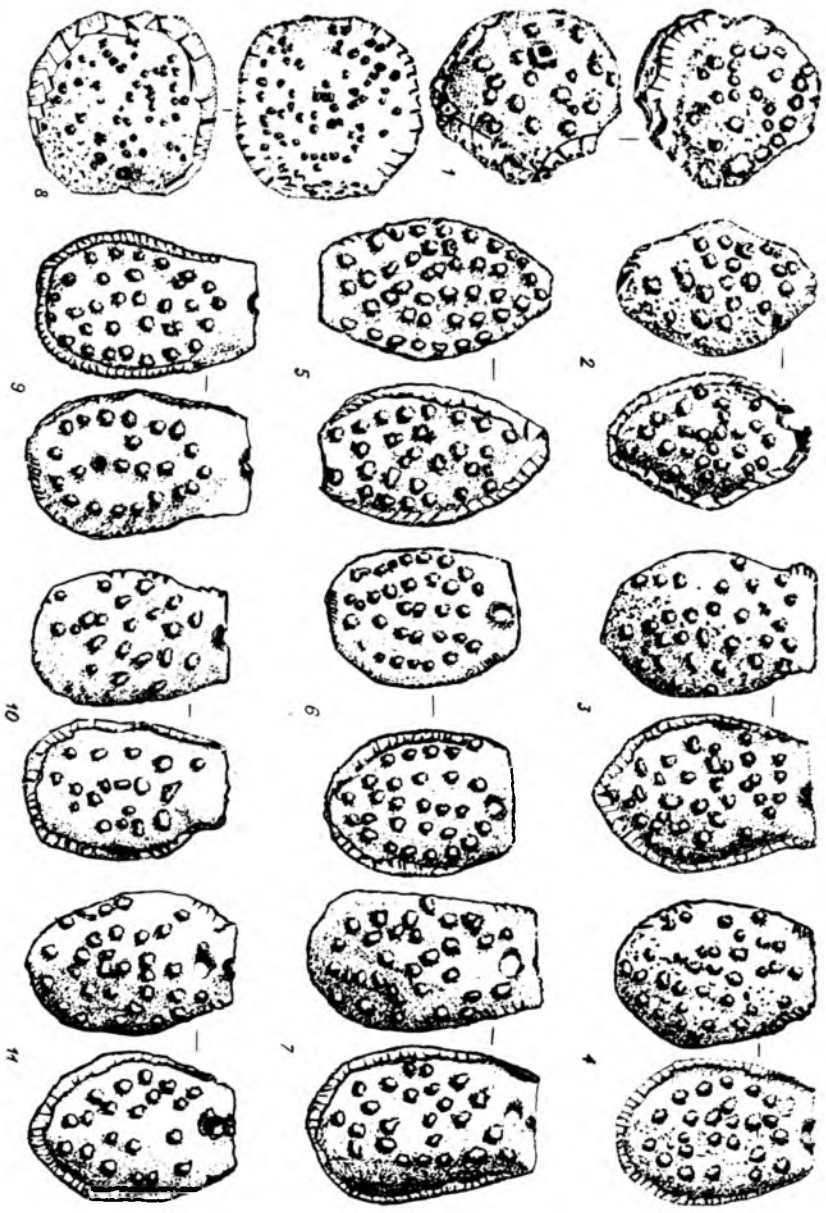

Табл. 45. Детали шаманского костяка с р. Нюкки.

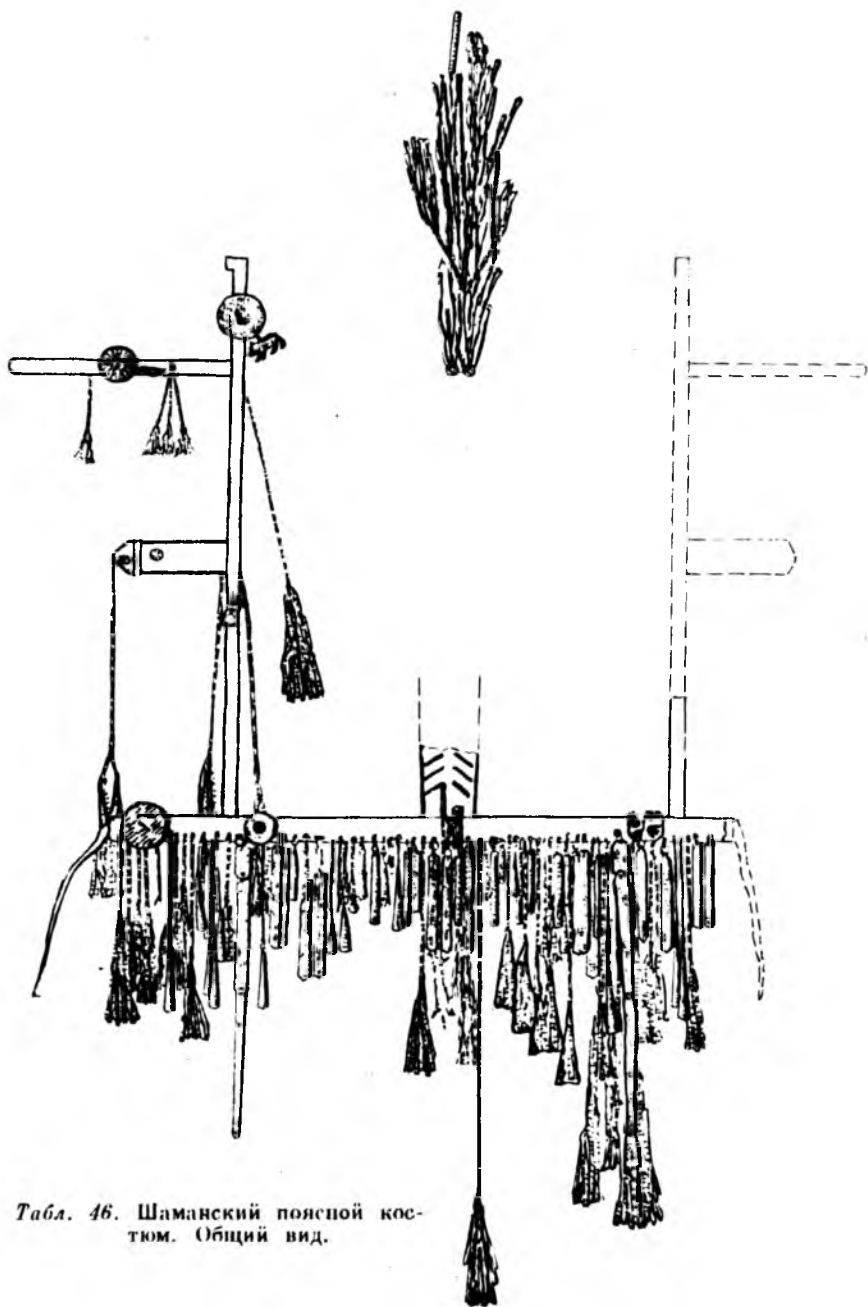

Табл. 46. Шаманский поясной костюм. Общий вид.

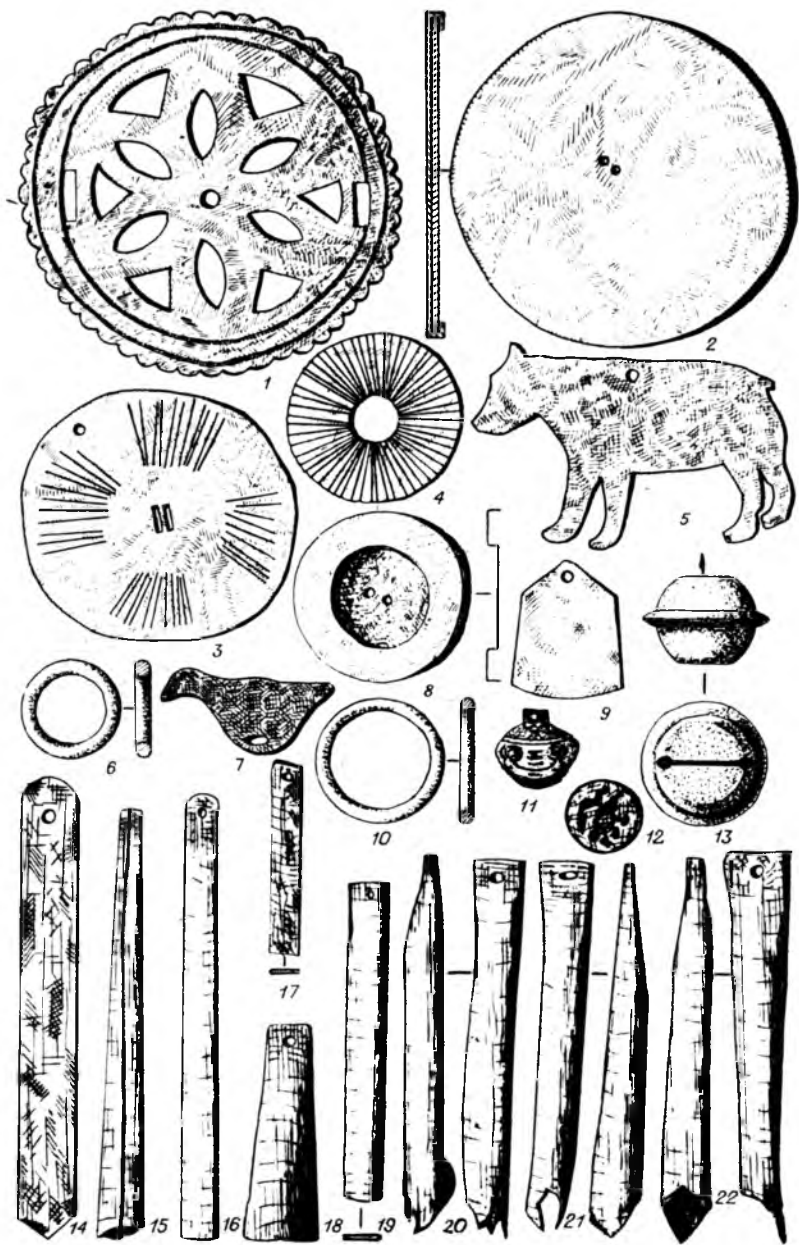

Табл. 47. Детали шаманского поясного костюма.

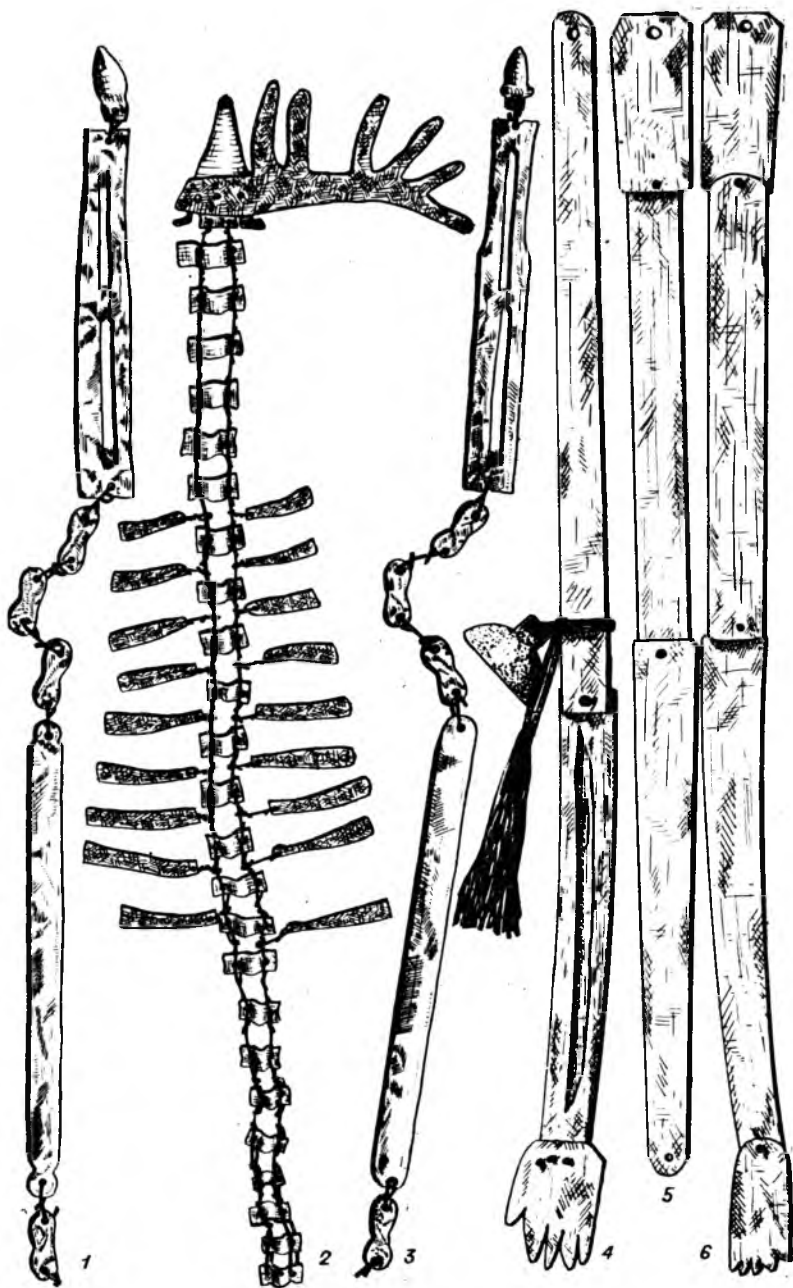

Табл. 48. Детали шаманского поясного костюма.

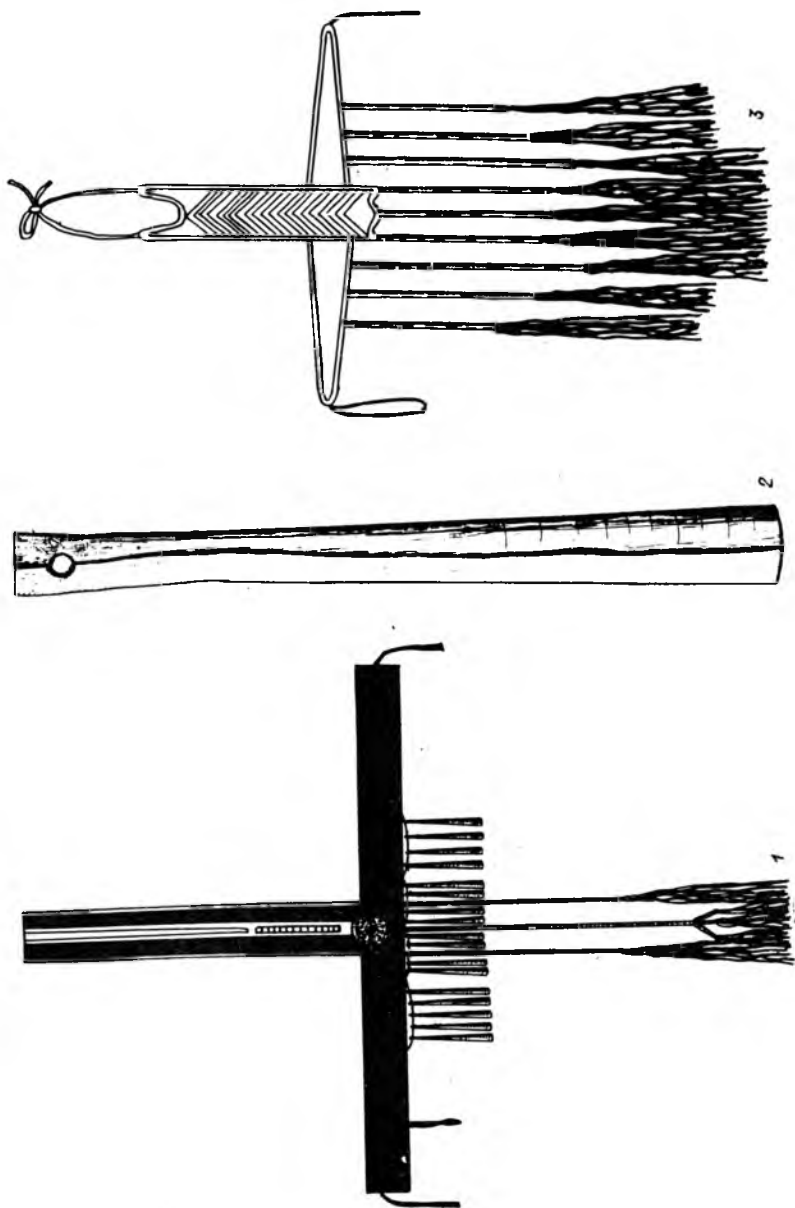

Табл. 49. Шаманские нагрудники (1, 3) и деталь нагрудника (2).

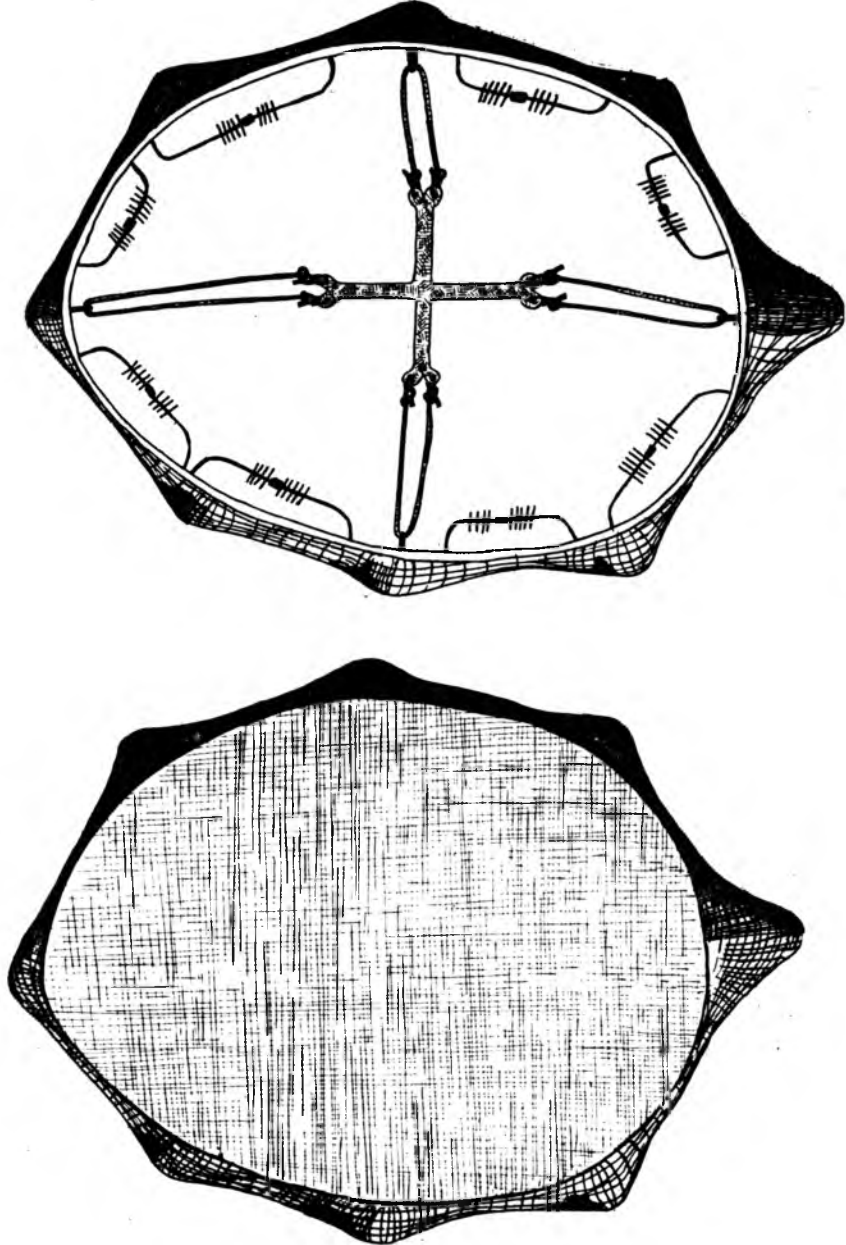

Табл. 50. Шаманский бубен № 1.

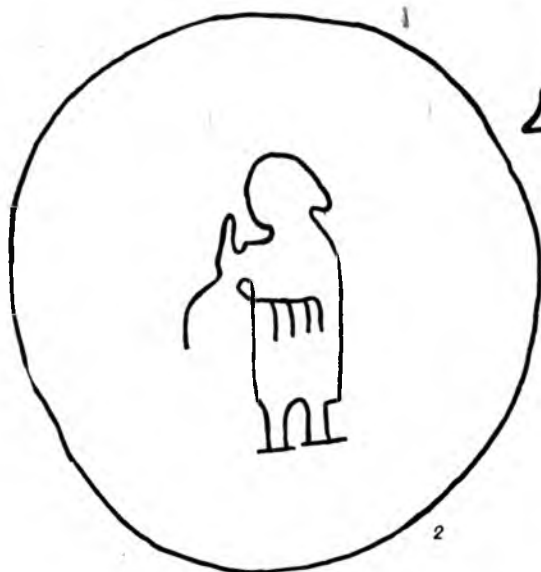
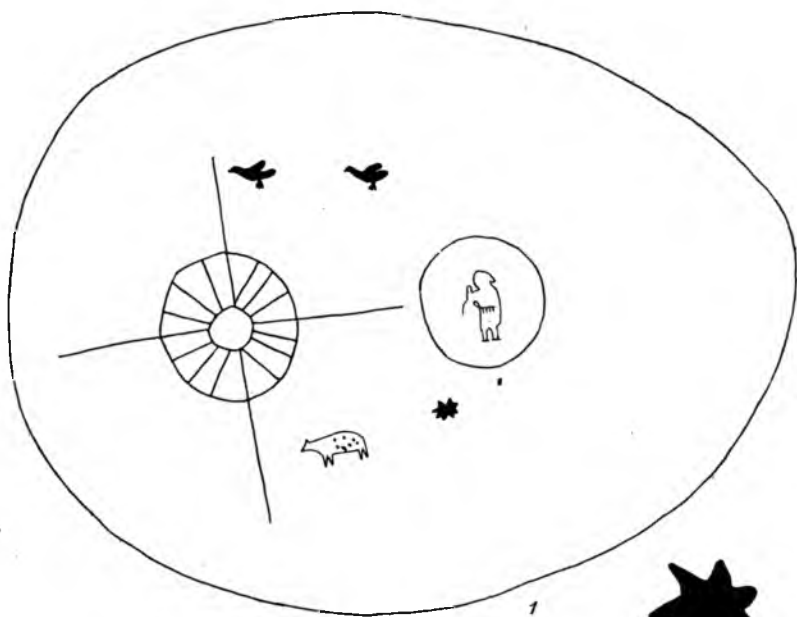

Табл: 51. Детали шаманского бубна № 1.

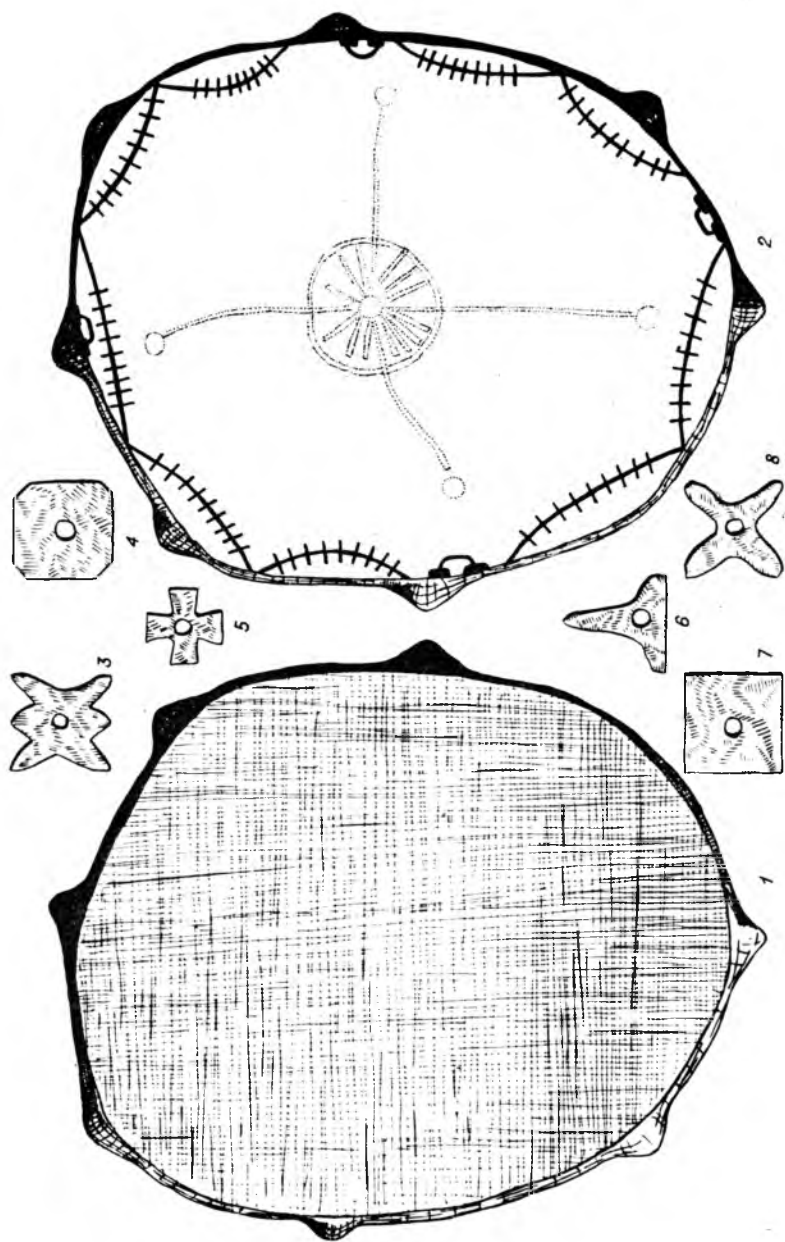

Табл. 52. Шаманский бубен № 2.

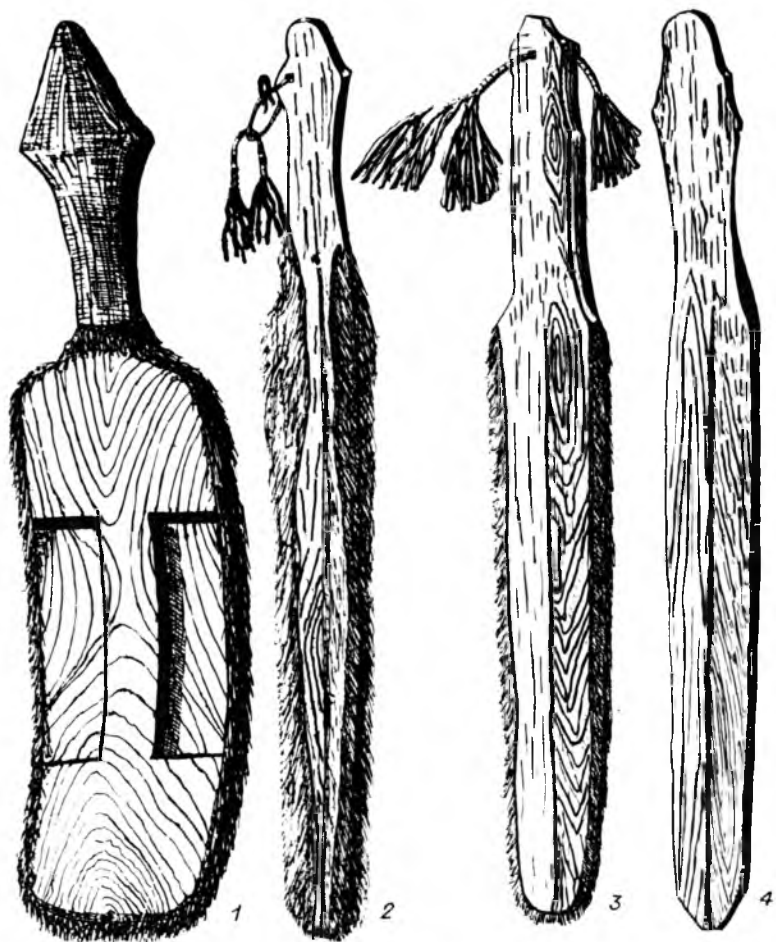

Табл. 53. Шаманские колотушки.

1 — из жертвенника у писаницы в устье р. Онен, правого притока Нюкжи; 2—4 — место приобретения неизвестно.

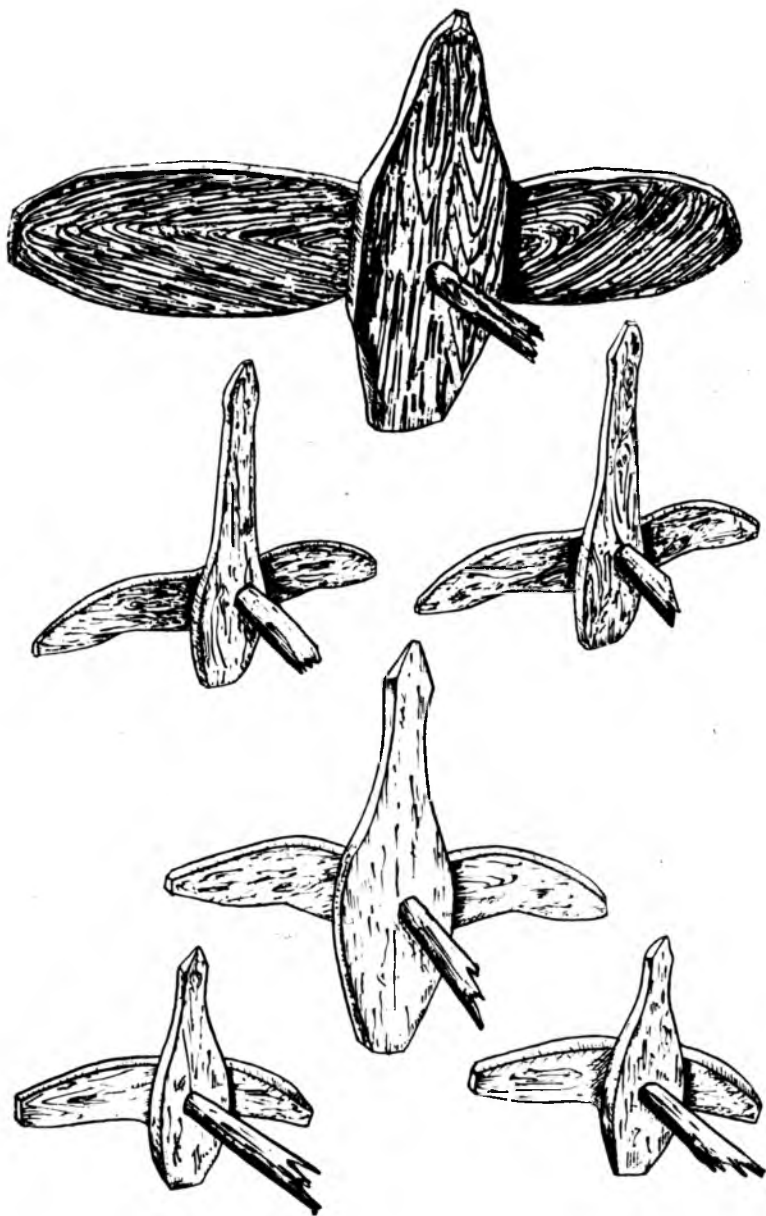

Табл. 54. Деревянные ритуальные изображения иглиц для обряда *синкеланун*.
Изготовил К. В. Григорьев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Представления эвенков-орочонов об окружающем мире	7
1. Верхний мир	—
2. Нижний мир	16
3. Средний мир — земля	19
4. Душа, вместилище души <i>синкен</i> и семейные охранительные идолы	25
5. Промысловые животные	34
6. Птицы, рыбы, земноводные, пресмыкающиеся и растительность	55
7. Беременность, рождение ребенка, поверья и обряды, связанные с ними	59
8. Болезни, смерть и погребальные обряды	62
Глава II. Шаманизм эвенков-орочонок	66
1. Символы шаманских атрибутов	67
2. Шаманские духи и становление шаманов	77
3. Обряды и камлания	85
Заключение	101
Примечания	106
Список принятых сокращений	112
Приложение	113
Таблицы	147

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ МАЗИН

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ ЭВЕНКОВ-ОРОЧОНОВ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX В.)

Утверждено к печати Институтом истории, филологии
и философии СО АН СССР

Редактор издательства *Т. Р. Болдырева*
Художник *В. И. Шумаков*
Художественный редактор *В. И. Желнин*
Технический редактор *С. А. Смородинова*
Корректоры *Н. В. Лисина, Т. Ю. Нифантьева*

ИБ № 23747

Сдано в набор 26.10.83. Подписано к печати 22.06.84. МН-03066. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 9+3,5 на офсет. бум. Усл. кр.-отг. 12,9. Уч.-изд. л. 15,2. Тираж 6000 экз. Заказ № 842. Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука», Сибирское отделение. 630099, Новосибирск, 99, Советская, 18. 4-я типография издательства «Наука». 630077, Новосибирск, 77, Станиславского, 25.

1 р. 20 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ